

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

42 2026
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 42 (645) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображён *Фёдор Осипович Шехтель* (1859–1926) — выдающийся русский архитектор, один из ключевых создателей стиля модерн в России, чьё творчество во многом определило облик Москвы на рубеже XIX–XX веков.

Франц-Альберт Шехтель (будущий Фёдор) родился в Санкт-Петербурге в семье обрусевших немцев. Когда мальчику было шесть лет, семья переехала в Саратов. Там отец вместе с братом управлял крахмальным заводом, ткацкой фабрикой и театром. Однако вскоре последовали тяжёлые удары: сначала умер отец, затем — дядя, и семья лишилась средств к существованию. В этих условиях Шехтель рано начал искать способы заработка. Он учился в саратовской гимназии, а после её окончания в 1875 году переехал в Москву к матери.

В столице он готовился к поступлению в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Благодаря протекции Павла Третьякова (муж его тётки был связан с меценатом) юношу определили в мастерскую архитектора Александра Каминского, набираться опыта. Позже Шехтель поступил на архитектурное отделение училища, где учился у Дмитрия Чичагова. Однако учёба ему давалась нелегко: молодого человека увлекала богемная жизнь Москвы, и он часто пропускал занятия. В 1878 году его отчислили за плохую посещаемость.

Несмотря на это, в Москве Шехтель вошёл в круг творческой элиты. Он сблизился с художниками Левитаном и Врубелем (они вместе учились в гимназии), а также с братьями Чеховыми, которые ввели его в литературный и издательский круг. Эти связи во многом определили разносторонность его будущих проектов: он начал совмещать архитектуру с графикой, театральным оформлением и иллюстрированием книг. В 1880-х годах он уже создавал декорации и костюмы для театральных постановок, проектировал временные сооружения для городских парков.

Переломным моментом в его карьере стали 1882–1883 годы: Шехтель начал самостоятельную архитектурную практику, стал подписывать проекты собственным именем и лично контролировать строительство.

Среди ранних самостоятельных работ — усадебные комплексы (для М. А. Морозова в селе Великом Ярославской губернии) и особняки. Одной из знаковых стала усадьба для М. А. Морозова на Спиридоновке: Шехтель создал не просто дом, а целостную художественную среду, продумав всё — от планировки до деталей интерьера.

В 1894 году, во время строительства этого особняка, 35-летний архитектор сдал экзамены в Техническо-строительном комитете МВД и получил диплом техника-строителя, что дало ему возможность официально вести само-

стоятельную практику. В январе 1895 года его приняли в Московское архитектурное общество, членом которого он оставался более 30 лет.

В последующие десятилетия Шехтель реализовал множество проектов в разных жанрах: строил театры (например, Московский художественный театр, где он совместно с художественными руководителями реконструировал сцену и зрительный зал), банки, церкви, типографии, вокзалы, имения и дачи. Он последовательно развивал идею единства архитектуры и декоративно-прикладного искусства: часто сам проектировал не только здание, но и ограду, уличные фонари, мебель, обои, дверные ручки, стремясь к созданию законченного художественного образа.

14 апреля 1900 года в Париже открылась Всемирная выставка, почти на целый год взбудоражившая художественную среду всей Европы. За участие в ней Шехтель был награждён серебряной медалью.

В 1902 году Императорская академия художеств присвоила ему почётное звание академика архитектуры.

Интересный факт: в мае 1914 года Франц-Альберт Шехтель перешёл из католичества в православие и принял имя Фёдор. Сам зодчий объяснял это тем, что давно и прочно обрусел.

После 1917 года Шехтель пытался адаптироваться к новым реалиям: проектировал для советской власти рабочие клубы, санатории, выставочные павильоны. Он даже подал на конкурс проект Мавзолея Ленина с трибуной и аудиториями, но его не приняли.

Последние годы жизни архитектора были непростыми. Заказов становилось всё меньше, а назначенной по ходатайству А. В. Луначарского персональной пенсии (75 рублей) не хватало даже на лекарства. Шехтель пытался продать часть имущества, включая коллекции чертежей, чтобы прокормить семью. В мае 1926 года он переехал с семьёй на арендованную дачу в Петровско-Разумовское (Новое шоссе, 23). Там 7 июля 1926 года Фёдор Осипович Шехтель скончался от рака желудка.

Архитектора похоронили на Ваганьковском кладбище — в семейном склепе, который он сам когда-то спроектировал в стиле модерн.

Память о Шехтеле сохранилась в его выдающихся постройках, ставших символами московского модерна (особняк Рябушинского, особняк Морозовой, здание Ярославского вокзала и другие), а также в исследованиях историков архитектуры. В честь зодчего названа малая планета № 3967.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Подмогильный Д. О.

Земли водного фонда: правовое регулирование..... 293

Половодова А. А.

Особенности рассмотрения споров, связанных с определением кадастровой стоимости недвижимости, используемой в целях налогообложения 296

Пярых Е. О.

Судимость как основание общеправовых ограничений 299

Ромасева Д. В.

Пересмотр гражданских дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам: актуальные проблемы судебной практики 302

Сардарян Н. Т.

Использование информационных технологий в качестве способов совершения преступления 305

Семянов З. В.

О проблемах использования криминалистической фотографии и видеозаписи в судебно-следственной практике 309

Скрипко М. С.

Установление происхождения ребёнка, рождённого суррогатной матерью: российская практика 2026 года и зарубежный опыт 312

Старкова Ю. В.

Неотложные следственные действия и следственные действия, проводимые в безотлагательном порядке: проблемы разграничения..... 314

Старкова Ю. В.

Проблемы правовой природы срока проведения неотложных следственных действий..... 317

Столяр А. С.

Патентный троллинг как форма злоупотребления правом: проблемы гражданско-правовой защиты 320

Трифонов Г. И.

Оценочное понятие или оценочная категория: к вопросу о терминологии и сущностных признаках 323

Тунник Н. В.

Распределение ответственности между собственником и арендатором при нарушении требований пожарной безопасности: правовые позиции, спорные ситуации и алгоритм действий 326

Тунник Н. В.

Практика привлечения к ответственности за нарушение требований пожарной безопасности: типичные нарушения, ошибки и способы их избежать 328

Холбаев Р. А.

Особенности привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан из государств дальнего зарубежья 331

Холбаев Р. А.

Особенности привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации трудовых мигрантов — граждан государств ближнего зарубежья 334

Холбаев Р. А.

Проблемы и риски для экономики Российской Федерации, связанные с трудовыми отношениями с мигрантами из государств ближнего и дальнего зарубежья..... 337

Черкесова К. С.

Проблемы определения правовой природы договора аренды в современной цивилистике..... 340

Чернова А. Т.

Возмещение государством вреда, причиненного нарушением права на участие в гражданском деле..... 344

Чернова А. Т.

Минимальный размер и индивидуализация компенсации морального вреда за незаконное лишение свободы..... 346

Чечель К. В.

Свидетельские показания как средство
доказывания в гражданском процессе 348

Чиркова В. В.

Типичные проблемы выявления мелкого
взяточничества в сфере управления
транспортными средствами 350

Чубатая Н. В.

Правовой статус территориальных
органов МЧС России: элементы, проблемы
и направления совершенствования 351

Чубатая Н. В.

Эволюция и современное состояние
правового статуса МЧС России в системе
органов исполнительной власти..... 353

Шалаганова В. А.

Возможная трансформация состава суда
под влиянием цифровизации в приказном
производстве. Допустимость замены судьи
искусственным интеллектом 355

Шкуринская П. Ю.

Правовой статус государственного
обвинителя как участника уголовного
судопроизводства по делам
о террористических актах 357

Якупова А. М.

Административные процедуры как средство
противодействия коррупции в системе
органов публичной власти: проблемы теории
и практики 360

Якупова Е. С.

Пересмотр вступивших в законную силу
судебных решений мировых судей.
Актуальность и целесообразность
изменений, внесенных в главу 47.1 УПК
РФ в части обжалования судебных актов
мировых судей..... 364

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Земли водного фонда: правовое регулирование

Подмогильный Дмитрий Олегович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируется правовая категория земель водного фонда как одной из категорий земельного фонда Российской Федерации, выделяемых по целевому назначению, рассматриваются её нормативное определение и историческое происхождение.

Ключевые слова: земли водного фонда, водный объект, береговая полоса, водоохранная зона, категории земель, земельный фонд.

Земли, на которых присутствуют водные объекты, являются землями водного фонда в том значении, которое раскрыто в ст. 102 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ) [2].

При этом подпункт 6 пункта 1 статьи 7 ЗК РФ относит указанные земли к самостоятельной категории земельного фонда страны, выделяемой наряду с шестью иными категориями земель, которые устанавливаются российским законодателем исходя из их целевого назначения. Подчёркивая связь этого регулирования с конституционными основами, необходимо отметить, что право на землепользование и право на охрану природных ресурсов закреплены ст. 9 Конституции Российской Федерации [1], а значит земли водного фонда, как и земли иных категорий, находятся под конституционной защитой [10].

Формирование данной категории земель не было случайным и относится к более позднему периоду развития земельного законодательства, чем большинство иных целевых категорий. Отделение земель под водой в отдельный правовой режим было в конце 1960-х годов и было обусловлено тем, что многие реки, водохранилища и озёра страны достигли предела способности к самоочищению, вследствие чего возникла необходимость придать прилегающим к воде землям особый режим, способствующий сохранению чистоты вод [12].

Поэтому с этим связано последующее развитие водоохранного законодательства, а также института прибрежных защитных полос и водоохранных зон, введённый ещё Положением 1996 года [8] и получивший системное закрепление в действующем Водном кодексе Российской Федерации 2006 года (далее — ВК РФ) [3].

Межотраслевой характер выступает особенностью правового режима земель водного фонда, поскольку нормами земельного, водного, а в ряде случаев и граждан-

ского права одновременно регулируются отношения, возникающие по поводу и управления землями данной категории земель. Рассматривать водное право следует как подотрасль экологического права, связанную с земельным законодательством и обусловленную им. О включении земель водного фонда в гражданский оборот при сохранении специального публично-правового режима их использования говорит и сложившаяся судебная практика, ведь такие земли выступают предметом договоров купли-продажи и аренды, а также становятся объектами исков о признании права собственности, чем подтверждается рассматриваемый тезис. Круг отраслей, затрагивающих изучаемую категорию земель, становится шире, поскольку отдельные авторы указывают на роль законодательства о недрах в регулировании охраны земель, занятых подземными водами [10].

Земельные отношения в границах водного фонда оказывались фактически подчинены водному законодательству, поскольку условия использования данной категории земель регулировались преимущественно нормами водного, а не земельного права, а также ввиду того, что до недавнего времени действовал запрет на формирование земельных участков в границах земель водного фонда, вследствие чего можно заключить, что правовое регулирование земель водного фонда содержит пробелы и остаётся неполным. Положения ЗК РФ о землях водного фонда, по мнению автора, отличаются неполнотой и незавершённостью правового регулирования, поскольку принятие в 2021 году Федерального закона от 11 июня 2021 года № 163-ФЗ [7], которым были внесены изменения в статью 102 Земельного кодекса Российской Федерации и статью 10 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации [4] и тем самым отменён запрет на образование участков в пределах береговой полосы, сделало

формирование таких участков юридически допустимым, при этом законодатель одновременно не установил и не закрепил нормы, определяющие виды разрешённого использования подобных земельных участков, что и порождает указанный пробел в регулировании данных отношений [11].

Вызывает

т сложности соотношение понятий «земли водного фонда» и «поверхностные водные объекты», поскольку оба термина применяются законодателем для описания фактически одних и тех же пространственных объектов. Синонимичными во многом делает указанные понятия то обстоятельство, что в соответствии со статьей 5 ВК РФ поверхностные водные объекты включают в себя как земельные участки, покрытые водами, так и участки, занятые береговой линией, вследствие чего провести четкую границу между данными категориями оказывается затруднительно.

Поскольку в отношении земель водного фонда не установлены целевое назначение и виды разрешенного использования, свойственные иным категориям земель, отдельные исследователи высказывают мнение о том, что применение к таким землям самого понятия «земли» является достаточно условным и требует дополнительного теоретического обоснования.

Хотя применительно к другим категориям земель соответствующие нормы предусмотрены, Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [6], устанавливающий обязательность внесения в Единый государственный реестр недвижимости сведений о границах категорий земель, не содержит упоминания земель водного фонда в качестве отдельной учетной категории, что дополнительно усиливает существующую в данной сфере неопределенность [11].

Формирование земельных участков в береговой полосе порождает ряд вопросов, не имеющих однозначного законодательного решения. Могут ли образуемые в границах береговой полосы земельные участки рассматриваться в качестве самостоятельных объектов земельных отношений, распространяется ли на их правовой режим водное законодательство и являются ли такие участки частями либо принадлежностями водного объекта, все эти вопросы связаны непосредственно с процессом формирования земельных участков в пределах береговой полосы и до настоящего времени не получили однозначного законодательного разрешения.

Даже в тех случаях, когда право собственности на земельный участок было зарегистрировано много лет назад, такой участок, сформированный без учёта фактического прохождения береговой линии, впоследствии признаётся судами не подлежащим нахождению в частной собственности, что подтверждается сложившейся судебной практикой.

Независимо от момента и обстоятельств формирования частного земельного участка водные объекты и их

береговая полоса остаются объектами общего пользования и находятся в федеральной собственности, поскольку в силу ч. 8 ст. 27 ЗК РФ приватизация участков в пределах береговой полосы запрещена, в связи с чем Ордынский районный суд Новосибирской области решением от 30 января 2024 года по делу № 2–6/2024 удовлетворил исковое заявление прокурора о признании отсутствующим права собственности гражданина на часть земельного участка площадью 743 кв. м, занятую береговой полосой Новосибирского водохранилища [14]. Участки в составе водоохраных зон не подпадают под категорию земель водного фонда и не подчиняются ограничениям оборота, установленным ст. 27 ЗК РФ, поскольку сами водоохранные зоны согласно статье 65 ВК РФ не входят в состав водного объекта и находятся за пределами береговой линии.

Лишь 37,9 % территорий, покрытых поверхностными водами, отнесены к землям водного фонда. Большая их часть входит в состав иных категорий: земель лесного фонда (25,6 %), земель сельскохозяйственного назначения (18,2 %) и земель запаса (14,2 %). Такое распределение свидетельствует о практической значимости рассматриваемого вопроса. Расценивая такое положение как свидетельство необходимости упорядочения государственного учёта водных объектов и земельных участков, на которых они расположены [12].

Земли не относятся к землям водного фонда в тех случаях, когда водный объект полностью расположен в границах категории земель населённых пунктов, сельскохозяйственного назначения или иной категории, и именно такое ограничение состава земель водного фонда установлено пунктом 2 статьи 102 ЗК РФ. Вопрос о том, происходит ли при этом изменение категории земель автоматически или требуется прохождение процедуры перевода, предусмотренной Федеральным законом от 21 декабря 2004 года № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» [5], возникает применительно к малым водным объектам, которые целиком находятся в границах иной категории земель, поскольку именно на такие объекты распространяется данная норма, введённая в законодательство недавно. Поскольку режим замкнутых непроточных водоёмов регулируется исключительно земельным законодательством, тогда как малые русловые водные объекты, гидравлически связанные с поверхностными водами, относятся к части поверхностного водного объекта и подпадают под действие водного законодательства, разграничение этих двух категорий водных объектов приобретает практическое значение [11].

При условии изолированности и обособленности прудов и обводнённых карьеров от иных поверхностных водных объектов эти объекты допускается относить к собственности субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и частных лиц, тогда как в остальных случаях статья 8 ВК РФ устанавливает общее правило о федеральной собственности на поверхностные

водные объекты, и именно из этого правила исходит вся дальнейшая практика применения норм водного законодательства к спорным ситуациям.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам высшей судебной инстанции, где раскрываются признаки изолированности пруда как основание возникновения частной собственности, стоит привести здесь в качестве примера, поскольку оно наглядно показывает, каким образом суды устанавливают границы применения указанного исключения из общего правила о федеральной собственности.

В качестве части водного объекта, сохраняющей связь с федеральной собственностью, остаются малые русловые водные объекты, обладающие гидравлической связью с поверхностными водами, и это обстоятельство отличает их от прудов и обводнённых карьеров, которые при соблюдении условия обособленности могут переходить в иные формы собственности [11]. Не только физическими характеристиками водных объектов определяется состав земель водного фонда, что подтверждается рассмотренным подходом, поскольку данный состав зависит также от формы собственности на расположенные на этих землях водные объекты.

Конкретизации состава земель водного фонда способствует и региональный уровень правового регулирования, который дополняет положения федерального законодательства.

Земли, предоставляемые для установления полос отвода и зон охраны водозаборов, гидротехнических и иных водохозяйственных сооружений, а также земли водоохраных зон и земли, занятые непосредственно водными объектами, относятся к землям водного фонда согласно статье 98 Закона Республики Калмыкия от 28 февраля 2003

года № 286-ПЗ «О земле» [9], что демонстрирует более широкий перечень объектов данной категории на региональном уровне по сравнению с федеральным подходом.

Сохраняющаяся на уровне всей страны проблема отсутствия единообразного подхода к определению состава земель водного фонда не устраняется полностью, хотя подобное более широкое толкование состава на региональном уровне частично компенсирует недостаточность федерального регулирования в этой сфере [10].

Критерии индивидуализации земель водного фонда, а также вопрос об их соотношении с иными водными и земельными объектами остаются недостаточно урегулированными, поскольку понятие данной категории земель, сформулированное в ст. 102 ЗК РФ, несмотря на немногословность самой формулировки, не позволяет с достаточной определённой установить состав указанной категории, что свидетельствует о наличии существенного пробела в правовом регулировании этого вопроса [13].

Пространство от края акватории водного объекта до границы береговой полосы предлагается признать самостоятельной категорией земель водного фонда как отдельным объектом земельных отношений, и такое предложение, сформулированное в юридической литературе и заключающееся в распространении на береговую полосу закреплённого ст. 1 ЗК РФ принципа дифференцированного подхода к установлению правового режима земель, представляется обоснованным и подлежащим учёту при дальнейшем совершенствовании законодательства.

Уточнение правил государственного кадастрового учёта применительно к данной категории земель наряду с внесением согласованных изменений в ЗК РФ и ВК РФ потребуются для практической реализации такого подхода.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). — 04.07.2020.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
3. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 23. — Ст. 2381.
4. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 11. — Ст. 1001.
5. Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
6. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 29 (ч. 1). — Ст. 4344.
7. Федеральный закон от 11.06.2021 № 163-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). — 11.06.2021.
8. Постановление Правительства РФ от 23.11.1996 № 1404 «Об утверждении Положения о водоохраных зонах водных объектов и их прибрежных защитных полосах» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 49. — Ст. 5567. (утратило силу)
9. Закон Республики Калмыкия от 28.02.2003 № 286-ПЗ «О земле» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. Мельников Н. Н. Проблемы состава, индивидуализации и правового режима земель водного фонда // Имущественные отношения в РФ. — 2025. — № 2 (281). — С. 65–74.
11. Папаскири Т. В., Липски С. А., Фаткулина А. В. Некоторые особенности правового режима земель водного фонда и смежных с ними // Экология и водное хозяйство. — 2023. — Т. 5. — № 3. — С. 24–33.
12. Хомякова М. А. Земли водного фонда: правовое регулирование // Аграрное образование и наука. — 2024. — № 1. — С. 47–53.
13. Краснова И. О. Правовой режим земель водного фонда на новом витке развития // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2023. — № 3 (103). — С. 64–67.
14. Решение Ордынского районного суда Новосибирской области от 30.01.2024 по делу № 2–6/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

Особенности рассмотрения споров, связанных с определением кадастровой стоимости недвижимости, используемой в целях налогообложения

Половодова Анна Андреевна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются материально-правовые и процессуальные особенности разрешения споров об определении кадастровой стоимости недвижимости, используемой в целях налогообложения. Анализируются разграничение способов защиты, порядок обращения в бюджетное учреждение и суд, особенности доказывания, значение судебной экспертизы и временные пределы применения пересмотренной стоимости. Особое внимание уделяется защите прав налогоплательщиков при оспаривании архивной кадастровой стоимости.

Ключевые слова: кадастровая стоимость, объект недвижимости, государственная кадастровая оценка, рыночная стоимость, налоговая база, административное судопроизводство, налогоплательщик, судебная экспертиза, архивная кадастровая стоимость.

Кадастровая стоимость представляет собой юридически значимую характеристику недвижимости, используемую, в частности, при исчислении земельного налога, налога на имущество физических лиц и налога на имущество организаций в предусмотренных законом случаях. Поэтому спор о ее величине затрагивает не только результаты оценки имущества, но и объем налоговой обязанности. Публично-правовой характер подобных споров отражен в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 года № 28 [1] и в специальном регулировании главы 25 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [2].

Как справедливо отмечает Е. В. Климов, в России более десяти лет развивается институт кадастровой оценки, назначение которого — установление кадастровой стоимости земельного участка для целей налогообложения [3, с. 45]. При этом, по мнению А. Д. Власова, кадастровая оценка носит субъективный характер, поскольку представляет собой рыночную стоимость на дату расчета, а рыночная стоимость имеет вероятностный характер — «сколько оценщиков — столько мнений» [4, с. 72]. Это принципиальное замечание имеет прямое отношение к рассматриваемой проблематике: сама природа кадастровой стоимости порождает необходимость механизмов ее оспаривания.

Для правильной квалификации требований необходимо различать оспаривание величины кадастровой

стоимости и оспаривание исчисленного налогового обязательства. В первом случае проверяется стоимостная характеристика объекта недвижимости; во втором — правомерность применения налоговым органом соответствующей базы, ставки, льгот и иных правил расчета. Пленум Верховного Суда РФ отдельно указал на недопустимость совместного рассмотрения требования о пересмотре кадастровой стоимости и требования о пересмотре налоговых обязательств в рамках соответствующего кадастрового дела [1].

Следовательно, успешное разрешение кадастрового спора следует рассматривать как создание правовой предпосылки для корректировки налогообложения, а не как автоматическое разрешение всех разногласий с налоговым органом.

Принципиальное значение имеет также разграничение двух самостоятельных механизмов:

– Исправление ошибок, допущенных при определении кадастровой стоимости. Статья 21 Закона № 237-ФЗ относит к ним нарушения методических указаний, описки, арифметические и иные ошибки, повлиявшие на стоимость, а также искажение учитываемых данных об объекте [5].

– Установление кадастровой стоимости в размере рыночной. Этот механизм позволяет заменить кадастровую величину результатом индивидуальной рыночной оценки в порядке, установленном законом.

Как отмечает А. П. Трубчиков, при рассмотрении административных дел об оспаривании кадастровой стоимости важное значение имеет правильное распределение бремени доказывания и формулирование требований к доказательствам [6, с. 25]. Так, само по себе расхождение между кадастровой и рыночной стоимостью не следует отождествлять с конкретной ошибкой государственной оценки. При требовании об исправлении ошибки необходимо установить ее содержание и влияние на расчет. При установлении рыночной стоимости основное значение приобретает доказанность соответствующей рыночной величины.

Смешение указанных способов защиты способно привести к неправильному определению предмета доказывания. Например, отчет о рыночной стоимости может показывать иной экономический результат, но не объяснять, какое именно нарушение было допущено при первоначальном кадастровом расчете.

Процедура защиты зависит от применимого правового режима. Статья 22 Закона № 237-ФЗ предусматривает оспаривание результатов определения кадастровой стоимости в комиссии, если она создана, либо в суде; обязательное предварительное обращение в комиссию для этого режима не установлено. Статья 22.1 предусматривает первоначальное рассмотрение заявления об установлении рыночной стоимости уполномоченным бюджетным учреждением и последующий судебный контроль его решения.

При этом нельзя механически исходить из универсального утверждения, что с 1 января 2026 года во всех субъектах Российской Федерации применяется только статья 22.1. Действующая редакция статьи 6 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 269-ФЗ связывает применение этого порядка с региональным решением о переходе: до установленной им даты статья 22.1 не применяется, а после перехода не применяется статья 22. Для ранее поданных заявлений предусмотрены специальные правила [7].

Таким образом, первичная правовая квалификация спора должна включать установление: региона нахождения недвижимости; даты и содержания решения о переходе; момента подачи заявления; основания пересмотра стоимости; периода, для которого требуется изменение налоговой базы.

В порядке статьи 22.1 к заявлению прилагается электронный отчет об оценке. По общему правилу заявление подается в течение шести месяцев с даты, по состоянию на которую проведена рыночная оценка, а не с даты составления отчета. Срок рассмотрения составляет тридцать календарных дней. Отказ должен содержать все выявленные причины, предусмотренные законом.

С исследовательской точки зрения предварительное обращение в учреждение имеет двойственный характер. Оно может обеспечить исправление стоимости без судебных расходов, однако результативность такого механизма зависит от качества мотивировки решения и воз-

можности заявителя проверить оценочные возражения. Поэтому обязательную внесудебную стадию целесообразно оценивать не только по скорости рассмотрения, но и по ее способности реально устранить нарушение.

Дела об оспаривании кадастровой стоимости, а также предусмотренных законом решений и действий бюджетного учреждения рассматриваются в первой инстанции верховными судами республик, краевыми, областными и другими соответствующими судами субъектов Российской Федерации. Такая подсудность установлена пунктом 15 части 1 статьи 20 КАС РФ и распространяется также на споры, инициируемые организациями [2].

Статья 245 КАС РФ связывает право обращения граждан и организаций с тем, что кадастровая стоимость затрагивает их права и обязанности. Статья 246 требует указать соответствующую связь в административном исковом заявлении. Для налоговых целей ее целесообразно раскрывать через принадлежность объекта, статус налогоплательщика и применение спорной стоимости при определении налоговой базы.

Состав участников зависит от предмета спора. При оспаривании отказа бюджетного учреждения именно его решение составляет объект судебной проверки. При непосредственном оспаривании результатов определения стоимости статья 247 КАС РФ предусматривает участие органов, утвердивших результаты и осуществляющих функции по государственной кадастровой оценке, а также бюджетного учреждения. Суд вправе привлечь иных лиц, права которых могут быть затронуты [2].

Практически значима возможность объединить требование о признании решения учреждения незаконным с требованием об установлении кадастровой стоимости в размере рыночной. Такая конструкция прямо предусмотрена частью 1.1 статьи 246 КАС РФ. Для оспаривания решений и действий учреждения действует трехмесячный срок со дня, когда административному истцу стало известно о соответствующем решении или действии; при наличии уважительных причин срок может быть восстановлен.

Считаем, что соединение требований способствует процессуальной экономии: судебная защита направляется не только на устранение незаконного отказа, но и на достижение конечного результата — установление надлежащей стоимости.

Предмет доказывания определяется выбранным способом защиты. При установлении рыночной стоимости требуется подтвердить достоверность оценочного результата. При исправлении ошибки необходимо обосновать наличие конкретного дефекта исходных данных или расчета.

Как подчеркивает А. П. Трубчиков, в административных делах об оспаривании кадастровой стоимости проявляется активная роль суда: суд назначает экспертизу по собственной инициативе, даже если стороны не ходатайствуют об этом [6, с. 24]. Это отличает административное судопроизводство от классического состязатель-

ного процесса и отражает публично-правовую природу рассматриваемых споров.

Статья 247 КАС РФ возлагает на стороны обязанность доказывать обстоятельства, которыми они обосновывают требования и возражения, и предусматривает возможность истребования доказательств судом. Одновременно споры о решениях бюджетного учреждения рассматриваются по правилам главы 22 КАС РФ с особенностями главы 25. Это требует разграничивать доказывание рыночной величины и проверку законности административного решения.

К административному иску об оспаривании решения учреждения по заявлению об установлении рыночной стоимости прилагается электронный отчет, включающий предусмотренные законом сведения ЕГРН. При оспаривании отказа исправить ошибки представляются документы, подтверждающие их наличие. Невыполнение специальных требований к заявлению влечет оставление его без движения, а при неустранении недостатков — возвращение.

При возникновении вопросов, требующих специальных знаний, существенное значение имеет судебная оценочная экспертиза. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что она должна быть направлена на установление рыночной стоимости и включать проверку отчета на соответствие требованиям законодательства об оценочной деятельности [1]. А. П. Трубчиков отмечает, что формулировка вопросов эксперту в некоторой степени обуславливает результаты экспертизы, что требует особой тщательности при их подготовке [6, с. 25].

Для повышения качества судебной проверки предлагается последовательно исследовать: соответствие характеристик объекта использованным данным; сопоставимость объектов-аналогов; обоснованность корректировок; учет ограничений использования и обременений; воспроизводимость расчетов; соответствие выбранной даты оценки применимому порядку защиты.

Последний вопрос особенно важен: дата составления отчета, дата оценки, дата обращения и дата начала применения стоимости имеют разное юридическое значение. Их смешение способно сделать даже методически качественный отчет непригодным для разрешения конкретного требования.

Налоговый результат пересмотра определяется не только новой величиной, но и периодом ее применения. Статья 18 Закона № 237-ФЗ различает основания изменения стоимости. В частности, при установлении рыночной стоимости бюджетным учреждением действует правило о применении с 1 января года подачи заявления с установленными законом ограничениями; для оспаривания по статье 22 предусмотрено отдельное правило.

Уменьшение стоимости вследствие исправления предусмотренных законом ошибок может иметь иной временной эффект.

Следовательно, формула «любое снижение кадастровой стоимости» позволяет пересчитать налог за все прошлые годы» юридически некорректна. Для определения последствий необходим совместный анализ основания пересмотра, сведений ЕГРН, правил соответствующего налога и специальных судебных позиций.

Особую проблему составляет архивная кадастровая стоимость — величина, замененная в ЕГРН новой, но использованная для налогообложения прошедших периодов. Конституционный Суд РФ в постановлении от 14 июля 2026 года № 48-П признал статью 22.1 Закона № 237-ФЗ частично неконституционной применительно к невозможности эффективного оспаривания такой стоимости добросовестными физическими лицами, не являющимися индивидуальными предпринимателями [8].

До законодательного урегулирования Суд предусмотрел возможность обращения указанного налогоплательщика в бюджетное учреждение в течение одного года со дня, когда ему стало или должно было стать известно о налогово-правовых последствиях кадастровой оценки. Пересмотр допускается для определения базы по земельному налогу или налогу на имущество физических лиц за соответствующие предшествующие годы в пределах трех лет, предшествующих году обращения. Этот специальный порядок нельзя автоматически распространять на организации и индивидуальных предпринимателей.

Из данной позиции следует, что архивный статус стоимости сам по себе не должен исключать защиту, когда ее налоговые последствия продолжают затрагивать лицо. Научное значение этого подхода состоит в смещении акцента с формального состояния реестра на сохраняющееся имущественное обременение налогоплательщика.

Таким образом, особенности кадастровых споров в целях налогообложения обусловлены соединением оценочного, публично-правового и процессуального элементов. Их правильное рассмотрение требует разграничения исправления ошибок и установления рыночной стоимости, определения применимого регионального порядка, точного формулирования требований и проверки юридически значимых дат.

Основной вывод исследования состоит в том, что эффективность защиты определяется не самим фактом снижения кадастровой стоимости, а возможностью применить результат пересмотра к налоговым обязательствам, затрагивающим заявителя. Поэтому рассмотрение таких дел должно обеспечивать согласованность судебной проверки оценки и последующего восстановления имущественных прав налогоплательщика.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недви-

- жимости» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181899/ (дата обращения: 12.10.2026).
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 12.10.2026).
 3. Климов Е. В. Легитимное и практическое соотношение понятий кадастровой и рыночной стоимости земельных участков // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2024. — № 3. — С. 45–56.
 4. Власов А. Д. Теоретическая стоимость объекта недвижимости и природных ресурсов как база налогообложения // Вестник СГУГиТ. — 2022. — Т. 27, № 3. — С. 71–77.
 5. Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504/ (дата обращения: 12.10.2026).
 6. Трубчиков А. П. Отдельные вопросы процесса доказывания в административных делах об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости // Арбитражный и гражданский процесс. — 2023. — № 8. — С. 23–28.
 7. Федеральный закон от 31.07.2020 N 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358790/ (дата обращения: 12.10.2026).
 8. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2026 № 48-П «По делу о проверке конституционности статьи 22.1 Федерального закона «О государственной кадастровой оценке» и части 3 статьи 245 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобами граждан Бухмиллер И. Ф. и Епифанова А. В». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_539371/ (дата обращения: 12.10.2026).

Судимость как основание общеправовых ограничений

Пятых Екатерина Олеговна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Настоящая статья посвящена комплексному теоретико-правовому анализу института судимости как основания для установления ограничений в различных отраслях российского права. В ходе исследования решаются задачи по определению сущности правовых ограничений, анализу правовой природы судимости и ее отличий от наказания, систематизации вытекающих из нее ограничений по отраслевому признаку, а также оценке их соответствия принципам правового государства. Автор проводит отраслевой анализ этих ограничений, затрагивающих избирательные, трудовые, профессиональные и иные права лиц с судимостью. Выявлена проблема — чрезмерно формализованный и зачастую бессрочный характер подобных запретов, что вступает в противоречие с институтами погашения и снятия судимости и затрудняет реальную ресоциализацию. Результатом исследования является вывод о необходимости гуманизации и дифференциации системы постпенитенциарных ограничений. В качестве конкретных предложений по совершенствованию законодательства автор рассматривает введение судебного порядка снятия отдельных ограничений после погашения судимости с учетом личности и поведения конкретного лица, установление максимальных сроков действия таких ограничений и расширение общеправового значения института досрочного снятия судимости.

Ключевые слова: судимость, правовые ограничения, общеправовые ограничения, постпенитенциарные ограничения, правовой статус, ресоциализация, погашение судимости, трудовые права.

Criminal record as a basis for general legal restrictions

This article is devoted to a comprehensive theoretical and legal analysis of the institution of criminal record as a basis for establishing restrictions in various branches of Russian law. The research solves the tasks of determining the essence of legal restrictions, analyzing the legal nature of a criminal record and its differences from punishment, systematizing the resulting restrictions by industry, as well as assessing their compliance with the principles of the rule of law. The author conducts a detailed industry analysis of these restrictions affecting the electoral, labor, professional and other rights of persons with a criminal record. A key problem has been identified — the overly formalized and often indefinite nature of such prohibitions, which contradicts the institutions of repayment and removal of criminal records and makes it difficult to real socialization. The main result of the study is the conclusion about the need to humanize and differentiate the system of post-penitentiary restrictions. As specific proposals for improving legislation, the author considers the introduction of a judicial procedure for lifting certain restrictions after the repayment of a criminal record, taking into ac-

count the personality and behavior of a particular person, the establishment of maximum validity periods for such restrictions and the expansion of the general legal significance of the institution of early removal of criminal records.

Keywords: criminal record, legal restrictions, general legal restrictions, post-penitentiary restrictions, legal status, re-socialization, cancellation of criminal record, labor rights.

Актуальность исследования института судимости как основания общеправовых ограничений обусловлена его двойственной правовой природой. С одной стороны, судимость выступает правовым последствием справедливого и обоснованного приговора суда, реализуя цели уголовной ответственности: кара, восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение новых преступлений. С другой стороны, судимость, выходя за рамки исполнения наказания, порождает комплекс ограничений общегражданского характера, затрагивающих широкий спектр прав и свобод лица. Это создает напряжение между принципами законности, справедливости и гуманизма, с одной стороны и необходимостью защиты публичных интересов, правопорядка и безопасности общества — с другой. В условиях формирования правового государства и развития концепции ресоциализации лиц, отбывших наказание, требуется четкое определение функциональных и временных границ таких ограничений, их соответствия тяжести содеянного и личности осужденного. Выбор темы продиктован также наличием дискуссий в научной среде относительно правомерности и объема общеправовых ограничений, связанных с судимостью, а также их зачастую автоматического применения без учета индивидуальных обстоятельств.

Целью настоящего исследования является комплексный теоретико-правовой анализ судимости в качестве юридического факта, влекущего установление общеправовых ограничений. Задачи исследования включают:

- определение понятия и сущности правоограничений в теории государства и права;
- анализ правовой природы судимости и ее отличий от наказания;
- систематизацию общеправовых ограничений, связанных с судимостью, по отраслевому признаку;
- оценку соответствия ограничений принципам правового государства;
- формулирование предложений по совершенствованию действующего законодательства.

В качестве объекта исследования выступают общественные отношения, связанные с установлением и реализацией правовых ограничений для лиц, имеющих судимость. Предмет исследования — нормы конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного, трудового, административного права, регулирующие правовой статус таких лиц, а также доктринальные позиции ученых-правоведов и практика применения соответствующих норм.

В теории государства и права под правовым ограничением понимается правовое сдерживание противоза-

конного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите [1]. Как отмечает А. В. Малько, ограничения есть установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать; исключения из общего правового статуса личности, обусловленные необходимостью защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц. Правоограничения имманентно присущи правовому регулированию и выполняют охранительную, гарантирующую и предупредительную функции [2].

Судимость, регламентированная ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет собой особое правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения его судом к определенному виду и мере наказания за совершённое преступление. Это состояние длится с момента вступления приговора в законную силу и до момента погашения или снятия судимости. Ключевая доктринальная характеристика судимости, подчеркиваемая такими учеными, как Н. И. Ветров и Ю. М. Ткачевский, — это рассмотрение судимости как в уголовно-правовом (учет при рецидиве, назначении наказания), так и в общеправовом смысле (основание для ограничений в иных отраслях права) [3]. Судимость именно во втором смысле составляет предмет настоящего анализа.

Важно разделять наказание и судимость: наказание (лишение свободы, штраф, исправительные работы и т. д.) — это мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, преследующая конкретные цели и имеющая установленные сроки, а судимость — это правовое последствие отбытого (или не отбытого в полном объеме) наказания, длящееся во времени и порождающее новые правоотношения. При этом судимость — факт, имеющий общеправовое значение даже в тех случаях, когда его уголовно-правовое значение аннулировано. Таким образом, общеправовые ограничения, связанные с судимостью, по своей природе являются постпенитенциарными: они продолжают действие и после того, как лицо полностью отбыло основную и дополнительную меру уголовно-правового воздействия.

Система ограничений, вытекающих из факта судимости, носит комплексный межотраслевой характер. Ее анализ позволяет выявить как общие черты с классическими правоограничениями (направленность на защиту публичного интереса, установление законом), так и специфические особенности (автоматизм возникновения, связь с личностным статусом, длительность). Согласно ст. 32 Конституции Российской Федерации, не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Однако

судимость порождает и более долгосрочные запреты. Так, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав...» № 67-ФЗ запрещает быть избранным лицам, имеющим неснятую или непогашенную судимость за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также за преступления экстремистской направленности. Аналогичные ограничения установлены для участия в работе избирательных комиссиях. Эти нормы направлены на защиту основ конституционного строя и обеспечение доверия к публичным институтам, но на практике могут носить избыточно формальный характер, не учитывая реальную степень общественной опасности личности спустя много лет после отбытия наказания.

Наиболее обширный и социально значимый блок ограничений связан с трудовой сферой. Они установлены как Трудовым кодексом Российской Федерации (ст. 331, запрещающая педагогическую деятельность лицам, имеющим судимость за определенные преступления), так и множеством специальных федеральных законов. Лица с судимостью (часто не только непогашенной, но и погашенной) не могут занимать должности государственной и муниципальной службы, служить в правоохранительных органах, в авиационном персонале, быть адвокатами, нотариусами, частными детективами, охранниками, работниками финансового сектора в определенных должностях, членами экипажей судов. Такие ограничения продиктованы безусловным приоритетом защиты интересов службы, безопасности, имущественных интересов граждан и государства, однако не всегда соотносятся с принципами равенства и справедливости. Например, согласно определению Раздольненского районного суда Республики Крым от 11.06.2021 (которое Верховный суд Республики Крым оставил без изменения в апелляционном определении от 06.09.2021), иск, поданный представителем гражданина С., был возвращен со ссылкой на абз. 2 п. 3 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности...» № 63-ФЗ. Согласно указанному определению, С. не вправе представлять в судах интересы иных лиц по причине вступления в законную силу приговора суда о признании его виновным в совершении умышленного преступления. Не согласившись с вынесенными судебными актами, С. обратился в Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, указав, что статуса адвоката он был лишен до вступления в силу указанного нижестоящими судами положения; кроме того, судимость, имевшаяся у него по приговору суда 2005 г., давно им погашена. Однако и кассационный суд оставил жалобу С. без удовлетворения, а вынесенные ранее судебные акты признал соответствующими действующим требованиям законодательства.

Также и Конституционный суд Российской Федерации в целом допускает подобные ограничения, указывая на их пропорциональность защищаемым целям. Например, в определении указанного судебного органа от 27.11.2025 № 2943-О гражданину, оспаривавшему конституционность положений Основ законодательства Российской

Федерации о нотариате, согласно которым нотариус, занимающийся частной практикой, по собственному желанию или же по решению суда слагает свои полномочия в случае осуждения его за совершение умышленного преступления, было указано, что такое ограничение продиктовано особыми требованиями, вытекающими из публично-правового статуса нотариуса, и не требует привязки к срокам судимости. Однако в научной литературе (например, в работах Т. Г. Понятовской) справедливо отмечается, что абсолютный и бессрочный характер некоторых запретов (особенно для погашенных судимостей) может нарушать принцип индивидуального подхода и права человека на труд [4].

Судимость, помимо вышеуказанного, является основанием для отказа в выдаче лицензии на приобретение оружия (Федеральный закон «Об оружии» № 150-ФЗ), для установления административного надзора после отбытия наказания (Федеральный закон «Об административном надзоре...» № 64-ФЗ). Кроме того, сам факт наличия непогашенной судимости учитывается как отягчающее обстоятельство при назначении наказания за повторное преступление — рецидив (ст. 68 Уголовного кодекса Российской Федерации) — и как обстоятельство, отягчающее административную ответственность (ст. 4.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации). Эти меры направлены на предупреждение новых правонарушений и носят превентивный характер. Судимость, помимо указанного, может препятствовать усыновлению ребенка, получению гражданства, выезду за границу (если это подразумевается условным осуждением или является частью ограничений, не снятых судом). В каждом случае законодатель пытается балансировать между частным интересом реабилитировавшегося лица и публичным интересом в безопасности и стабильности соответствующих отношений.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что судимость функционирует как уникальное сквозное основание для правоограничений, пронизывающее различные отрасли российского права. Его ключевая особенность — презюмируемый публично-правовой риск, который государство связывает с лицом, однажды нарушившим уголовный запрет. Это сближает судимость с иными правоограничивающими статусами (например, недееспособность в части ограничения сделок), от которых она отличается тем, что носит временный и персональный характер. Основная дискуссионная проблема сводится к вопросу о соответствии объема и длительности общеправовых ограничений принципам соразмерности, индивидуализации и гуманизма. На практике наблюдается тенденция к чрезмерно широкому и зачастую автоматическому применению запретов. Например, пожизненный запрет на занятие педагогической деятельностью для лица, осужденного за совершённое в молодости тяжкое преступление, отбывшего длительный срок и доказавшего свое исправление, ставит под сомнение саму возможность ресоциализации. Законодатель во многих

случаях использует формальный критерий — факт судимости (погашенной или непогашенной) за преступления определенной категории, — не предусматривая судебного или иного индивидуального механизма оценки степени исправления лица и реального уровня исходящей от него угрозы.

Этот подход вступает в противоречие с логикой самого уголовного закона, в котором наличие институтов погашения и снятия судимости означает восстановление лица в правах, «прощение» государством. Однако общеправовые ограничения зачастую игнорируют этот акт, создавая, как выражаются некоторые правоведы, «режим скрытой пожизненной кары».

На основании проведенного исследования можно заключить, что институт судимости, выполняя охранительную функцию, выступает в современном российском праве комплексным основанием для установления общеправовых ограничений. Эти ограничения, пронизывая различные отрасли законодательства, формируют особый усеченный правовой статус лица, фактически продлевая действие уголовной репрессии далеко за пределы исполнения основного наказания [5].

В этой связи назревает необходимость системной гуманизации и дифференциации правового регулирования общеправовых ограничений. Следует пересмотреть универсальный характер бессрочных запретов, введя их градацию в зависимости от тяжести актуальной угрозы, которую лицо может представлять для конкретной сферы общественных отношений. Например, безусловные и пожизненные ограничения правомерно сохранить для доступа к деятельности, непосредственно связанной с высшими интересами защиты личности детей или государственной безопасности, тогда как для иных профессиональных областей возможны более гибкие подходы. Кроме того, целесообразно установить в законе четкие максимальные сроки действия общеправовых ограничений после погашения судимости, за исключением особых изъятий, устанавливаемых судом. Параллельно требует расширения предусмотренный уголовным законом институт досрочного снятия судимости, которому необходимо придать не только уголовно-правовое, но и общеотраслевое значение: снятие судимости должно автоматически отменять связанные с ней общеправовые ограничения.

Литература:

1. Гавриков, В. П. Теория государственно-правового регулирования : монография. — Москва : Проспект, 2016. — 160 с.
2. Малько, А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. — 2018. — № 12. — С. 238–249.
3. Яценко, Б. В. Судимость: правовая природа и значение в механизме реализации уголовной ответственности // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 1 (37). — С. 71–78.
4. Понятовская, Т. Г. О понятии судимости и ее институциональном значении // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2022. — № 10 (98). — С. 37–43.
5. Шуранова, О. А. Нормативное регулирование правового состояния судимости в Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. — 2017. — № 2. — С. 279–280.
6. Елинский, А. В. Проблемы уголовного права в конституционном измерении : монография. — Москва : Юрлитинформ, 2012. — 496 с.

Пересмотр гражданских дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам: актуальные проблемы судебной практики

Ромасева Дарья Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ерохина Татьяна Петровна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена актуальным проблемам правоприменительной практики при пересмотре гражданских дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в условиях реформирования гражданского процессуального законодательства в 2025–2026 гг. Исследуются вопросы разграничения вновь открывшихся и новых обстоятельств, оценочной категории существенности и формализму в судебной практике. Предложены пути решения проблем: смещение фокуса на содержание обстоятельства, расширение круга заявителей и разработка универсального основания при изменении законодательства.

Ключевые слова: пересмотр гражданских дел, новые обстоятельства, вновь открывшиеся обстоятельства, существенность, новые доказательства, судебная практика, формализм.

Review of civil cases based on new or newly discovered circumstances: current issues in judicial practice

This article addresses current issues in law enforcement practice regarding the review of civil cases based on new or newly discovered circumstances amidst the 2025–2026 reforms of civil procedural legislation. It examines the distinction between newly discovered and new circumstances, the evaluative concept of materiality, and formalism in judicial practice. Proposed solutions include shifting the focus to the substance of the circumstance, expanding the circle of eligible applicants, and developing a universal ground for review in the event of legislative changes.

Keywords: review of civil cases, new circumstances, newly discovered circumstances, materiality, new evidence, judicial practice, formalism.

За последние годы институт пересмотра гражданских дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам претерпел значительные изменения, затронувшие в большей степени основания применения и, как следствие, судебную практику.

В соответствии со ст. 392 ГК РФ к основаниям для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам относятся: неизвестные заявителю существенные по делу обстоятельства; заведомо ложные показания свидетеля, заключение эксперта, неправильный перевод, фальсификация доказательств; преступления, совершенными лицами, участвующими в деле или судьей. К новым обстоятельствам относятся: отмена судебного постановления, принятие постановления о недействительной сделке, которые послужили основанием для принятия судебного постановления, а также изменения в законодательстве, в том числе принятие новых постановлений КС РФ и ВС РФ в отношении исследуемого вопроса [1].

Ключевой новеллой стало вступление в силу Федерального закона от 15.12.2025 № 485-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты», которым были внесены дополнения в перечень обстоятельств, являющихся основанием для пересмотра дела: обстоятельства криминального характера, которые могут быть подтверждены как обвинительным приговором, так и постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, а также определением или постановлением о прекращении уголовного дела (преследования) [2]. Поправки разработаны во исполнение Постановления КС РФ от 16.01.2025 № 1-П, согласно которому отказ в пересмотре недопустим только потому, что соответствующие факты констатируются не в приговоре, а в иных процессуальных документах. Соответственно, скорректирован и порядок исчисления срока подачи заявления о пересмотре [3].

Несмотря на совершенствование законодательства в правоприменительной практике все ее остаются определенные проблемы при рассмотрении гражданских дел по вновь открывшимся обстоятельствам. В качестве центральной теоретической проблемы выступает смешение вновь открывшихся обстоятельств и новых доказательств. В соответствии с разъяснениями п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 31 от 11.12.2012 г., новые доказательства не могут служить основанием для пересмотра [9]. Однако

суды не всегда последовательно разграничивают эти категории, что порождает противоречивую практику.

Владимирской областной суд отказал в пересмотре дела заявителю, ссылавшемуся на то, что судом не был выяснен правовой режим земельного участка и не разделил его в натуре. Суд мотивировал отказ тем, что данные обстоятельства не являются вновь открывшимися, поскольку они не были скрыты от заявителя на момент рассмотрения дела [13].

Заявителю, обратившемуся с кассационной жалобой на отказ в пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам, ВС РФ было отказано на основании того, что приведённые им доводы не отвечают признакам обстоятельств, указанных в ст. 311 АПК РФ, и не являются основанием для пересмотра, что соответствует разъяснениям Постановления Пленума ВАС РФ № 52 [6].

При этом, Седьмым арбитражным апелляционным судом со ссылкой на п. 4 и 5 Постановления Пленума ВАС РФ № 52, были сформулированы три основных признака существенности обстоятельств: их способность повлиять на выводы суда, они не были и не могли быть известны заявителю, существовали на момент вынесения судебного акта. Особо судом было подчеркнуто следующее: «Не могут приравниваться к существенным обстоятельствам новые доказательства, которые представляют собой не факты, а данные (содержат информацию) о фактах» [11].

Несмотря на достаточно последовательный подход при решении вопроса о пересмотре дел по вновь открывшимся и новым обстоятельствам, оценочная категория «существенности» создаёт правовую неопределённость и снижает предсказуемость практики, поскольку одни суды трактуют ее достаточно широко, другие — узко.

Рассмотрим более подробно примеры судебной практики. Так, ВС РФ отказал в пересмотре решения о разделе совместно нажитого имущества заявителю, ссылавшемуся на решение арбитражного суда, которым договор аренды земельного участка был признан ничтожным. ВС РФ мотивировал отказ тем, что само по себе признание сделки недействительной не является безусловным основанием для пересмотра, т. к. данный факт должен был непосредственно повлиять на существо принятого решения [4].

Суд апелляционной инстанции отказал истцу в пересмотре, сославшись на указание в п. 4 Постановления Пле-

нума ВАС РФ № 52, согласно которому обстоятельства, являющиеся основаниями для пересмотра, должны быть существенными, то есть способными повлиять на выводы суда. При этом представление новых доказательств по уже исследованным обстоятельствам не может служить основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам [12].

В судебной практике также было выявлено много дел, когда заявители просили о пересмотре, ссылаясь на признание контрагента банкротом и включение их требований в реестр кредиторов, однако апелляционной отказывал, указывая, что сам по себе факт банкротства не свидетельствует о существенности обстоятельств для пересмотра решения о взыскании задолженности.

В качестве одной из проблем пересмотра дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам можно выделить формализм при оценке доказательств, поскольку в судебной практике встречаются дела, когда отказ в пересмотре обусловлен отсутствием «идеального» процессуального документа, несмотря на очевидность фактов, что особенно характерно для дел, в которых криминальные обстоятельства подтверждаются не приговором, а иными процессуальными актами. Так, заявитель просил ВС РФ пересмотреть дело, в связи с заведомо недобросовестным осуществлением прав конкурсным управляющим. ВС РФ, как и три нижестоящих суда, не нашел оснований для передачи жалобы, поскольку доводы заявителя не свидетельствовали о нарушениях норм права [7].

Аналогичный подход демонстрирует дело, в котором ВС РФ отказал в передаче кассационной жалобы ООО «Макс» на судебные акты нижестоящих инстанций о возвращении заявления о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам, указав, что доводы жалобы «не позволяют сделать вывод о том, что при рассмотрении дела допущены нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, приведшие к судебной ошибке существенного и непреодолимого характера» [5]. Данное дело свидетельствует о том, что суд в полной мере не оценивал существенности заявленных обстоятельств и ограничивался проверкой наличия «существенной и непреодолимой» судебной ошибки, т. е. критерия, который сам по себе носит оценочный характер и позволяет выносить отказы, не анализируя фактическую сторону.

Несмотря на то, что в последние годы суды в большей степени оценивают объективную истину, а не правовую определенность, в правоприменительной практике сохраняются консервативные формулировки о «экстраординарности» процедуры, что создает внутреннее противоречие. Рассмотрим дело, в котором явно прослеживается сложность баланса между процессуальными сроками и необходимостью исправления ошибок. ВС РФ отменил судебные акты нижестоящих инстанций, на основании отсутствия у нижестоящих судов оснований ни для удовлетворения заявления о пересмотре (ввиду поздней подачи), ни для отмены ранее принятого определения [8].

Принятый № 485-ФЗ несомненно положительно отразился на судебной практике, однако проблема формализма все еще не решена в полной мере, в связи с чем целесообразно четко и последовательно разграничивать юридические факты (объективно существующий в момент рассмотрения дела факт, который не был известен заявителю и суду) и доказательства, выступающие как средство установления факта. В судебной практике необходимо оценивать не форму заявленного обстоятельства, а его природу.

Также в доктрине предлагается создать универсальное основание для пересмотра решений при имеющем обратную силу изменении закона, что способствовало бы решению проблемы правовой неопределенности при изменении законодательства.

На законодательном уровне целесообразно расширить круг лиц, имеющих право на подачу заявления о пересмотре дела представителям (на основании специального полномочия), что позволит повысить уровень эффективности защиты прав доверителей.

Таким образом, в настоящее время происходит активное формирование института пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Основное внимание уделяется отходу от формализма в сторону содержательной оценки обстоятельств, что подтверждается позицией КС РФ и принятием Закона № 485-ФЗ. Однако окончательный баланс между стабильностью судебных актов и справедливостью еще не найден, что требует дальнейшего совершенствования как законодательства, так и судебной практики.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.20.2026).
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 15.12.2025 № 485-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.20.2026).
3. По делу о проверке конституционности статьи 390.14 и части третьей статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. В. Вишнякова, Н. М. Волокитиной, М. З. Каримова и Н. Н. Наливайко: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.01.2025 № 1-П // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.20.2026).
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13.01.2026 г. № 18-КГ25-445-К4 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.20.2026).

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2026 г. № 303-ЭС24-13254 по делу № А51-6623/2016 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.20.2026).
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.06.2026 № 310-ЭС23-28876 по делу № А83-8490/2021 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.20.2026).
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2.09.2026 г. № 308-ЭС19-20056(4) по делу № А53-17363/2017 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.20.2026).
8. Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2026 г. № 301-ЭС21-29781(9) по делу № А38-4254/2019 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.20.2026).
9. О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.12.2012 г. № 31 (ред. от 09.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.20.2026).
10. О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.06.2011 г. № 52 (ред. от 09.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.20.2026).
11. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 07.04.2026 г. № 07АП-473/14 по делу № А45-6090/2013 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.20.2026).
12. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.06.2026 г. № 19АП-4058/25 по делу № А36-2053/2024 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.20.2026).
13. Апелляционное определение Владимирского областного суда от 20.12.2026 г. № 33-242/2026 по делу № 2-244/2011 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.20.2026).

Использование информационных технологий в качестве способов совершения преступления

Сардарян Нара Тархановна, старший преподаватель
Медицинский университет «Реавиз» (г. Москва)

В статье рассматривается феномен использования информационных технологий как способа совершения преступлений. Подчеркивается, что цифровизация всех сфер общественной жизни привела к трансформации криминальной активности: способы совершения как компьютерных, так и традиционных преступлений всё чаще опираются на средства хранения, обработки и передачи информации. Проанализированы положения уголовного законодательства Российской Федерации, а также подзаконные акты и акты судебного толкования, регламентирующие ответственность за деяния, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Выявлены проблемы законодательной техники и правоприменительной практики, связанные с разграничением информационных технологий как предмета, средства и способа преступного посягательства; по этой причине сформулированы предложения по совершенствованию уголовного закона и повышению эффективности противодействия киберпреступности.

Ключевые слова: информационные технологии; способ совершения преступления; киберпреступность; компьютерная информация; информационно-телекоммуникационная сеть; неправомерный доступ; мошенничество; уголовная ответственность; цифровизация; информационная безопасность.

Информационные технологии глубоко интегрированы во все сферы жизнедеятельности современного общества: в государственное управление, экономику,

образование, коммуникацию и повседневный быт. Но одновременно с расширением их полезного потенциала цифровизация сформировала и новую криминальную

реальность, изменив сам механизм противоправного поведения. По данным МВД России, в 2024 году в стране зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что составило около 40 % от общего числа зарегистрированных преступлений — это максимальный показатель за последние пять лет. При этом 84,8 % подобных деяний совершены с использованием сети «Интернет», а ущерб от киберпреступлений исчисляется сотнями миллиардов рублей. Почти каждое второе преступление в России сегодня имеет «цифровую» составляющую; по тяжким и особо тяжким составам данный показатель приближается к 60 %.

Как справедливо отмечают В. А. Андрюшенков и О. М. Андрюшенкова, «набирают масштабы преступления, совершаемые при помощи информационно-телекоммуникационной сети Интернет», причём действующее российское законодательство не содержит детального толкования дефиниций «информационно-коммуникационные технологии», «информационно-телекоммуникационные технологии» и лишь пространно описывает сущность соответствующих терминов [5]. Показательно, что при таком состоянии нормативного материала возрастает значение научного осмысления роли информационных технологий в механизме преступного поведения — и одновременно проверки адекватности уголовно-правового реагирования.

Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, устойчиво увеличивается число таких преступлений; во-вторых, происходит «девальвация» требования специальных познаний у преступника, поскольку если ранее специфика преступлений в сфере компьютерной информации была обусловлена необходимостью обладания определённым уровнем специальных познаний, то в настоящее время вредоносные программы и инструкции по их применению находятся в сети Интернет в практически свободном доступе [5]. В-третьих, информационные технологии всё чаще выступают не предметом, а именно способом и средством совершения традиционных преступлений — хищений, клеветы, доведения до самоубийства, организации массовых беспорядков, что ставит перед законодателем и правоприменителем новые квалификационные задачи.

Легальное определение информационных технологий закреплено в ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: это процессы, осуществляемые посредством информационно-телекоммуникационной сети (технологической системы, предназначенной для обеспечения доступа к информации и её передачи по линиям связи с использованием средств вычислительной техники), комплекс методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [2]. Иначе говоря, законодатель связывает информационные

технологии прежде всего с процессами работы с информацией, а не с материальными носителями как таковыми — именно это обстоятельство принципиально для уголовно-правовой оценки.

Для уголовно-правовой квалификации необходимо различать три функциональные роли информационных технологий в механизме преступления. Первая роль — предмет посягательства, когда преступление направлено на саму компьютерную информацию либо на функционирование информационных систем. В такой конструкции информационные технологии определяют родовой объект посягательства; соответствующие деяния криминализованы главой 28 УК РФ.

Вторая роль — средство (орудие) совершения преступления. В этом случае информационные технологии используются как инструмент для достижения преступного результата по традиционным составам: мошенничество, кража, клевета, мошенничество в сфере компьютерной информации. Третья роль — способ совершения преступления, то есть совокупность приёмов и операций, образующих объективную сторону деяния; именно в таком качестве информационные технологии в последние годы получили наиболее заметную законодательную оценку. Квалифицирующий признак «совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть „Интернет“» включён более чем в 19 норм Особенной части УК РФ [6].

Указанный признак содержится, в частности, в статьях о преступлениях против жизни и здоровья (ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ), против семьи и несовершеннолетних (ст. 151.2 УК РФ), против свободы и половой неприкосновенности (ст. 133, 135 УК РФ), против конституционных прав и свобод (ст. 137–138.1, 282 УК РФ), а также в составах экономических и экологических преступлений (ст. 171.2, 185.3, 258.1 УК РФ). Разграничение названных ролей имеет практическое значение: от того, выступают ли информационные технологии предметом, средством или способом, зависит выбор применяемой нормы и квалификация деяния. Как отмечается в литературе, «в том случае, когда Интернет используется как средство для совершения действий второстепенного плана, можно говорить о совершении преступлений с использованием Интернета, а когда само преступное деяние совершается с помощью Интернета — о собственно совершении преступления посредством Интернета» [6]. В ряде ситуаций сеть одновременно выступает и средством, и способом посягательства, что, в свою очередь, создаёт трудности квалификации.

Анализ судебно-следственной практики позволяет выделить несколько устойчивых групп способов, в которых информационные технологии образуют ядро преступного замысла. Непосредственный (прямой) доступ к компьютерной информации предполагает физическое нахождение злоумышленника у защищаемого устройства:

совершаются уничтожение, блокирование, модификация или копирование информации, нарушается работа компьютера. Как правило, такие деяния совершаются лицами, имеющими легитимный доступ к системе (сотрудниками организации), либо субъектами, специально проникшими на охраняемую территорию — это отличает данный способ от удалённого воздействия.

Удалённый доступ — наиболее распространённый способ, реализуемый через компьютерные сети с другого устройства. К его разновидностям относятся: проникновение в чужие информационные сети путём соединения с компьютером, телефоном или планшетом; использование идентификационных данных других лиц (кодов, паролей, логинов); подключение к линии связи легитимного пользователя; использование вредоносного программного обеспечения для удалённого доступа к информации [5]. Примечательно, что все эти варианты объединяет опосредованный характер контакта с охраняемой системой — при отсутствии физического присутствия у устройства.

Использование вредоносных программ образует самостоятельный способ, характеризующийся высокой общественной опасностью. В качестве примера можно привести уголовное дело, по которому виновный распространял за денежное вознаграждение вредоносное программное обеспечение для операционной системы Android, позволявшее скрыто управлять мобильным устройством: перехватывать и блокировать SMS-сообщения и USSD-запросы, записывать звонки, получать данные банковских карт путём вывода фишинговых окон. Указанные действия квалифицированы по ч. 2 ст. 273 УК РФ [5] — что демонстрирует самостоятельное уголовно-правовое значение подобного инструментария.

Социальная инженерия и фишинг — это способы, эксплуатирующие не технические, а психологические уязвимости потерпевшего. Злоумышленник убеждает жертву самостоятельно сообщить коды из СМС, перевести средства на «безопасный счёт» или установить приложение дистанционного доступа; в структуре ИТ-преступности такие способы доминируют. Большинство регистрируемых деяний составляют мошенничества, предусмотренные ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ.

Применительно к объектам критической информационной инфраструктуры выделяются способы, связанные с созданием и распространением программ, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на такие объекты, неправомерным доступом к охраняемой компьютерной информации и нарушением правил её эксплуатации [3]. Отдельную специфику составляет доказывание по таким делам: расследование требует проведения криминалистической, информационно-технологической и информационно-технической экспертиз, а поводом для возбуждения уголовных дел зачастую служат материалы оперативно-розыскных мероприятий подразделений МВД и ФСБ России, полученные «из иных источников» в соответствии с п. 3 ст.

140 УПК РФ [5]. Здесь информационная среда выступает не только пространством посягательства, но и специфической средой слеодообразования — с особыми требованиями к фиксации данных.

Систему нормативных основ противодействия киберпреступности образуют несколько актов. Уголовный кодекс Российской Федерации (глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации») криминализует: неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации (ст. 272); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274) [1]. Федеральным законом от 26.07.2017 № 194-ФЗ кодекс дополнен ст. 274.1, устанавливающей ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации — вплоть до лишения свободы на срок от пяти до десяти лет при тяжких последствиях [1]. Эта новелла обусловлена принятием Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и отражает понимание того, что воздействие на информационные системы стратегических отраслей способно причинить ущерб национальной безопасности [3].

Существенно и то, что за пределами главы 28 УК РФ ответственность за использование информационных технологий предусмотрена множеством иных норм: ст. 158 ч. 3 п. «г» (кража с банковского счёта, а также с использованием электронных денежных средств), ст. 159.6 (мошенничество в сфере компьютерной информации), ст. 185.6 (неправомерное использование инсайдерской информации), ст. 187 (неправомерный оборот средств платежей), ст. 274.1 и др. [1]. Более того, квалифицирующий признак совершения деяния «в информационно-телекоммуникационной сети» встроен в составы совершенно «нетехнических» преступлений — от доведения до самоубийства до склонения к потреблению наркотических средств, что подтверждает: информационные технологии сегодня выступают универсальным способом совершения посягательств практически любой направленности [6].

Специальные федеральные законы также занимают значимое место. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ закладывает базовые понятия («информация», «информационные технологии», «информационная система», «электронное сообщение») и устанавливает принципы правового регулирования отношений в сфере информации [2]. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ определяет критическую информационную инфраструктуру, субъекты которой обязаны обеспечивать её безопасность, а взаимодействие с государственными органами осуществляется через государственную систему предупреждения, обнаружения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГОССОПКА) [3]. Нормативная связка

этих актов — материально-правовая и организационная одновременно.

Акты судебного толкования конкретизируют содержание указанных предписаний. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершённых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» детально разъясняет терминологию и вопросы квалификации в сфере компьютерной преступности [4]. Пленум разъяснил, что под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи; что способы неправомерного доступа включают ввод, удаление, блокирование, модификацию компьютерной информации, а равно иное вмешательство в функционирование информационных систем; что при совершении хищения путём неправомерного доступа содеянное подлежит квалификации по совокупности со ст. 272 УК РФ, если незаконное завладение имуществом не охватывалось умыслом виновного. Тем самым судебное толкование задаёт практический алгоритм применения норм — при сохраняющейся сложности их соотношения.

Научная оценка ряда конструкций остаётся дискуссионной. Так, Н. А. Лопашенко обращала внимание на внутренний конфликт ст. 159.6 УК РФ: классическая диспозиция мошенничества предполагает обман лица, тогда как при «компьютерном» хищении преступник нередко взаимодействует не с человеком, а с системой, — потерпевший используется виновным «втёмную», и содеянное ближе к тайному завладению имуществом, чем к мошенничеству [7]. А. А. Энгельгардт отмечает, что норма о мошенничестве в сфере компьютерной информации является «необычным гостем» в уголовно-правовом доме с хорошо известным названием «Мошенничество», поскольку составлена по образцу германского компьютерного мошенничества, а не по логике отечественного общего состава [8]. Эти позиции свидетельствуют: законодатель, реагируя на технологические изменения, порой создаёт составы, внутренне противоречащие родовым конструкциям Особенной части.

Анализ практики позволяет выделить ряд системных проблем. Во-первых, сохраняется терминологическая неопределённость: в действующем законодательстве отсутствует чёткое разграничение понятий «информационно-коммуникационные технологии», «информационно-телекоммуникационные технологии» и «информационные технологии», что порождает разноречивую правоприменительную практику [5]. Как представляется, целесообразно закрепить в ФЗ № 149-ФЗ единый понятийный аппарат либо ввести в УК РФ примечание с легальными дефинициями, используемыми в Особенной части — это снизит уровень интерпретационных расхождений.

Во-вторых, существенной остаётся конкуренция составов. Одно и то же деяние может быть квалифицировано и по ст. 159.6, и как кража (ч. 3 ст. 158), и как неправомерный доступ (ст. 272 УК РФ); отсутствие единых критериев разграничения приводит к разноречивым решениям судов и подрывает принцип единства правоприменения. В науке обоснованно предлагается ввести в главу 21 УК РФ самостоятельный состав компьютерного хищения, объективная сторона которого непосредственно описывала бы завладение имуществом путём вмешательства в функционирование информационно-телекоммуникационных систем, с одновременной разработкой Пленумом ВС РФ чётких критериев разграничения смежных составов [7; 8]. Здесь проблема носит не только прикладной, но и конструктивно-догматический характер — поскольку затрагивает саму модель состава хищения.

В-третьих, наблюдается «отставание» закона от технологии. Уголовный кодекс традиционно реагирует постфактум: квалифицирующие признаки «в информационно-телекоммуникационной сети» появлялись в нормах по мере роста общественной опасности соответствующих способов, однако до сих пор не охвачены деяния с использованием искусственного интеллекта, дипфейк-технологий, автоматизированных ботов, используемых при обмане неограниченного круга лиц. В-четвёртых, серьёзные затруднения вызывает доказывание — виртуальный характер места совершения преступления, возможность анонимизации, трансграничность сетей осложняют фиксацию следов и установление виновных, а расследование требует специальных познаний и судебных экспертиз нескольких видов [5].

Направления повышения эффективности противодействия видятся в нескольких решениях. К ним относятся: системное включение квалифицирующего признака использования информационных технологий в составы, где он объективно востребован; унификация терминологии; развитие специализации следственных и судебных органов; расширение компетенций киберполиции; виктимологическая профилактика, учитывающая, что около половины таких преступлений составляют мошенничества, адресованные, в том числе, социально уязвимым группам населения. На практике именно сочетание нормативной определённости и институциональной специализации — при сохранении превентивного компонента — способно обеспечить более результативное противодействие.

Таким образом, информационные технологии превратились из периферийного фактора в системообразующий элемент механизма современной преступности. Они выступают и предметом посягательства (глава 28 УК РФ), и орудием, и способом совершения традиционных преступлений, что нашло отражение в более чем девятнадцати нормах Особенной части УК РФ, оперирующих признаком использования информационно-телекоммуникационных сетей. Российский законодатель продемон-

стрировал способность к оперативному реагированию (ст. 159.6, 187, 274.1 УК РФ, акт судебного толкования 2022 года), однако сохраняющиеся терминологическая неопределённость, конкуренция составов и технологическое «отставание» закона снижают эффективность уголовно-правового противодействия. Дальнейшее совершен-

ствование законодательства должно опираться на единую концепцию правового регулирования отношений в цифровой среде, сочетающую превентивные, охранительные и виктимологические меры — именно при таком подходе возможно более адекватное реагирование на трансформацию преступности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
3. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4715.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершённых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» // Российская газета. 2022. № 294. 28 дек.
5. Андриюшенков В. А., Андриюшенкова О. М. Использование информационных технологий как способ совершения преступлений // Закон и право. 2024. № 5. С. 208–213.
6. Моисеева П. С. Использование сети Интернет и информационных технологий как способ совершения преступлений: вопросы законодательной регламентации // Молодой учёный. 2021. № 53 (395). С. 99–101.
7. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 527 с.
8. Энгельгардт А. А. О понимании мошенничества в сфере компьютерной информации // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 84–90.

О проблемах использования криминалистической фотографии и видеозаписи в судебно-следственной практике

Семянов Зиновий Васильевич, студент магистратуры
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова (г. Хабаровск)

В настоящей статье исследованы проблемы, возникающие при использовании криминалистической фотографии и видеозаписи при производстве следственных действий и в ходе разрешения уголовного дела в суде. С учетом особой роли, которую криминалистическая фотография и видеозапись, как отрасль криминалистической техники, играет в расследовании, раскрытии и предупреждении преступлений, автором статьи обоснована необходимость внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, регулирующее применения данных технических средств фиксации в судебно-следственной практике.

Ключевые слова: криминалистическая фотография и видеозапись, методы и приемы видеозаписи, использование фотопередающих устройств и видеозаписей в качестве доказательств, фальсификация видеофайлов, дипфейк-технологии, расследование преступлений.

On the issues of using forensic photography and video recording in judicial and investigative practice

Semyanov Zinovy Vasilyevich, master's student
Far Eastern legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk

This article examines the theoretical and practical aspects of using forensic photography and video recording and identifies the most pressing issues in this field. Given the pivotal role this branch of forensic technology plays in the investigation, resolution, and prevention of crimes, the authors propose recommendations aimed at improving the legislation governing the use of forensic photography and video recording in judicial and investigative practice.

Keywords: *forensic photography and video recording, video recording methods and techniques, use of photographic images and video recordings as evidence, falsification of video files, deepfake technologies, crime investigation.*

Важную роль в расследовании уголовных преступлений играют средства криминалистической техники, в частности, криминалистическая фотография и видеозапись. С их помощью можно с высокой точностью зафиксировать следы преступления при осмотре места происшествия, провести следственный эксперимент либо записать на видео допрос подозреваемого (обвиняемого), а затем использовать эти записи в качестве приложений к бумажному протоколу. Особую ценность видеозапись приобретает в связи с необходимостью защиты прав участников уголовного процесса. Как показывает практика, доказательства по делу могут фальсифицироваться, в том числе, лицами, которые производят предварительное расследование. При этом привлечь к ответственности за такие действия, а также за пытки и иные противозаконные способы ведения следствия крайне сложно, если отсутствует аудио- или видеозапись следственного действия [5, с. 45]. По данным ГИАЦ МВД России, не менее 2 % уголовных дел ежегодно возвращается для дополнительного расследования в связи с тем, что в ходе предварительного следствия имели место грубые нарушения процессуального порядка проведения того или иного следственного действия [7].

Изучение материалов уголовных дел позволило отнести к типичным способам фальсификации доказательств: составление протокола следственного действия, которое по факту не проводилось [3] либо фиксацию в протоколе сведений о лицах (понятых), которые на самом деле в следственном действии участия не принимали [4].

Отсутствует единое мнение специалистов о необходимости придания фотоизображению, аудио- и видеозаписи статуса вещественных доказательств. На этот счет мнения доктрины разделились: одни полагают, что это возможно, а другие, что нет, делая упор на дополнительные функции видеозаписи и фотоизображения по отношению к бумажному протоколу, статус которого законодательно закреплён. Нам наиболее близка позиция С. Б. Россинского, который утверждает, что «аудио- и видеозапись — это лишь способ зафиксировать следственное действие и получить результат, который в последствие будет служить доказательством» [6, с. 92]. Такой подход не противоречит ч. 8 ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса РФ [1] (далее — УПК РФ) и ч. 2 ст. 74 УПК РФ, в которых упоминание о таких доказательствах отсутствует. В то же время, полагаем, вряд ли можно полностью отвергать то, что в условиях цифровизации протокол следственного действия со временем может быть полностью заменен аудио- или видеозаписью, на что указывается в научной литературе [8, с. 172].

Анализ судебно-следственной практики позволяет выделить проблему достоверности цифровой криминалистической фотографии и видеозаписи. В научной ли-

тературе делается акцент на цифровых рисках, которые влечет простота модификации метаданных (даты, времени, места фото- и видеосъемки) на цифровых носителях, а также недостаточной правовой базе, в частности, на отсутствии четких процессуальных регламентов (стандартов) для новых технологий (3D-сканирование, панорамная съемка, видеорегистраторы, материалы с квадрокоптеров).

Например, сжатие видео (например, с камер наружного наблюдения, видеорегистраторов) и алгоритмы улучшения (изменения) фотоизображений могут искажать реальную картину (появление ложных деталей, пикселизация), что ставит под сомнение подлинность содержания фото- или видеофайла [9, с. 154].

Современные дипфейк-технологии (от «deep learning» — «глубокое обучение» и «fake» — «подделка»), использующие алгоритмы искусственного интеллекта для замены лиц, голосов или движений, позволяют фальсифицировать видео- и аудиофайлы, а недобросовестные участники уголовного процесса могут это использовать в собственных интересах. Как показывает практика, в условиях цифровизации фальсификация доказательств с применением нейросетей и дипфейк-технологий, позволяющих синтезировать голос или видео, исказив содержимое файла, стала еще более острой проблемой. Сегодня несложно изменить не только голос на аудиозаписи, но и видеоизображение. Не составляет труда удалить из видеозаписи фрагмент, изменить голос говорящего. Для выявления таких случаев используется достаточно сложная видеотехническая экспертиза, что затягивает сроки расследования и увеличивает затраты сторон. Очевидно поэтому анализ судебной практики позволяет выявить не более 4 % дел, в рамках которых суд назначал судебную аудио-, фото- либо видеотехническую экспертизы. В остальных случаях экспертное исследование не назначалось, и более чем в половине случаев (52 %) сторона защиты это обжаловала.

На сегодняшний день назначение судебной экспертизы с целью оценки подлинности информации на фото, аудио- или видеофайле решается правоприменителем неоднозначно. Не способствует выработке единого правоприменительного подхода и позиция кассационных инстанций. В качестве примера можно привести постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 августа 2023 г., согласно которому «никакого специального исследования для установления подлинности содержания видеозаписи проводить не нужно, потому что суд уверен, что люди, зафиксированные на видеозаписи — это А. и Т., в этом нет никаких сомнений» [2].

Имеют место случаи, когда суд объясняет отсутствие в материалах дела экспертного заключения тем, что о проведении видео- либо фототехнической экспертизы сто-

рона защита не ходатайствовала. Отсюда следует, что обжаловать решение из-за недопустимости либо недостоверности информации, записанной на видеофайл (изображенной на фото) и приобщенной к материалам дела, не получится. С точки зрения закона, такой подход судов обоснован, так как УПК РФ не обязывает суд назначать экспертизу фотоизображения или видеофайла, если их подлинность не вызывает подозрений. С другой стороны, отсутствие такого ходатайства не всегда говорит об отсутствии у стороны защиты сомнений. Анализ приговоров позволяет указать на случаи, когда соответствующее ходатайство было подано по истечении срока, отведенного на такую подачу. В этой связи считаем необходимым рекомендовать стороне защиты уделять этому вопросу особое внимание.

В значительной мере затрудняет использование криминалистической фотографии и видеозаписи в расследовании преступлений недостаток знаний следователей (дознателей) о режимах съемки (макросъемка, измерительная и репродукционная съемка), а это способно привести к утрате важных микроследов [9, с. 167].

Кроме того, существуют сложности организационного характера, в частности, отсутствие в криминалистических подразделениях МВД России необходимого высокотехнологичного оборудования и соответствующих программных комплексов, позволяющих произвести восстановление искаженного видеофайла, что осложняет расследование.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
2. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2023 по делу № 77-2572/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
3. Приговор городского суда города Петропавловск-Камчатский от 6 мая 2020 г. по делу № 1-87/2020. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
4. Приговор Коломенского городского суда Московской области от 28 июня 2021 года по делу № 2-34/2021. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
5. Виноградова С. Л. Аудио- и видеозапись как дополнительная гарантия защиты прав участников уголовного судопроизводства / С. Л. Виноградова // Российский следователь. — 2022. — № 9. — С. 15–19.
6. Россинский С. Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? / С. Б. Россинский // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 2 (81). — С. 91–104.
7. Статистические данные ГИАЦ МВД России по состоянию преступности (2025–2025 гг.) // Статистика МВД: уголовная статистика. — URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic> (дата обращения: 12.07.2026).
8. Татьяна Д. В. Процессуальное значение аудиозаписи протокола судебного заседания / Д. В. Татьяна // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2024. — № 1 (113). — С. 172–178.
9. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / В. Б. Вехов. Под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2024. — 435 с.

К сказанному добавим, что вышеизложенным круг проблем, осложняющих использование криминалистической фотографии и видеозаписи в практике расследования преступлений, не ограничивается. Считаем, их решение способно сократить сроки расследования, повысить его качество.

Подводя итог, можно сделать вывод, что фотоизображения и видеозаписи широко применяются в следственной практике. Однако, чтобы их использование было эффективным, необходимо решить ряд проблем, в том числе, через повышение уровня оперативных сотрудников и следователей в работе с криминалистической техникой фиксации, а также путем совершенствования норм уголовно-процессуального законодательства РФ. Учитывая возможности нейросетей, современных технологий дипфейка, способных изменить содержание исходного видеофайла либо модифицировать цифровую фотографию, целесообразным представляется:

— стороне защиты уделять особое внимание своевременной подаче суду ходатайства о производстве видеолибо фототехнической экспертизы при наличии сомнений в подлинности их содержания;

— дополнить ст. 87 УПК РФ абзацем 2 следующего содержания: «Проверка доказательств в виде фотоизображения или видеозаписи производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем назначения видео- аудио- либо фототехнической экспертизы, вне зависимости от сомнений в ее подлинности.

Установление происхождения ребёнка, рождённого суррогатной матерью: российская практика 2026 года и зарубежный опыт

Скрипко Марина Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Саенко Людмила Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются проблемы установления происхождения ребёнка, рождённого суррогатной матерью, с учётом Федерального закона от 19 декабря 2022 г. № 538-ФЗ и позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ 2025–2026 гг.; российская модель сопоставляется с зарубежным опытом. Предлагается порядок записи родителей ребёнка, в том числе на случай смерти или отказа участника программы.

Ключевые слова: суррогатное материнство, вспомогательные репродуктивные технологии, установление происхождения ребёнка, согласие суррогатной матери, потенциальные родители, государственная регистрация рождения, интересы ребёнка.

С каждым годом в России возрастает число детей, рождённых с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВРТ): в 2022 г. они составили 2,76 % всех новорождённых, а на суррогатное материнство стабильно приходится около 1,4 % программ ВРТ [5, с. 8–24]. Поскольку суррогатная мать не может быть донором яйцеклетки [1, ч. 10 ст. 55], генетической связи с ребёнком у неё нет, и вопрос о том, кто является его родителями, становится одним из наиболее сложных в семейном праве.

Супруги, давшие письменное согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, могут быть записаны родителями ребёнка только с согласия родившей его суррогатной матери [2, п. 4 ст. 51], подтверждённого документом медицинской организации [3, п. 5 ст. 16]; при несогласии она сама регистрирует рождение ребёнка. Российская модель исходит из принципа *mater semper certa est*: генетическое родство и договор приобретают юридическое значение лишь после волеизъявления родившей женщины.

Определением от 15 мая 2012 г. № 880-О Конституционный Суд РФ (при особых мнениях судей Г. А. Гаджиева и С. Д. Князева) отказал в принятии жалобы на эти нормы, указав, что избранная модель не выходит за пределы дискреции законодателя [6]. Верховный Суд РФ разъяснил, что отказ суррогатной матери дать согласие не является безусловным основанием для отказа в иске потенциальных родителей: суд учитывает договор, генетическое родство и причины отказа и разрешает спор в интересах ребёнка [7, п. 31]. Однако административный порядок регистрации по-прежнему всецело зависит от воли суррогатной матери.

Это создаёт почву для злоупотреблений с обеих сторон: известны случаи, когда суррогатная мать удерживала детей, требуя доплаты (Санкт-Петербург), и когда заказчик отказывался от новорождённой (Волгоград), а механизма, возлагающего на потенциальных родителей родительские обязанности, закон не содержит. Не урегулирован и случай смерти участников программы: при смерти потенциальных родителей суррогатная мать вы-

нуждена либо оставить ребёнка в родильном доме, либо записать его своим, а при смерти суррогатной матери до оформления согласия генетическим родителям остаются лишь иск или усыновление собственного ребёнка.

Федеральный закон от 19 декабря 2022 г. № 538-ФЗ [4] сохранил право на суррогатное материнство лишь за супругами и одинокой женщиной, хотя бы один из которых должен быть гражданином РФ [1, ч. 3, 11 ст. 55]. Обязательным стало использование собственных половых клеток обоих супругов, что подтвердил Конституционный Суд РФ в определении от 13 мая 2025 г. № 1222-О [8]. Генетическое родство стало, таким образом, конструктивным признаком суррогатного материнства — и тем менее логично, что при записи родителей оно не имеет самостоятельного значения.

Практика по программам, начатым до реформы, уточнила значение этого родства. Определениями от 27 ноября 2025 г. № 3113-О, 3114-О и 3115-О по жалобам иностранцев, дети которых были изъяты в связи с делами о торговле людьми, Конституционный Суд РФ воспроизвёл позицию о том, что генетическая связь может служить основанием для установления отцовства [9]. В марте 2026 г. Верховный Суд РФ отменил решения о передаче двойни супругам из Австралии, указав, по сообщениям о деле, что при признаках купли-продажи детей генетическая связь с одним из заявителей сама по себе не является основанием для передачи ребёнка, а приоритет имеют интересы несовершеннолетних [10].

Высшие суды, следовательно, придают генетическому родству правообразующее значение, но подчиняют его проверке законности программы и интересам ребёнка. Именно эти критерии, а не единоличное усмотрение суррогатной матери, должны, на наш взгляд, лечь в основу законодательного порядка установления происхождения ребёнка.

Украина, Казахстан и Беларусь, наиболее близкие России по правовой традиции, избрали первую из моделей, представленных в таблице 1: родителями признаются заказчики [11; 12; 13, ч. 2 ст. 123], а юридически значимую волю суррогатная мать выражает при нотари-

альном удостоверении договора, до наступления беременности. Британские правовые комиссии в 2023 г. признали действующий порядок не отвечающим интересам ребёнка и предложили «новый путь»: при предварительном

одобрении соглашения заказчики становятся родителями с момента рождения, а суррогатная мать вправе отозвать согласие в течение шести недель [14]. Эта конструкция представляется наиболее сбалансированной.

Таблица 1. Модели установления происхождения ребёнка, рождённого суррогатной матерью

Модель	Государства	Кто признаётся родителями	Значение воли суррогатной матери
Приоритет договора и генетического родства	Украина, Казахстан, Беларусь, Калифорния (США)	Заказчики — с момента рождения	Согласие даётся при заключении договора; оспаривать родительство нельзя
Приоритет родившей женщины с судебным переносом родительства	Великобритания, Ирландия	Суррогатная мать — до судебного родительского приказа	Согласие, данное ранее шести недель после родов, недействительно
Смешанная	Россия	Заказчики — при согласии суррогатной матери, иначе по решению суда	Согласие после родов нужно для записи в ЗАГС, но отказ не исключает иска
Запрет	Германия, Франция, Италия	Родившая женщина; заказчики — через усыновление	Договор ничтожен

Источник: составлено автором на основе [11–14].

Вместе с тем международная повестка сместилась в сторону ограничений: Специальный докладчик ООН по вопросу о насилии в отношении женщин и девочек в 2025 г. призвала к искоренению суррогатного материнства [15], а Гаагская конференция по международному частному праву в марте 2026 г. из-за отсутствия консенсуса экспертов не стала созывать Специальную комиссию по проекту о происхождении детей [16]. Ограничительный курс Закона № 538-ФЗ соответствует, таким образом, общемировой тенденции, а определённый статус ребёнка может обеспечить лишь национальный закон.

Поскольку после реформы ребёнок всегда генетически происходит от потенциальных родителей, а договор возмезден, ничем не ограниченное право вето суррогатной матери не оправдано. Предлагается дополнить Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» специальной статьёй (с корреспондирующим изменением п. 4 ст. 51 СК РФ), закрепив следующие положения.

1. Потенциальные родители (одинокaя женщина) записываются родителями ребёнка на основании документа о рождении, нотариально удостоверенного договора и справки медицинской организации о переносе эмбриона, созданного из их половых клеток; согласие суррогатной матери выражается при заключении договора.

2. Суррогатная мать вправе в срок, установленный для регистрации рождения, заявить в суд возражение; спор

разрешается в интересах ребёнка по критериям п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16, а требование доплаты уважительной причиной не признаётся.

3. Потенциальные родители не вправе отказаться от записи, в том числе при рождении нескольких детей или ребёнка с нарушениями здоровья; при уклонении их родительство устанавливается судом по заявлению суррогатной матери, органа опеки и попечительства или прокурора.

4. При смерти суррогатной матери запись производится по заявлению потенциальных родителей, при смерти одного из супругов — по заявлению пережившего, при смерти обоих (одинокaя женщина) — по заявлению органа опеки и попечительства, что сохраняет за ребёнком право на наследство и пенсию по потере кормильца; суррогатная мать получает преимущественное право на усыновление или опеку.

5. Если программа проведена с нарушением требований закона, запись не производится, а вопрос решает суд в интересах ребёнка.

Предлагаемая модель сохраняет судебную защиту суррогатной матери, но переносит акцент с её усмотрения на объективные критерии — договор, генетическое родство и интересы ребёнка — и исключает ситуации, когда ребёнок с рождения остаётся без юридически определённых родителей.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в действующей редакции) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в действующей редакции) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (в действующей редакции) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Корсак, В. С. Регистр ВРТ Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация репродукции человека». Отчёт за 2022 год / В. С. Корсак, А. А. Смирнова, О. В. Шурыгина // Проблемы репродукции. — 2024. — Т. 30, № 6. — С. 8–24.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона „Об актах гражданского состояния“» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2025 № 1222-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан К. Т. и К. Ю. на нарушение их конституционных прав частью 9 статьи 55 Федерального закона „Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации“» // СПС «КонсультантПлюс».
9. КС отклонил жалобы иностранных граждан, воспользовавшихся технологией суррогатного материнства // Адвокатская газета. — 26.12.2025. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-otklonil-zhaloby-inostrannykh-grazhdan-vospolzovavshikhsya-tekhnologiyey-surrogatnogo-materinstva/> (дата обращения: 06.10.2026).
1. ВС отказался передать детей иностранцам, прибегнувшим к услугам суррогатной матери // РАПСИ. — 30.03.2026. — URL: https://www.rapsinews.ru/judicial_analyst/20260330/311725103.html (дата обращения: 06.10.2026).
2. Кодекс Республики Казахстан от 26.12.2011 № 518-IV «О браке (супружестве) и семье» // ИПС «Эділет».
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 09.07.1999 № 278-З; Закон Республики Беларусь от 07.01.2012 № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь.
4. Семейный кодекс Украины от 10.01.2002 № 2947-III // Официальный портал Верховной Рады Украины.
5. Law Commission of England and Wales, Scottish Law Commission. Building families through surrogacy: a new law. Vol. II: Full Report. — London, 2023. — Law Com No 411; Scot Law Com No 262.
6. Report of the Special Rapporteur on violence against women and girls, its causes and consequences, Reem Alsalem: The different manifestations of violence against women and girls in the context of surrogacy. — UN Doc. A/80/158. — 2025.
7. HCCH. Council on General Affairs and Policy: Conclusions & Decisions. — March 2026. — URL: <https://www.hcch.net/en/projects/legislative-projects/parentage-surrogacy> (дата обращения: 06.10.2026).

Неотложные следственные действия и следственные действия, проводимые в безотлагательном порядке: проблемы разграничения

Старкова Юлия Владиславовна, студент магистратуры
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Предметом статьи является разграничение неотложных следственных действий и следственных действий, осуществляемых в безотлагательном порядке. Показано, что сходной терминологией законодатель обозначает процессуальные явления разной правовой природы. Анализ норм УПК РФ, доктринальных позиций и правоприменительной практики позволяет обосновать необходимость как терминологического, так и содержательного разграничения этих институтов; предложены конкретные изменения законодательства.

Ключевые слова: неотложные следственные действия, орган дознания, дознаватель, подследственность, случаи, не терпящие отлагательства, предварительное расследование.

Выражение «неотложные следственные действия» имеет в УПК РФ несколько значений. Оценочная категория «неотложности» закреплена, в частности, в п. 19

ст. 5 УПК РФ, п. 2 ч. 2 ст. 40 УПК РФ, ч. 3 ст. 149 УПК РФ, ст. 157 УПК РФ и ч. 5 ст. 152 УПК РФ [1]. Нормы первой группы адресованы органу дознания, возбуждавшему дело

о преступлении, по которому предварительное следствие обязательно. В ч. 5 ст. 152 УПК РФ те же действия производит следователь или дознаватель, у которого оказалось неподследственное ему дело. Закон не оговаривает, что речь идёт о разных явлениях, и использует один термин [9, с. 52]. Практика добавляет «третью неотложность»: неотложные следственные действия нередко сближают с действиями в случаях, не терпящих отлагательства (ч. 3 ст. 164 УПК РФ, ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Выбор режима определяет полномочия субъекта, срок, адресата передачи дела, применимые процессуальные гарантии и, в итоге, допустимость доказательств (ч. 3 ст. 7 УПК РФ, ст. 75 УПК РФ). Юридическая природа неотложных следственных действий исследовалась в работах О. В. Айвазовой [7], С. Н. Кабелькова и Г. Л. Григолии, И. Н. Пустовой [12]; необходимость разграничения «двух неотложностей» обосновал М. М. Сеидов [13, с. 121]. Не выяснены граница между этими режимами, их соотношение с третьей категорией и системная совместимость предлагаемых поправок к ст. 41 УПК РФ и ст. 157 УПК РФ. Цель работы: установить, обладают ли неотложные следственные действия по ст. 157 УПК РФ и действия по ч. 5 ст. 152 УПК РФ единой правовой природой и позволяет ли действующее регулирование их разграничить. Применены формально-юридический и системный методы, анализ нормативных актов и опубликованной судебной практики; нормативная база учтена по состоянию на 6 октября 2026 г. Работа ограничена опубликованными судебными актами: массив решений по ст. 157 УПК РФ требует отдельного изучения.

В п. 19 ст. 5 УПК РФ неотложные следственные действия определены как действия органа дознания после возбуждения уголовного дела, по которому предварительное следствие обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления и доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Если имеются признаки такого преступления, орган дознания возбуждает дело и производит неотложные следственные действия (ч. 1 ст. 157 УПК РФ); не позднее 10 суток со дня возбуждения он направляет дело руководителю следственного органа (ч. 3 ст. 157 УПК РФ), после чего действует лишь по поручению следователя (ч. 4 ст. 157 УПК РФ). Круг органов, перечисленных в ч. 2 ст. 157 УПК РФ, определён по предметному признаку и меняется: п. 1 ч. 2 ст. 157 УПК РФ исключает дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.4 УК РФ, а Федеральным законом № 401-ФЗ с 1 января 2026 г. в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ включены начальники следственных изоляторов органов ФСБ России [2].

Эти нормы позволяют выделить признаки неотложных следственных действий: субъект (орган дознания), предпосылка (возбуждённое дело о преступлении, по которому следствие обязательно), цель (закрепление следов и доказательств), ограниченный срок и подчинённость последующей деятельности поручениям следователя. По этим признакам неотложные действия не являются ни

формой предварительного расследования (ст. 150 УПК РФ называет предварительное следствие и дознание), ни дознанием (п. 8 ст. 5 УПК РФ). По сути это временный процессуальный режим: орган дознания закрепляет доказательства по делу, требующему следствия, пока следователь не приступил к работе. И. Н. Пустовая характеризует его как помощь органа дознания следователю, не имеющему возможности сразу начать расследование [12, с. 34]. Верно замечание С. Н. Кабелькова и Г. Л. Григолии: законодатель не раскрыл признаки «неотложности», указав лишь цель и круг субъектов [9, с. 52].

Согласно ч. 5 ст. 152 УПК РФ, следователь или дознаватель, установив неподследственность дела, производит неотложные следственные действия, после чего следователь передаёт дело руководителю следственного органа, а дознаватель направляет прокурору для направления по подследственности. Со ст. 157 УПК РФ их различает каждый существенный параметр. Субъект. По ст. 157 УПК РФ действует орган дознания как ведомство (и должностные лица, названные в ст. 40 УПК РФ); по ч. 5 ст. 152 УПК РФ: следователь или дознаватель, в производстве которого дело уже находится. Основание. В первом случае это обнаружение признаков преступления, требующего предварительного следствия, во втором: установленная постфактум неподследственность принятого к производству дела. Цель и срок. Цель неотложных действий по ст. 157 УПК РФ раскрыта в п. 19 ст. 5 УПК РФ, а срок равен 10 суткам (ч. 3 ст. 157 УПК РФ). Часть 5 ст. 152 УПК РФ не называет ни цели, ни срока; дефиниция п. 19 ст. 5 УПК РФ к ней буквально неприменима, поскольку говорит об органе дознания. Адресат передачи. Руководитель следственного органа (ч. 3 ст. 157 УПК РФ) либо он же или прокурор (ч. 5 ст. 152 УПК РФ). Последствия. После передачи дела орган дознания становится исполнителем поручений следователя (ч. 4 ст. 157 УПК РФ); при передаче по ч. 5 ст. 152 УПК РФ дело выбывает из производства субъекта.

У этих режимов общее одно: срочность. Первый режим мы называем компетенционным (он отвечает на вопрос, кто вправе действовать до начала следствия), второй: переходным (что допустимо до передачи дела). Текст УПК РФ такого различия не фиксирует, а доктрина реагирует по-разному. С. Н. Кабельков и Г. Л. Григолия считают недопустимыми (ч. 3 ст. 7 УПК РФ, ч. 1 ст. 75 УПК РФ) доказательства, полученные следователем, который возбудил неподследственное ему дело и произвёл по нему неотложные действия [9, с. 53], хотя ч. 5 ст. 152 УПК РФ прямо обязывает такого следователя эти действия произвести. О. В. Айвазова ставит вопрос о самом наименовании института [7].

Третья «неотложность»: случаи, не терпящие отлагательства (ч. 3 ст. 164 УПК РФ, ч. 5 ст. 165 УПК РФ): служит иной цели: допускает отступление от общих гарантий, а именно от запрета следственных действий в ночное время и от требования судебного решения. Пленум Верховного Суда РФ увязывает такие случаи с конкретными

обстоятельствами: необходимостью пресечь преступление, угрозой уничтожения предметов, возможностью подозреваемого скрыться [5]. Суды проверяют их обоснованность. Краснодарский краевой суд апелляционным постановлением от 08.02.2022 № 22–341/22 признал обыск незаконным, поскольку в уведомлении (ч. 5 ст. 165 УПК РФ) не обоснована безотлагательность, и критически оценил ссылку следователя на результаты оперативно-розыскной деятельности [6].

В литературе названные категории то отождествляют (Е. С. Алексеева), то рассматривают как общее и частное (А. В. Коробейников) [8; 10, с. 328]. Ни один из этих подходов нас не убеждает. Неотложность по ст. 157 УПК РФ определяет надлежащего субъекта, но не расширяет перечень допустимых процессуальных действий. Орган дознания остаётся связанным теми же гарантиями: Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооружённых Сил, утверждённая приказом Главного военного прокурора от 23.10.2014 № 150 (далее: Инструкция № 150), требует судебного решения для обыска в жилище и допускает ночные следственные действия лишь в случаях, не терпящих отлагательства (ст. 64, 65 Инструкции № 150) [4]. Смешение категорий создаёт риск в обе стороны: компетенцию органа можно оценивать по критериям ст. 165 УПК РФ, а ссылку на «неотложность»: принимать за основание для обхода судебного контроля.

Статья 157 УПК РФ адресована органу дознания, тогда как ч. 1 ст. 41 УПК РФ предусматривает возложение на дознавателя письменным поручением начальника органа дознания лишь полномочий, названных в п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ (дознание). Полномочия по п. 2 ч. 2 ст. 40 УПК РФ, то есть производство неотложных следственных действий, в ней не упомянуты. Процессуальный статус исполнителя остаётся неопределённым, хотя на практике такие действия поручают дознавателю; на этот пробел указывала И. Н. Пустовая, предложившая изменить ст. 41 УПК РФ [12, с. 33–35]. Вопрос практический: механизм ч. 5 ст. 165 УПК РФ и права по ст. 41 УПК РФ адресованы следователю и дознавателю, а не органу дознания.

Этот пробел восполняют ведомственные акты. Инструкция № 150 предусматривает назначение дознавателей приказом (ст. 3 Инструкции № 150), поручение им неотложных действий органом дознания (ст. 6 Инструкции № 150), утверждение их решений (ст. 14 Инструкции № 150), согласование круга неотложных действий с военным прокурором (ст. 62 Инструкции № 150) и закрытый перечень решений, не принимаемых органом дознания в ходе таких действий: привлечение в качестве обвиняемого, соединение и выделение дел, приостановление и прекращение (ст. 63 Инструкции № 150). Показателен п. 8 ст. 4 Инструкции № 150: если дело неподследственно военным следственным органам, орган дознания после неотложных следственных действий передаёт его военному прокурору «для направления по подследствен-

ности» со ссылкой на ч. 5 ст. 152 УПК РФ. По делам, подследственным военным следователям, применяются ч. 3 ст. 157 УПК РФ и п. 3 ст. 149 УПК РФ (п. 9 ст. 4 Инструкции № 150). Так режим, рассчитанный на следователя и дознавателя, распространён и на орган дознания: закон не определяет, как поступает орган дознания, установивший, что возбуждённое им дело подследственно иному органу. Ситуация нередка: предметная подследственность и круг субъектов ст. 157 УПК РФ постоянно меняются (среди последних изменений ст. 151 УПК РФ: Федеральный закон от 26.07.2026 № 251-ФЗ) [3].

Для решения имеющихся проблем имеется необходимость перенести правило ч. 5 ст. 152 УПК РФ в ст. 157 УПК РФ и допустить неотложные действия до возбуждения дела «в исключительных случаях» [11]. Она повторяет действующую норму, но с другим адресатом передачи дела, и противоречит ч. 1 ст. 157 УПК РФ и п. 19 ст. 5 УПК РФ, связывающим такие действия с возбуждённым делом. Потребность закрепить следы до возбуждения уже удовлетворена осмотром (ст. 144 УПК РФ, ч. 2 ст. 176 УПК РФ) и обязанностью принять меры к сохранению следов при передаче сообщения по подследственности (ст. 145 УПК РФ). Во-вторых в п. 1 ч. 2 ст. 157 УПК РФ заменить слова «органы дознания» словом «дознаватель». При такой замене исчезнет ответственность органа, а п. 3–6 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, где субъектами названы начальники и командиры, останутся без исполнителя: по наблюдению И. Н. Пустовой, подразделений дознания нет, в частности, в органах государственной охраны, Службе внешней разведки и ФСИН [12, с. 32]. Также важным является то, что необходимо возлагать полномочия органа дознания на дознавателя «начальником органа дознания или его заместителем». Распространить ч. 1 ст. 41 УПК РФ на п. 2 ч. 2 ст. 40 УПК РФ необходимо, но при таком изложении из нормы выпадает письменное поручение, фиксирующее, кто отвечает за принятые решения. В-четвёртых необходимо сократить срок, установленный ч. 3 ст. 157 УПК РФ, до трёх суток либо наделить прокурора правом его продлевать. Сокращение осложнит работу при удалённости следственных органов; продление излишне: после направления дела орган дознания продолжает действовать по поручению следователя (ч. 4 ст. 157 УПК РФ), а прокурор не адресат передачи. Десять суток: это срок самостоятельной деятельности органа дознания, а не предел сохранности доказательств [9, с. 53].

Таким образом, совершенствование правового регулирования неотложных следственных действий требует четырёх точечных поправок в части 1 статьи 41, частях 3 и 3.1 статьи 157 и части 5 статьи 152 УПК РФ. Их цель заключается в устранении существующих пробелов и разграничении компетенционного и переходного режимов производства следственных действий без расширения полномочий органа дознания. Иные предлагаемые изменения представляются избыточными, поскольку способны дублировать действующие нормы

либо создавать новые коллизии. Эффективность предложенных поправок может быть дополнительно проведена посредством анализа судебной практики по статье 157 УПК РФ.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. О внесении изменений в статьи 321 и 321.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 157 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 27.10.2025 № 401-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 44. — Ст. 6506.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 26.07.2026 № 251-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 30. — Ст. 4097.
4. Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: приказ Генпрокуратуры России от 23.10.2014 № 150 (ред. от 20.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182521/ (дата обращения: 06.10.2026).
5. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2017. — № 7.
6. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 08.02.2022 по делу № 22–341/22 // Официальный сайт Краснодарского краевого суда. — URL: <https://kraevoi.krd.sudrf.ru> (дата обращения: 06.10.2026).
7. Айвазова О. В. Неотложные следственные действия: теоретико-прикладной подход // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 432. — С. 205–209.
1. Алексеева Е. С. Категория «случаи, не терпящие отлагательства» в уголовно-процессуальном законодательстве и правоприменительной практике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2019. — № 4 (84). — С. 124–130.
2. Кабельков С. Н., Григолия Г. Л. Корреляция этимологического содержания понятия «неотложности» как персонализации оценочной категории с юридической природой института неотложных следственных действий // Правовая парадигма. — 2019. — Т. 18, № 2. — С. 49–54.
3. Коробейников А. В. К содержанию обстоятельств проведения следственных действий в случаях, не терпящих отлагательств, в российском уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2023. — Т. 33, вып. 2. — С. 327–333.
4. Лустач К. Д. Неотложные следственные действия: понятие и проблемы правового регулирования // Альманах молодого исследователя. — 2022. — № 12. — С. 99–103.
5. Пустовая И. Н. Необходимость разграничения полномочий органа дознания и дознавателя при производстве по уголовным делам // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2017. — Т. 17, № 4. — С. 31–35.
6. Сеидов М. М. Правовое обеспечение направлений уголовно-процессуальной деятельности органов дознания МВД России на современном этапе: дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2018. — 220 с.

Проблемы правовой природы срока проведения неотложных следственных действий

Старкова Юлия Владиславовна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Предметом статьи является проблематика сущности срока неотложных следственных действий, самого понятия неотложности. Дана оценка законодательной формулировки неотложных следственных действий, раскрыты подходы правоведов-теоретиков к данному вопросу. Поднимается тема о разумности законодательство закрепленного срока для проведения исследуемой процедуры. Анализ теоретического аспекта в доктринальных позициях и правоприменительной практики позволяет раскрыть вопрос о проблеме обеспечения права на защиту в условиях проведения неотложных следственных действий, в результате которого предлагаются конкретные изменения законодательства.

Ключевые слова: неотложные следственные действия, органы следствия и дознания, критерии неотложности, процессуальный срок, возбуждение уголовного дела, право на защиту, защитник.

Неотложные следственные действия занимают центральную позицию первоначального этапа доказательственной деятельности, результат которого занимает важное место в предварительном расследовании и оказывает влияние на раскрытие уголовного дела в целом. Необходимую первичную базу доказательств уполномоченное лицо собирает непосредственно путем проведения неотложных следственных действий, поэтому важно понимать их сущность и правовую природу. Так, одной из главных составляющих является именно срок их проведения, главной характеристикой которой является экстренность процессуального закрепления полученных сведений, имеющих значение для установления всех обстоятельств по делу. В целях рассмотрения фактора неотложности во временных рамках раскроем мнение доктрины и правоприменительной практики, которые сходятся в том, что к качественным характеристикам исследуемого института следует отнести: первоочередность в системе следственных действий, безотлагательность, относительную самостоятельность, целевую направленность, а также невосполнимость и незаменимость полученных результатов.

Тем самым, раскрывая вопрос срока проведения неотложных следственных действий, следует в первую очередь обратиться к самому понятию «неотложности». Основываясь на характеристиках неотложных следственных действий и этимологическом анализе исследуемой категории [10, с. 515], можно заключить, что неотложным следует признавать действие либо событие, необходимость совершения которого обусловлена совокупностью объективных и субъективных факторов. К объективным факторам относятся обстоятельства внешней среды, порождающие ситуацию, требующую незамедлительного реагирования; к субъективным — внутреннее убеждение лица, осуществляющее оценку сложившейся ситуации на основе профессионального опыта и правосознания [7].

Е. Р. Прудакова справедливо обращает внимание на условность самой законодательной формулировки: поскольку УПК РФ не содержит четких критериев неотложности, оценка её наличия фактически отдана на усмотрение уполномоченного субъекта, который вправе как немедленно приступить к производству следственных действий, так и воздержаться от них, обеспечив сохранность обстановки места происшествия до прибытия следственно-оперативной группы [9, с. 6]. Следует также отметить, что автором критикуется и десятидневный процессуальный срок передачи уголовного дела, установленный ч. 3 ст. 157 УПК РФ [1]: по мнению исследователя, данный срок не дифференцируется в зависимости от категории и тяжести совершённого деяния, что порождает на практике ситуации его объективной недостаточности.

Противоположная позиция представлена Г. Н. Загорским и А. Ю. Девятко [8], которые связывают неот-

ложность с производством соответствующих действий в первые сутки после возбуждения уголовного дела, полагая, что их содержание исчерпывается мероприятиями по закреплению следов преступления, находящихся под угрозой утраты или уничтожения. Представляется, что с данной позицией согласиться нельзя: подобное понимание, по сути, поглощает содержание института неотложных следственных действий более узкой криминалистической категорией, а предлагаемое указанными авторами сокращение срока передачи уголовного дела руководителю следственного органа с десяти до пяти суток не имеет убедительного процессуального обоснования.

Таким образом, анализ законодательно закреплённого срока передачи уголовного дела руководителю следственного органа в 10 дней, который отсчитывается от даты возбуждения уголовного дела и должен включать в себя проведение всех необходимых неотложных следственных действий, показал, что норма, с одной стороны, императивно указывает органу дознания именно на экстренность следственных действий, с другой стороны, совершенно не учитывает сложность и специфику каждого конкретного дела.

Систематическое толкование действующего уголовно-процессуального законодательства показывает, что рассматриваемый институт урегулирован совокупностью норм — п. 19 ст. 5, ст. 40, ч. 5 ст. 152 и ст. 157 УПК РФ, — которые, однако, не согласованы между собой, что отмечается и в современной доктрине: И. С. Дикарев характеризует состояние данного института как «кризис», указывая на размывание границ между неотложными следственными действиями, производимыми в порядке ст. 157 и ч. 5 ст. 152 УПК РФ, и на смешение компетенции дознавателя и следователя [4]. Ю. И. Дутов, Н. Ю. Дутов и И. Р. Титов также приходят к выводу о неполноте легальной дефиниции и необходимости её корректировки [5].

Думается, что фундаментальным признаком исследуемого понятия выступает именно неотложность как требование незамедлительности: следственные действия производятся в экстренном режиме с целью обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и доказательств до их возможной утраты. Из данного признака вытекает и публично-правовая императивность: производство неотложных следственных действий является обязанностью, а не дискреционным правом должностного лица. Законодатель при формулировании п. 19 ст. 5 УПК РФ использовал именно целевой критерий — незамедлительное закрепление, изъятие и исследование доказательств, — что позволяет признать данную легальную дефиницию внутренне состоятельной. Вместе с тем неотложность имеет ситуативный характер: конкретный перечень следственных действий, обладающих свойством неотложности, определяется в каждом случае с учётом со-

става и способа совершения преступления, сложившейся следственной ситуации и иных обстоятельств [6].

В проблематике срока для проведения неотложных следственных действий стоит отдельно отметить такой аспект как обеспечение права на защиту при производстве неотложных следственных действий. Согласно ч. 3 ст. 50 УПК РФ при невозможности участия приглашённого защитника следственное действие откладывается на срок до пяти суток; исключение предусмотрено ч. 4 ст. 50 УПК РФ и касается лишь задержания подозреваемого, в отношении которого время ожидания защитника ограничено 24 часами. В результате правоприменитель оказывается перед дилеммой между гарантированностью конституционного права на помощь защитника и необходимостью немедленного производства следственного действия. Как показывает анализ судебной практики, суды, как правило, отдают приоритет интересам предварительного расследования и не признают недопустимыми доказательства, полученные в отсутствие незамедлительно обеспеченного защитника [3]. При этом Конституционный Суд Российской Федерации придерживается дифференцированного подхода: требование о незамедлительном участии адвоката не распространяется на следственные действия, не связанные с дачей показаний и носящие безотлагательный характер, — при условии, что обеспечены следующие гарантии права на защиту, включая возможность ознакомления с протоколом и заявления ходатайств [2].

В целях устранения вероятных нарушений уголовно-процессуального закона и обеспечения баланса пуб-

личных и частных интересов предлагается предусмотреть механизм дистанционного участия защитника в производстве неотложных следственных действий посредством системы видео-конференц-связи. Аналогичное по духу предложение об использовании ВКС для привлечения следователя-криминалиста к оказанию методической помощи должностным лицам органов дознания в труднодоступной местности уже высказывалось в литературе, что подтверждает технологическую реализуемость данного решения в рамках современных средств связи [11, с. 146].

На основании проведённого анализа можно заключить, что институт неотложных следственных действий в российском уголовном процессе характеризуется высокой степенью ситуативности и недостаточной нормативной определённости. В действующем регулировании прослеживается несогласованность норм, размытие границ между процедурами и смешение компетенции дознавателя и следователя. Существенным пробелом остаётся отсутствие критериев неотложности: оценка её наличия фактически отдана на усмотрение правоприменителя, что создаёт риски произвольного толкования и дисбаланса процессуальных гарантий. Особую сложность представляет коллизия между необходимостью безотлагательного производства следственных действий и обеспечением права на защиту. Для устранения выявленных противоречий целесообразно нормативно закрепить механизм дистанционного участия защитника в неотложных следственных действиях с использованием видео-конференц-связи.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 415-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барабаша Кирилла Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 5 части первой статьи 53 и пунктом 6 части четвертой статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Разъяснение Совета Адвокатской палаты Республики Марий Эл «О порядке участия адвоката при производстве неотложных следственных действий»: утв. решением Совета Адвокатской палаты Республики Марий Эл от 28.03.2018 (протокол № 3) // Адвокатская палата Республики Марий Эл: [сайт]. — URL: [указать адрес] (дата обращения: 07.10.2026).
4. Дикарев И. С. Неотложные следственные действия: кризис уголовно-процессуального института // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2023. — № 2 (65). — С. 76–83.
5. Дутов Ю. И., Дутов Н. Ю., Титов И. А. Некоторые проблемы правовой регламентации неотложных следственных действий в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. — 2023. — № 4 (24). — С. 145–153.
6. Загорьян С. Г., Мисник И. В. Неотложные следственные действия: проблемы теории и практики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2024. — № 1. — С. 196–208.
7. Карачаева А. А. Актуальные проблемы производства неотложных следственных действий // Новый юридический вестник. — 2023. — № 3 (42). — С. 83–86.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. Ю. Девятко [и др.]; под общ. ред. Г. И. Загорского. — М., 2016. — Доступ из СПС «Гарант».
9. Прудакова Е. Р. Неотложные следственные действия в структуре предварительного расследования // Российский следователь. — 2007. — № 21. — С. 6.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — 4-е изд., стер. — М.: Астрель, 2004. — Т. 2. — С. 515.

11. Шаповал А. Б. Обеспечение адвокатом-защитником прав доверителя при производстве неотложных следственных действий. — М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2024. — 336 с.

Патентный троллинг как форма злоупотребления правом: проблемы гражданско-правовой защиты

Столяр Александр Сергеевич, студент

Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассматривается патентный троллинг как возможная форма злоупотребления исключительными правами и анализируются проблемы его выявления и правовой квалификации. Особое внимание уделяется применению статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, соотношению неюрисдикционной и юрисдикционной форм защиты, а также отсутствию отдельного статистического учёта результатов урегулирования конфликтов, связанных с патентным троллингом. Исследуется потенциальная возможность использования патентных претензий для мошеннических манипуляций в предпринимательской сфере. Обосновывается необходимость совершенствования критериев выявления злоупотребления правом и систематизации данных о разрешении патентных конфликтов.

Ключевые слова: патентный троллинг, злоупотребление правом, патентные права, исключительное право, досудебное урегулирование, судебная защита, мошенничество, гражданское право.

Введение

Эффективная защита патентных прав является необходимым условием развития инновационной деятельности и обеспечения правомерного использования результатов интеллектуального труда. Вместе с тем реализация исключительных прав может сопровождаться недобросовестным поведением, при котором патент используется преимущественно как инструмент предъявления претензий и получения денежных выплат, а не для защиты действительного экономического интереса правообладателя. Подобное явление в научной литературе обозначается понятием «патентный троллинг».

Д. М. Касаткин рассматривает патентный троллинг в контексте злоупотребления патентными правами и отмечает проблемы применения гражданско-правовых механизмов противодействия недобросовестному поведению [1]. С. А. Сеницын исследует злоупотребление правом на примере патентных отношений, обращая внимание на необходимость определения правовых границ осуществления исключительных прав [2]. А. И. Арзамасцева анализирует возможности применения статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации для противодействия патентному троллингу [3].

Актуальность темы связана не только с вопросами правовой квалификации подобных действий, но и с отсутствием отдельного статистического учёта конфликтов, урегулированных посредством переговоров, претензий и судебного разбирательства. Недостаток таких данных затрудняет оценку масштабов проблемы и эффективность существующих способов защиты.

Цель статьи — исследовать патентный троллинг как возможную форму злоупотребления правом, выявить

проблемы разграничения неюрисдикционной и юрисдикционной защиты и определить риски использования патентных претензий для мошеннических манипуляций.

1. Патентный троллинг и проблема злоупотребления правом

Патентный троллинг можно определить как модель поведения, при которой лицо использует патентные права преимущественно для предъявления претензий и требований о денежных выплатах участникам гражданского оборота, причём обстоятельства конкретной ситуации могут свидетельствовать о недобросовестном осуществлении права.

При этом отсутствие у патентообладателя собственного производства, приобретение патента с целью последующего лицензирования или предъявление иска о взыскании компенсации сами по себе не свидетельствуют о злоупотреблении правом. Исключительное право предоставляет возможность запрещать неправомерное использование охраняемого объекта и защищать свои законные интересы независимо от того, производит ли правообладатель соответствующую продукцию самостоятельно.

Правовая проблема возникает тогда, когда формально существующее право используется вопреки его назначению и принципу добросовестности. Например, предметом исследования могут выступать случаи предъявления заведомо необоснованных требований, намеренного искажения объёма патентной охраны или использования информационного неравенства между патентообладателем и предпринимателем для получения выплат, не имеющих достаточного правового основания.

Основным механизмом гражданско-правового противодействия таким действиям является статья 10 ГК РФ, запрещающая злоупотребление правом. В зависимости от установленных обстоятельств суд может отказать в защите права полностью или частично и применить иные предусмотренные законом последствия [4].

Однако применение данной нормы требует осторожности. Как отмечается в научной литературе, квалификация злоупотребления правом связана с трудностями определения его критериев и последствий [2]. Само по себе обращение в суд за защитой патента не должно рассматриваться как недобросовестное поведение. Необходимо установить конкретные обстоятельства, свидетельствующие о выходе правообладателя за пределы добросовестного осуществления своих прав.

Таким образом, центральная проблема состоит в разграничении законного использования патентной охраны и поведения, при котором исключительное право становится инструментом необоснованного давления на других участников оборота.

2. Соотношение неюрисдикционной и юрисдикционной форм защиты

При возникновении патентного конфликта правообладатель и предполагаемый нарушитель могут использовать различные способы урегулирования спора. Неюрисдикционная форма предполагает самостоятельные действия сторон, включая направление претензии, переговоры, заключение лицензионного соглашения и добровольное прекращение спорного использования объекта. Юрисдикционная форма связана с обращением в компетентный государственный орган или суд для разрешения конфликта в установленном законом порядке.

В рамках патентного троллинга соотношение указанных форм приобретает особое значение. Досудебное урегулирование позволяет снизить расходы сторон и быстрее разрешить спор. Вместе с тем при существенном неравенстве сторон в знаниях о патентном праве и доказательствах наличия нарушения предприниматель может согласиться на выплату денежных средств, не получив достаточной возможности проверить обоснованность претензии.

В свою очередь, судебная защита обеспечивает проверку обстоятельств спора независимым органом. Суд может оценить принадлежность исключительного права, установить наличие нарушения, исследовать объём патентной охраны и проверить доводы сторон о злоупотреблении правом. При необходимости спор может сопровождаться рассмотрением вопроса о действительности патента в предусмотренном законом порядке.

Вместе с тем обращение в суд само по себе не гарантирует выявления всех случаев недобросовестного поведения. Если конфликт завершился до предъявления иска, сведения о его причинах и результатах могут не попасть в открытую судебную статистику.

Таким образом, неюрисдикционная и юрисдикционная формы защиты не являются взаимоисключающими. Их соотношение зависит от характера спора, поведения сторон и необходимости независимой проверки обоснованности патентных требований.

3. Отсутствие отдельной статистики разрешения конфликтов при патентном троллинге

Одной из проблем исследования патентного троллинга является ограниченность доступной статистики. Роспатент публикует аналитические справки по судебным спорам, связанным с правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, в том числе за 2023–2025 годы [5]. Однако отдельный общедоступный показатель, отражающий количество конфликтов, квалифицированных именно как патентный троллинг, а также соотношение досудебного и судебного урегулирования таких конфликтов, в опубликованных материалах не выделен.

Общая судебная статистика также не позволяет непосредственно определить распространённость патентного троллинга. Например, по данным агрегатора судебной статистики, в 2024 году арбитражными судами было рассмотрено 147 споров о защите патентных прав, из которых 73 были удовлетворены полностью или частично [6]. Эти сведения характеризуют общую категорию патентных споров, но не позволяют установить, сколько из них было связано со злоупотреблением правом или недобросовестным предъявлением требований.

Кроме того, судебные данные не отражают все конфликты, завершившиеся на досудебной стадии. Сведения о направленных претензиях, заключённых соглашениях, добровольных выплатах и прекращении споров могут оставаться в распоряжении участников соответствующих отношений.

Отсутствие специализированного статистического учёта создаёт несколько исследовательских ограничений. Во-первых, невозможно достоверно определить долю конфликтов, урегулированных без обращения в суд. Во-вторых, затруднительно сопоставить результаты досудебной и судебной защиты именно в случаях предполагаемого патентного троллинга. В-третьих, отсутствуют достаточные основания для количественной оценки распространённости такого поведения и его экономических последствий.

В этой связи представляется целесообразным систематизировать сведения о патентных спорах с выделением обстоятельств, указывающих на возможное злоупотребление правом. Дополнительную аналитическую ценность мог бы иметь обезличенный учёт результатов досудебного урегулирования, если он может быть организован на законных основаниях и с соблюдением конфиденциальности коммерческой информации.

При этом само выделение патентного троллинга в статистике потребует выработки правовых критериев. Без

них существует риск отнесения к данной категории обычных споров о нарушении исключительных прав, в которых патентообладатель добросовестно защищает свои интересы.

Следовательно, отсутствие специализированной статистики не доказывает широкого распространения патентного троллинга, но существенно ограничивает возможность объективной оценки масштабов проблемы и эффективности способов противодействия ей.

4. Патентный троллинг как возможная основа мошеннических манипуляций

Отдельного внимания заслуживает вопрос о возможности использования патентного троллинга для совершения мошеннических манипуляций в сфере защиты интеллектуальных прав. В этом случае патентная претензия может выступать не только средством недобросовестного давления, но и инструментом введения предпринимателя в заблуждение с целью получения денежных средств.

Потенциально опасная модель поведения может выражаться в намеренном сообщении недостоверных сведений о наличии нарушения, искажении содержания патента, сокрытии существенных обстоятельств либо создании ложного представления о неизбежности значительных финансовых потерь при отказе от выплаты. Однако подобные обстоятельства должны подтверждаться доказательствами и оцениваться с учётом конкретной правовой ситуации.

Необходимо разграничивать гражданско-правовое злоупотребление и мошенничество. В первом случае речь идёт о недобросовестном осуществлении гражданских прав, последствия которого определяются, в частности, статьёй 10 ГК РФ. Во втором случае может возникать вопрос об уголовно-правовой квалификации по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за мошенничество [4; 7].

Для квалификации действий как мошенничества недостаточно установить, что требование о компенсации было завышенным, спорным или впоследствии отклонённым судом. Необходимо установить предусмотренные уголовным законом признаки преступления, включая хищение либо приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием, а также соответствующие субъективные признаки.

В научной литературе обсуждаются проблемы уголовно-правовой оценки патентного троллинга, что подтверждает необходимость осторожного разграничения гражданско-правовых и уголовно-правовых механизмов [8]. Само по себе существование патентного конфликта не означает наличия преступления, а использование предусмотренных законом способов защиты не должно создавать презумпцию недобросовестности правообладателя.

Тем не менее отсутствие систематизированных сведений о досудебном урегулировании создаёт определённую проблему. Если предприниматель выплачивает

денежные средства под влиянием недостоверных утверждений и не обращается в суд, такой конфликт может остаться вне поля зрения судебной статистики. В результате затрудняется выявление повторяющихся моделей поведения и оценка потенциальных рисков.

Следовательно, вопрос о возможном использовании патентного троллинга для мошеннических манипуляций требует самостоятельного эмпирического исследования. Его проведение должно опираться на проверенные материалы судебных дел, установленные факты и данные компетентных органов, а не только на предположения о мотивах правообладателей.

Заключение

Патентный троллинг представляет собой сложную правовую проблему, связанную с разграничением добросовестного осуществления исключительных прав и злоупотребления правом. При этом отсутствие собственного производства, приобретение патента с целью лицензирования или предъявление требования о компенсации сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности патентообладателя.

Основным гражданско-правовым механизмом противодействия злоупотреблению выступает статья 10 ГК РФ, применение которой требует установления конкретных обстоятельств недобросовестного поведения. Необходимость такого подхода обусловлена потребностью одновременно защищать законные интересы патентообладателей и предотвращать использование патентной охраны для необоснованного давления на участников предпринимательского оборота.

Отдельной проблемой является отсутствие специализированного статистического учёта конфликтов, связанных с патентным троллингом, и результатов их разрешения в неюрисдикционной и юрисдикционной формах. Общая статистика патентных споров не позволяет определить распространённость данного явления, а отсутствие сведений о многих досудебных соглашениях затрудняет сравнение эффективности различных способов защиты. В связи с этим перспективным направлением является разработка критериев выявления возможного злоупотребления и совершенствование системы сбора обезличенных данных о результатах урегулирования патентных конфликтов.

В заключение возникает вопрос: **может ли существующая ситуация, характеризующаяся сложностью выявления злоупотреблений и отсутствием полной статистики досудебного урегулирования, создавать условия для использования патентных претензий в качестве инструмента мошеннических манипуляций?** Теоретически такая возможность существует, если лицо намеренно вводит предпринимателя в заблуждение относительно наличия нарушения или правовых последствий отказа от выплаты. Однако установить наличие мошенничества можно только на основании конкретных доказа-

тельств и при наличии всех предусмотренных уголовным законом признаков.

Таким образом, дальнейшее развитие правоприменительной практики должно быть направлено на повышение

прозрачности урегулирования патентных конфликтов, совершенствование критериев злоупотребления правом и обеспечение обоснованного разграничения гражданско-правовой недобросовестности и уголовно наказуемого обмана.

Литература:

1. Касаткин Д. М. Злоупотребление патентными правами // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. Т. 7, № 4 (24). С. 74–80. DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2024.24.6.
2. Синицын С. А. Злоупотребление правом: от общего к частному (на примере патентных прав) // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22, № 6. С. 55–97. DOI: 10.24031/1992–2043–2022–22–6–55–97.
3. Арзамасцева А. И. Опыт и перспективы борьбы с патентными троллями // IP: теория и практика. 2025. № 2 (10). С. 61–69.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в действующих редакциях).
5. Роспатент. Судебная практика: аналитические справки по спорам, связанным с правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации за 2023–2025 годы. URL: <https://rospatent.gov.ru/activities/case> (дата обращения: 09.10.2026).
6. Судебная статистика Российской Федерации. Споры о защите патентных прав за 2024 год. URL: <https://sudstat.ru/stats/arb/t/42/s/1> (дата обращения: 09.10.2026).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции).
8. Ровнейко В. В. Проблемы уголовно-правовой оценки патентного троллинга // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2020. Т. 30, № 2. С. 282–288.

Оценочное понятие или оценочная категория: к вопросу о терминологии и сущностных признаках

Трифонов Глеб Игоревич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье разбирается терминологический спор о наименовании правовых формул, содержание которых законодатель намеренно оставляет незавершенным, и анализируются признаки, образующие их сущность. Поддержан вывод о том, что за выражениями «оценочное понятие» и «оценочная категория» стоит одно правовое явление. Обосновано, что открытость объема и нечеткость содержания не конкурируют, а дополняют друг друга, а наличие легального определения не лишает понятие оценочного характера, если ключевой признак такого определения сам требует оценки. Предложено авторское определение.

Ключевые слова: оценочное понятие, оценочная категория, юридическая техника, неопределенность в праве, судебное усмотрение, толкование, гражданское судопроизводство.

Законодательных формул, содержание которых закон раскрывает не полностью, становится больше. Подсчеты Р. О. Опалева дают наглядную картину: в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. оценочные термины встречались 485 раз, в ГПК РФ 2002 г. — 302 раза, а по арбитражному и гражданскому процессуальному законодательству в целом число таких случаев приближается к тысяче [12, с. 3, 26]. Явление не ново: еще в середине 1970-х гг. Т. В. Кашанина насчитывала более 60 подобных понятий в УК РСФСР и более 40 — в ГК РСФСР [5, с. 228]. За несколько десятилетий изучения в науке, однако, так и не договорились, как это явление называть и какие признаки для него определяющие.

Так, Т. В. Кашанина, М. И. Бару, П. А. Лупинская пишут об «оценочных понятиях», А. Ф. Черданцев и А. С. Пиголкин — об «оценочных терминах», В. Н. Дубовицкий наряду с понятиями употребляет выражение «оценочные категории», а В. В. Питецкий со временем стал говорить и об оценочных признаках [15, с. 19]. С. В. Петраков, сопоставив содержание всех этих обозначений, показал, что речь идет об одном и том же правовом явлении, названном по-разному, и напомнил позицию С. С. Алексеева о недопустимости обозначать тождественные понятия разными терминами [13, с. 31–32]. Вывод убедителен, но вопроса о предпочтительном наименовании не закрывает.

Доводы в пользу «оценочной категории» выстраиваются по трем линиям. Р. М. Нигматдинов, изучив варианты обозначения, остановился именно на этом применительно к гражданскому процессуальному праву [11, с. 27]. Н. И. Беседкина отталкивается от филологического понимания слова «понятие», которое, по ее мнению, не точно передает суть явления [8, с. 79]. К. А. Белоусова, Г. С. Беляева и М. А. Умарова объясняют свой выбор предметом исследования: они рассматривают соответствующие формулы не в отдельной отрасли, а в праве в целом [6, с. 60].

Возражения как раз логические. И. В. Фабрика напоминает, что категории выражают предельную для правоведения степень обобщения, тогда как у рассматриваемых формул «предельным характером они не обладают» [15, с. 18]. Р. О. Опалев развернул этот тезис на процессуальном материале: от «разумного срока» несложно подняться к более широкому понятию «срок», от «уважительной причины» — к «причине»; к тому же категории рождаются в философии и науке, а оценочные формулы закона заимствуются из обыденной речи и не работают в сознании юриста как организующие принципы мышления [12, с. 15, 18]. Возразить тут нечего: ни «разумный срок», ни «необходимые расходы» высшей ступенью обобщения не являются.

Признание логического приоритета за словом «понятие» не означает, однако, что от выражения «оценочная категория» следует отказаться. Законодатель не пользуется ни одним из спорных обозначений, а Пленум Верховного Суда РФ прямо говорит о признаках, «относящихся к оценочным категориям» [3]. Спор о словах к тому же заслоняет действительно важное — набор признаков, стоящий за любым из наименований. Разумнее признать оба выражения синонимами и перенести внимание на сущностные свойства явления.

Первым из них обычно называют неопределенность содержания. Уточнение здесь принципиально: имеется в виду не пустота, а неполнота выражения мысли законодателя. М. И. Бару считал оценочные понятия вовсе не конкретизированными, но В. В. Игнатенко, поддерживая Е. И. Астраханя, обоснованно возражает: они не конкретизированы лишь исчерпывающим образом, а доля частично конкретизированных среди них весьма велика [10, с. 621]. В ч. 4 ст. 112 ГПК РФ законодатель, требуя уважительности причин пропуска срока, сам называет примеры таких обстоятельств — тяжелую болезнь заявителя, его беспомощное состояние — и ограничивает их годичным сроком [2]. Понятие частично раскрыто, но оценочным быть не перестало: перечень открыт, а уважительность каждой причины по-прежнему устанавливает суд.

Второе свойство касается логической структуры. Долгое время считалось, что содержание неоценочного понятия образует завершенную конструкцию, а у оценочного оно открыто: сколько бы признаков ни выделить, они не исчерпают содержания [13, с. 29–30]. Р. О. Опалев сме-

стил акцент с открытости на нечеткость, полагая, что дело не в переменном числе признаков, а в их эластичности и расплывчатости при неизменном составе [12, с. 18]. Эти объяснения не исключают друг друга. Открытость описывает объем понятия, нечеткость — его содержание, и в правоприменении проявляются обе черты одновременно: перечень уважительных причин не закрыт, но и у каждой отдельно взятой причины граница «уважительности» размыта.

Третья черта — сочетание объективного и субъективного начал. В основе оценочного понятия лежат действительные свойства явлений, но при применении субъект вкладывает в него смысл, отвечающий его представлениям, отчего содержание понятия заметно зависит от правосознания правоприменителя [13, с. 29]; Г. Е. Агеева описывает это как дуализм объективной и субъективной сторон [4, с. 10]. Отсюда, впрочем, не следует, что содержание оценочного понятия рождается всякий раз заново. Р. О. Опалев показал, что оно складывается у интерпретатора еще до появления конкретной ситуации — под влиянием правосознания, практики и доктрины, а сама ситуация лишь дает повод скорректировать уже имеющееся понимание [12, с. 16–17]. Это наблюдение снимает упрек в произволе: усмотрение опирается на заранее сформированный стандарт.

Четвертый признак — необходимость оценки как самостоятельной познавательной операции. Применяя такое понятие, правоприменитель решает, какие обстоятельства дела им охватываются, и тем самым придает им значение юридических фактов [14, с. 137]. Оценка при этом не сводится к ценностному суждению: И. В. Фабрика различает аксиологические, неаксиологические и смешанные понятия, поясняя, что «добросовестность» оценивается с позиций аксиологии, «разумный срок» — с учетом в том числе рыночных условий [15, с. 20–21]. Операцию эту выполняет человек, и Г. Е. Агеева справедливо отмечала, что «автоматическое машинное толкование содержания оценочного понятия... по крайней мере в настоящее время, невозможно» [4, с. 17]. В условиях цифровизации правосудия это важно: алгоритм подскажет типовое решение, но ответственность за выбор и мотивировку остается на судьбе.

Сущность явления яснее видна и при отграничении от смежных. От пробела оценочное понятие отличается тем, что представляет собой сознательно оставленное законодателем поле для действий правоприменителя с учетом условий места и времени [7, с. 205]: пробел означает отсутствие нормы, оценочное понятие — ее эластичность. Р. О. Опалев показывает и другое: одно и то же слово — «необходимость», «возможность» — в одних нормах выступает оценочным, а в других формально определенным [12, с. 20]. Отсюда практический вывод: квалифицировать понятие как оценочное вне контекста конкретной нормы некорректно.

Особого внимания заслуживает признак, который в литературе формулируют как отсутствие законодатель-

ного раскрытия содержания. С. С. Бурцева ставит его под сомнение, ссылаясь на Определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2023 г. № 337-О, где оценочным назван критерий «недвижимых вещей», хотя п. 1 ст. 130 ГК РФ раскрывает его, в частности, через невозможность перемещения объекта без несоразмерного ущерба его назначению [9, с. 88–89; 1]. Возражение следует поддержать: легальная дефиниция не лишает понятие оценочной природы, если ключевой признак самой дефиниции («несоразмерный ущерб») требует оценки. Определяющим, следовательно, является не наличие дефиниции, а то, можно ли установить содержание понятия без обращения к обстоятельствам дела.

Накопленные признаки позволяют вернуться к определениям. Классической остается формула Т. В. Кашаниной: положение нормы, фиксирующее самые общие черты разнородных явлений и «детально не разъясняемое законодателем» [7, с. 203]. К. А. Белоусова, Г. С. Беляева и М. А. Умарова предлагают лаконичный вариант: «правовое понятие, отражающее наиболее общие свойства предметов, явлений, действий», содержание которого раскрывается через оценку в конкретной правоприменительной си-

туации [6, с. 61]. Напротив, определение Н. И. Беседкиной, видящей в оценочных понятиях систему правовых норм, «смысл и содержание» которых меняются «в зависимости от конкретных обстоятельств, социальных условий и практики» [8, с. 79], вызывает возражение: оценочное понятие является элементом нормы, а не их системой, и смешение этих уровней затрудняет анализ.

Изложенное позволяет определить оценочное понятие (оценочную категорию) как содержащееся в норме права общее понятие, признаки которого законодатель намеренно оставил неполными и нечеткими, с тем чтобы их содержание устанавливалось правоприменителем путем оценки обстоятельств конкретного дела на основе правосознания, сложившейся практики и заданных правом ориентиров. Спор о наименовании при таком подходе теряет остроту: он имеет значение для чистоты логики, но не для правоприменения. Куда важнее, чтобы за используемым термином стоял согласованный набор признаков, поскольку от него зависит, признает ли суд конкретную формулу требующей оценки и раскроет ли в мотивировочной части, какие обстоятельства он счел уважительными, разумными или существенными.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2017. — № 1.
4. Агеева Г. Е. Оценочные понятия процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2014. — 24 с.
5. Акашкин А. Ю. Использование оценочных категорий в гражданском законодательстве // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 3. — С. 228–240.
6. Белоусова К. А., Беляева Г. С., Умарова М. А. Понятие и сущность оценочных категорий в праве // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 8 (188). — С. 59–62.
7. Беляева О. М. Оценочные понятия и категории в российском праве // Актуальные проблемы экономики и права. — 2013. — № 1. — С. 203–208.
8. Беседкина Н. И. Разумность в системе оценочных понятий гражданского права: некоторые методологические аспекты перехода от понятия к категории // Право и государство: теория и практика. — 2015. — № 3 (123). — С. 76–81.
9. Бурцева С. С. Оценочные понятия — необходимое средство достижения конституционной идеи правовой определенности или фактор, приводящий к ее нарушению? // Правоприменение. — 2023. — Т. 7, № 4. — С. 86–95.
10. Игнатенко В. В. Правовые особенности оценочных понятий в праве: теоретико-правовой аспект // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 4. — С. 618–627.
11. Нигматдинов Р. М. Проблема правовых понятий и оценочных категорий в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2004. — 32 с.
12. Опалев Р. О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2008. — 29 с.
13. Петраков С. В. Теоретико-правовой анализ содержания оценочных категорий и понятий права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2013. — № 23. — С. 28–32.
14. Рясина А. С. Оценочные категории в праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2012. — № 2 (84). — С. 134–138.
15. Фабрика И. В. Некоторые вопросы определения оценочного понятия в современной юридической науке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2012. — № 43 (302). — С. 18–22.

Распределение ответственности между собственником и арендатором при нарушении требований пожарной безопасности: правовые позиции, спорные ситуации и алгоритм действий

Туник Наталья Викторовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье рассматривается проблема распределения ответственности за нарушение требований пожарной безопасности между собственником объекта и арендатором. Анализируются нормы законодательства, позиции судов, типовые условия договоров аренды, а также практические рекомендации по фиксации зон ответственности и минимизации рисков привлечения к административной и гражданско-правовой ответственности. Особое внимание уделено изменениям правоприменительной практики 2024–2025 годов и роли договорных условий в установлении надлежащего субъекта ответственности.

Ключевые слова: пожарная безопасность, нарушение требований пожарной безопасности, государственный пожарный надзор, проверка МЧС.

Distribution of responsibility between the owner and the tenant in case of violation of fire safety requirements: legal positions, controversial situations and an algorithm of actions

The article considers the problem of distribution of responsibility for violation of fire safety requirements between the owner of the facility and the tenant. Legislative norms, positions of courts, standard terms of lease agreements, as well as practical recommendations for fixing areas of responsibility and minimizing the risks of bringing to administrative and civil liability are analyzed. Particular attention is paid to changes in law enforcement practice 2024–2025 and the role of contractual conditions in establishing the proper subject of responsibility.

Keywords: fire safety, violation of fire safety requirements, state fire supervision, checking the Ministry of Emergency Situations.

На практике значительная доля споров о привлечении к ответственности за нарушения пожарной безопасности связана с объектами, находящимися в аренде. Инспекторы МЧС нередко привлекают к ответственности собственника, даже если фактическое использование помещения и контроль за его состоянием возложены на арендатора. В то же время суды всё чаще учитывают содержание договора аренды и фактическое распределение обязанностей между сторонами.

Цель статьи — показать, как юридически корректно распределить ответственность между собственником и арендатором, какие формулировки закрепить в договоре, как фиксировать исполнение обязанностей и какие доказательства использовать при оспаривании постановлений.

Ключевым нормативным актом остаётся статья 38 Федерального закона от 21.12.1994 № 69ФЗ «О пожарной безопасности», которая устанавливает, что ответственность несут:

- собственники имущества;
- лица, уполномоченные владеть, пользоваться или распоряжаться имуществом (в том числе руководители организаций и назначенные ответственные);
- иные лица, на которых возложена обязанность по обеспечению пожарной безопасности.

Это означает, что одновременно могут быть привлечены и собственник, и арендатор — в зависимости от того, чьи действия (или бездействие) привели к нарушению.

Дополнительно применяются:

— Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 № 1479 (Правила противопожарного режима) — устанавливает конкретные требования к содержанию помещений, путей эвакуации, систем защиты и т. д.

— Статья 20.4 КоАП РФ — основание для административной ответственности.

— Гражданский кодекс РФ (ст. 616) — регулирует обязанности сторон по содержанию имущества.

Важно: сам факт аренды не освобождает собственника от ответственности перед государством. Однако при наличии надлежащих договорных условий и доказательств исполнения обязанностей собственник может доказать, что нарушение допущено арендатором и находилось вне его зоны контроля.

Судебная практика выделяет несколько типовых ситуаций:

1. Нарушение в арендуемом помещении, за которое по договору отвечает арендатор (например, загромождение эвакуационного прохода коробками арендатора, неисправность розетки, которую эксплуатировал арендатор). Если договор чётко возлагает обязанности по соблю-

дению противопожарного режима и содержанию помещения на арендатора, суды чаще признают надлежащим субъектом ответственности арендатора.

2. Нарушение в общих зонах и инженерных системах здания (лестничные клетки, коридоры, системы дымоудаления, внутренний водопровод). Как правило, ответственность несёт собственник либо управляющая организация, поскольку эти зоны не передаются в индивидуальное пользование.

3. Перепланировка и изменения, сделанные арендатором без согласования. Если арендатор самовольно перенёс перегородку, заблокировал выход или демонтировал датчик пожарной сигнализации, ответственность лежит на нём, даже если собственник не контролировал процесс.

4. Неисполнение предписания об устранении нарушений. Если предписание выдано собственнику, он обязан его исполнить либо обеспечить исполнение арендатором. Неисполнение предписания может повлечь ответственность собственника, даже если нарушение фактически допущено арендатором.

Чтобы минимизировать риски, в договоре аренды следует прямо зафиксировать:

— Зоны ответственности. Чётко разграничить, кто отвечает за общие зоны, а кто — за арендуемое помещение.

— Обязанности по соблюдению требований пожарной безопасности. Прописать, что арендатор обязан соблюдать Правила противопожарного режима, не загромождать эвакуационные пути, не блокировать выходы, не использовать неисправное электрооборудование.

— Порядок проведения ремонтов и перепланировок. Указать, что любые изменения возможны только с письменного согласия собственника и при условии соответствия требованиям пожарной безопасности.

— Доступ для проверок и обслуживания. Закрепить обязанность арендатора обеспечивать доступ представителям собственника и обслуживающих организаций для осмотра и ремонта систем противопожарной защиты.

— Ответственность за убытки. Предусмотреть обязанность арендатора возмещать убытки, причинённые нарушением требований пожарной безопасности, включая штрафы и расходы на устранение последствий пожара.

Пример формулировки: «Арендатор обязуется соблюдать требования пожарной безопасности в арендуемом помещении в соответствии с Правилами, утверждёнными Постановлением № 1479, и несёт ответственность за любые нарушения, возникшие в результате его действий или бездействия, включая загромождение эвакуационных путей, эксплуатацию неисправного электрооборудования и несанкционированные перепланировки».

Для защиты позиции в спорах с надзорными органами и в суде важно иметь:

— Договор аренды с приложениями (план помещения, акт приёмапередачи с описанием состояния помещения и наличия средств защиты).

— Акты осмотра и проверки — регулярные совместные осмотры с фиксацией состояния систем пожарной безопасности.

— Уведомления и предписания — если собственник направлял арендатору требования об устранении нарушений, это подтверждает его добросовестные действия.

— Документы об обслуживании систем — договоры с подрядчиками, акты проверок, журналы технического обслуживания.

— Фотофиксацию и переписку — материалы, подтверждающие, что нарушение возникло в зоне ответственности арендатора (например, коробки арендатора у эвакуационного выхода).

Анализ практики арбитражных судов показывает, что суды учитывают:

— Содержание договора. Если в договоре прямо возложены обязанности на арендатора, это служит основанием для привлечения к ответственности именно его.

— Фактический контроль. Если собственник фактически не мог контролировать состояние помещения (например, не имел доступа), а арендатор единолично им распоряжался, ответственность чаще возлагается на арендатора.

— Исполнение предписаний. Если предписание было выдано собственнику, но он доказал, что нарушение находится в зоне ответственности арендатора и он принял меры для его устранения, суд может признать отсутствие вины собственника.

При этом суды отклоняют доводы о том, что «арендатор должен сам всё контролировать, а собственник ни при чём», если собственник не предпринял разумных мер по обеспечению пожарной безопасности здания в целом.

Алгоритм действий для собственника:

1. На этапе заключения договора — прописать зоны ответственности, обязанности по пожарной безопасности и порядок взаимодействия.

2. При передаче помещения — составить акт с описанием состояния систем противопожарной защиты, наличия огнетушителей, планов эвакуации и т. д.

3. В ходе аренды — проводить регулярные осмотры, фиксировать состояние помещений и систем, направлять арендатору уведомления о выявленных нарушениях.

4. При получении предписания — оценить, находится ли нарушение в зоне ответственности арендатора; если да — направить арендатору требование об устранении и уведомить надзорный орган о принятых мерах.

5. При привлечении к ответственности — представить доказательства того, что нарушение допущено арендатором и собственник предпринял все необходимые меры для его предотвращения.

Арендатору важно:

— внимательно изучить условия договора и перечень своих обязанностей;

— вести журнал инструктажей и тренировок по эвакуации для своих сотрудников;

— регулярно проверять состояние огнетушителей, датчиков, эвакуационных выходов;

— не проводить перепланировки без согласования;
— фиксировать все обращения к собственнику по вопросам состояния помещения и систем защиты.

Даже если договор возлагает на арендатора обязанности по пожарной безопасности, это не освобождает его от необходимости реально их исполнять и документально подтверждать исполнение.

Распределение ответственности за нарушение требований пожарной безопасности между собственником и арендатором — это не автоматический процесс, а ре-

зультат правильного оформления договорных отношений и системного контроля. Ключевыми факторами являются чёткое разграничение зон ответственности в договоре, документальное подтверждение исполнения обязанностей и своевременное реагирование на выявленные нарушения.

Грамотно составленный договор аренды и налаженная система внутреннего контроля позволяют не только снизить риски привлечения к административной ответственности, но и реально повысить уровень пожарной безопасности объекта.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63ФЗ (ст. 219) // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
2. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69ФЗ «О пожарной безопасности» // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Федеральный закон от 22.07.2008 № 123ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
4. Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 № 1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации» // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
5. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195ФЗ (ст. 20.4) // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
6. Официальные публикации МЧС России и обзоры судебной практики по делам о нарушениях требований пожарной безопасности.

Практика привлечения к ответственности за нарушение требований пожарной безопасности: типичные нарушения, ошибки и способы их избежать

Туник Наталья Викторовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье анализируется правоприменительная практика по делам о нарушении требований пожарной безопасности. Основное внимание уделено наиболее распространённым нарушениям, типичным ошибкам организаций и должностных лиц при организации пожарной безопасности, а также способам минимизации рисков привлечения к административной и уголовной ответственности. Приведены примеры из судебной практики и практические рекомендации по выстраиванию системы внутреннего контроля.

Ключевые слова: пожарная безопасность, нарушение требований пожарной безопасности, юридическая ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность, государственный пожарный надзор, проверка МЧС, техническое обслуживание систем.

The practice of holding liable for violations of fire safety requirements: typical violations, mistakes and ways to avoid them

The article analyzes law enforcement practice in cases of violation of fire safety requirements. The focus is on the most common violations, typical mistakes of organizations and officials in organizing fire safety, as well as ways to minimize the risks of administrative and criminal liability. Examples of judicial practice and practical recommendations for building an internal control system are given.

Keywords: fire safety, violation of fire safety requirements, legal liability, administrative responsibility, criminal liability, state fire supervision, inspection of the Ministry of Emergency Situations, system maintenance.

Несмотря на наличие чёткой нормативной базы (ФЗ № 69ФЗ, ФЗ № 123ФЗ, Постановление № 1479), на практике значительная часть нарушений требований пожарной безопасности носит типовой характер. Органы государственного пожарного надзора ежегодно фиксируют тысячи нарушений, а суды рассматривают сотни дел об административных правонарушениях и уголовных делах по статье 219 УК РФ.

Цель статьи — показать, как именно на практике формируется состав правонарушения, какие ошибки чаще всего допускают организации и должностные лица, и как выстроить систему внутреннего контроля, чтобы снизить риски ответственности.

По данным МЧС и судебной практике, наиболее частые нарушения можно сгруппировать по категориям:

— Нарушения, связанные с эвакуацией и путями эвакуации: загромождение коридоров, блокировка эвакуационных выходов, установка запоров, которые нельзя открыть изнутри без ключа, отсутствие или несоответствие планов эвакуации. Это одни из самых «рисковых» нарушений: они напрямую влияют на безопасность людей и чаще всего становятся основанием для приостановления деятельности.

— Неисправность или отсутствие систем противопожарной защиты: неработающая пожарная сигнализация, отключённые системы оповещения и управления эвакуацией, неисправные автоматические установки пожаротушения, отсутствие или неисправность внутреннего противопожарного водопровода.

— Нарушения при эксплуатации электрооборудования: использование удлинителей и «тройников» для питания мощных приборов, эксплуатация повреждённых розеток и выключателей, прокладка кабелей по горючим поверхностям, отсутствие регулярной проверки сопротивления изоляции.

— Нарушение противопожарного режима на территории и в помещениях: складирование горючих материалов вблизи источников тепла, хранение легковоспламеняющихся жидкостей в неположенных местах, отсутствие или неправильное размещение огнетушителей, отсутствие маркировки пожароопасных зон.

— Организационные нарушения: отсутствие приказа о назначении ответственного за пожарную безопасность, отсутствие инструкций о мерах пожарной безопасности, непроведение противопожарных инструктажей, отсутствие журнала учёта инструктажей и тренировок по эвакуации.

При проверке инспектор фиксирует нарушения с помощью:

- акта проверки и протокола осмотра;
- фото- и видеоматериалов;
- объяснений должностных лиц и работников;

— технической документации (актов проверки систем, протоколов испытаний, паспортов оборудования).

Для квалификации нарушения как «создающего угрозу жизни и здоровью» часто достаточно установить факт неисправности систем оповещения или блокировки эвакуационных выходов — дополнительных экспертиз может не потребоваться. Если же речь идёт о причинении вреда, подключаются материалы расследования пожара: протоколы осмотра места происшествия, заключения пожарно-технической экспертизы, медицинские документы о характере и тяжести вреда.

Типичные ошибки организаций и должностных лиц:

Ошибка 1. «Ответственный назначен — значит, всё в порядке»

Назначение приказом ответственного за пожарную безопасность не снимает ответственности с руководителя организации. По статье 38 ФЗ № 69ФЗ ответственность несут и собственник, и руководитель, и назначенное лицо. На практике это означает, что к ответственности могут быть привлечены одновременно и организация, и её руководитель, и ответственный сотрудник.

Как избежать. Выстроить систему контроля: назначить ответственного, утвердить его должностную инструкцию, обеспечить ресурсами и регулярно проверять выполнение обязанностей.

Ошибка 2. «Мы всё починили после проверки — штрафа не будет»

Факт устранения нарушения после выявления не отменяет самого факта нарушения на момент проверки. Штраф может быть назначен за состояние на момент осмотра. Исключение — если устранение нарушения было зафиксировано до составления протокола и подтверждено документально (акт, фотофиксация, показания свидетелей).

Как избежать. Проводить внутренние проверки и устранять нарушения до прихода инспектора.

Ошибка 3. «У нас всё по проекту — значит, соответствует»

Проектная документация не всегда соответствует действующим требованиям. Нормы обновляются, и объект, построенный по старым нормам, может не соответствовать актуальным требованиям. Кроме того, в ходе эксплуатации часто вносятся изменения (перепланировки, замена оборудования), которые не согласованы и не проверены на соответствие требованиям пожарной безопасности.

Как избежать. Регулярно актуализировать оценку пожарного риска и проверять соответствие объекта действующим нормам.

Ошибка 4. «Нет денег на оборудование — значит, не можем выполнить требования»

Отсутствие финансирования не является безусловным основанием для освобождения от ответственности. Суд

может учесть это как смягчающее обстоятельство, но не как отсутствие состава правонарушения.

Как избежать. Планировать расходы на пожарную безопасность как обязательные, включать их в бюджет, использовать механизмы поэтапного приведения объекта в соответствие с требованиями.

Ошибка 5. «Мы не знали о новых требованиях»

Незнание закона не освобождает от ответственности. Новые требования публикуются официально, и обязанность отслеживать изменения лежит на ответственных лицах.

Как избежать. Назначить ответственного за мониторинг изменений законодательства, использовать официальные источники (сайт МЧС, правовые базы), проводить регулярные обучения.

Анализ судебной практики показывает, что суды чаще всего отклоняют следующие доводы:

- «Нарушение устранено после проверки» — не отмечает факта нарушения на момент проверки.
- «Нет финансирования» — может быть учтено как смягчающее, но не освобождает от ответственности.
- «Объект старый, строили по старым нормам» — требования действующих норм применяются ко всем объектам независимо от года постройки.
- «Мы не знали» — не является основанием для освобождения от ответственности.
- В то же время суды учитывают:
 - добровольное устранение нарушений до составления протокола;
 - наличие системы внутреннего контроля и мер по предотвращению нарушений;
 - отсутствие умысла и предыдущих нарушений;
 - тяжёлое финансовое положение организации (для снижения размера штрафа).

Практические рекомендации по снижению рисков:

1. Проведите аудит пожарной безопасности. Лучше всего — с привлечением независимой экспертной организации. Аудит поможет выявить слабые места и составить план устранения нарушений.
2. Назначьте ответственного и обеспечьте его ресурсами. Ответственный должен иметь полномочия, доступ к информации и бюджет для устранения нарушений.
3. Разработайте и актуализируйте документы. Приказ о назначении ответственного, инструкция о мерах пожарной безопасности, программы инструктажей, журналы учёта, планы эвакуации — всё должно быть в наличии и соответствовать действительности.
4. Регулярно проводите тренировки по эвакуации. Это не только требование, но и способ реально проверить готовность персонала и работоспособность систем.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63ФЗ (ст. 219) // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

5. Ведите журнал технического обслуживания систем противопожарной защиты. Все проверки, испытания и ремонты должны быть документально подтверждены.

6. Отслеживайте изменения законодательства. Назначьте ответственного за мониторинг, используйте официальные источники.

7. Рассмотрите возможность независимой оценки пожарного риска. Это позволяет обосновать допустимый уровень риска и снизить вероятность претензий со стороны надзорных органов.

Уголовная ответственность по статье 219 УК РФ наступает, если нарушение требований пожарной безопасности повлекло тяжкие последствия. При этом важно:

- установить причинно-следственную связь между нарушением и последствиями;
- доказать, что на лице лежала обязанность по соблюдению требований;
- подтвердить, что нарушение было допущено по неосторожности.

На практике чаще всего к ответственности привлекаются руководители организаций и лица, назначенные ответственными за пожарную безопасность. Доказательствами служат: акты проверок, протоколы осмотра, заключения экспертиз, должностные инструкции, приказы, журналы инструктажей.

Типичные ситуации, приводящие к уголовной ответственности:

- отключение систем пожарной сигнализации и оповещения «для удобства» или из-за ложных срабатываний;
- блокировка эвакуационных выходов для «безопасности» объекта;
- эксплуатация неисправного электрооборудования, приведшая к пожару;
- хранение горючих материалов в неположенных местах.

Практика привлечения к ответственности за нарушение требований пожарной безопасности показывает, что большинство нарушений носят типовой характер и могут быть предотвращены при системном подходе к обеспечению пожарной безопасности. Ключевыми факторами снижения рисков являются регулярный аудит, наличие и актуализация документации, обучение персонала, техническое обслуживание систем противопожарной защиты и отслеживание изменений законодательства.

Для организаций важно понимать, что назначение ответственного лица не снимает ответственности с руководителя, а устранение нарушений после проверки не отменяет факта правонарушения. Эффективная система внутреннего контроля позволяет не только снизить риски привлечения к ответственности, но и реально повысить уровень безопасности людей и имущества.

2. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69ФЗ «О пожарной безопасности» // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Федеральный закон от 22.07.2008 № 123ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
4. Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 № 1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации» // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
5. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195ФЗ (ст. 20.4) // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
6. Официальные публикации МЧС России и обзоры судебной практики по делам о нарушениях требований пожарной безопасности.

Особенности привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан из государств дальнего зарубежья

Холбаев Рустам Абдулхакимович, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В данной статье будут рассмотрены особенности правового регулирования привлечения к трудовой деятельности на территории Российской Федерации иностранных граждан, прибывающих из государств дальнего зарубежья в порядке, требующем получения визы. Проанализированы механизм квотирования, порядок получения разрешения на работу, изменение географии и отраслевой структуры спроса работодателей на иностранную рабочую силу из визовых стран в 2021–2025 годах, а также международно-правовые основы сотрудничества Российской Федерации с отдельными государствами. Предложены меры по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: иностранный гражданин, дальнее зарубежье, визовый режим, разрешение на работу, квота, организованный набор, международный договор.

Если граждане государств-членов Договора о Евразийском экономическом союзе осуществляют трудовую деятельность без разрешительных документов, а граждане иных безвизовых государств — на основании патента, то граждане государств, въезд из которых требует получения визы (Китайская Народная Республика, Республика Индия, Социалистическая Республика Вьетнам, Турецкая Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика и др.), осуществляют трудовую деятельность на основании разрешения на работу. Исключение составляет Туркменистан, гражданам которого также требуется виза.

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы [1]. Однако, в отличие от граждан ЕАЭС, для граждан визовых государств отсутствует единый многосторонний договор, который определял бы порядок их трудовой деятельности, поэтому основное регулирование осуществляется Федеральным законом от 25.07.2002 N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее — Закон о правовом положении иностранных граждан) и двусторонними соглашениями.

Согласно ст. 13 Закона о правовом положении иностранных граждан работодатель и заказчик работ (услуг)

вправе привлекать и использовать для осуществления трудовой деятельности иностранных работников при наличии разрешения на привлечение и использование иностранных работников, а иностранный гражданин вправе осуществлять трудовую деятельность при наличии разрешения на работу. Статьей 18 указанного Закона предусмотрено, что Правительство Российской Федерации ежегодно определяет потребность в привлечении иностранных работников, прибывающих на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, с учетом предложений субъектов Российской Федерации [3].

Таким образом, привлечение гражданина государства дальнего зарубежья проходит в несколько этапов: подача работодателем заявки о потребности в рабочей силе и ее включение в квоту; получение работодателем разрешения на привлечение иностранных работников; оформление приглашения на въезд и рабочей визы; выдача иностранному гражданину разрешения на работу; заключение трудового договора и уведомление органов внутренних дел. Особый порядок, не требующий квот, установлен для высококвалифицированных специалистов (ст. 13.2 Закона о правовом положении иностранных граждан).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.11.2025 N 1920 квота на 2026 год для ино-

странных работников, прибывающих на основании визы, определена в размере 278 940 разрешений, что на 18,7 % больше, чем в 2025 году (234 958). Наибольшая доля квоты приходится на рабочих пищевой, деревообрабатывающей, текстильной и швейной промышленности (71 088) и на рабочих строительных профессий (55 312) [6]. Одновременно Постановлением Правительства Российской Федерации от 05.12.2025 N 1995 на 2026 год установлена допустимая доля иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами в отдельных видах экономической деятельности [7].

Рост квоты подтверждается и научными исследованиями. По данным А. Э. Евтушенко, основанным на сведениях Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, потребность работодателей в иностранных работниках из визовых стран выросла с 89 719 рабочих мест в 2021 году до 200 653 рабочих мест в 2025 году. Главной особенностью этого процесса является не просто рост, а географическая перестройка: доля Южной Азии увеличилась с 8,7 % до 37,6 % (в том числе Индии — с 6 860 до 58 023 человек), доля Восточной Азии (прежде всего Китая) снизилась с 42,7 % до 29,8 %, потребность в работниках из Турции сократилась с 16 240 до 7 342 человек, формируются новые миграционные коридоры из стран Африки [9].

Отраслевая структура спроса также имеет свои особенности. На строительство (81 515 человек, или 40,6 % потребности в 2025 году) и обрабатывающие производства (71 129 человек) приходится 76,0 % общей потребности, при этом растет спрос в логистике, административной деятельности и операциях с недвижимым имуществом. К 2025 году потребность в иностранных работниках из визовых стран заявили 79 субъектов Российской Федерации, а средняя численность таких работников на одного работодателя выросла с 42 до 69 человек, то есть работодатели привлекают мигрантов группами и бригадами [9].

Для Дальнего Востока привлечение граждан государств дальнего зарубежья имеет значение в связи с оттоком населения. В 2022 году из других стран в ДФО прибыло 52,7 тыс. человек, в том числе 7 % из Китая, при этом отток населения вызывает необходимость замещения его привлеченными трудовыми ресурсами из стран СНГ и дальнего зарубежья, где определенную нишу занимают граждане Китая [10].

Отдельного внимания заслуживает международно-правовая основа привлечения граждан отдельных государств дальнего зарубежья. Так, 19 июня 2024 года в г. Пхеньяне подписан Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой, ратифицированный Федеральным законом от 09.11.2024 N 374-ФЗ [4]. Согласно ст. 10 и 11 данного Договора стороны способствуют расширению торгово-экономического сотрудничества и развитию межрегионального и приграничного сотрудничества; в силу ст. 14 каждая из сторон защищает законные права и интересы нахо-

дящихся на ее территории юридических лиц и граждан другой стороны; ст. 17 предусматривает взаимодействие сторон в борьбе с незаконной миграцией и торговлей людьми [2].

Вместе с тем Договор не содержит специальных норм о трудовой миграции, в отличие от ст. 97 Договора о ЕАЭС, и не устанавливает особого порядка трудоустройства граждан. Кроме того, привлечение граждан КНДР к трудовой деятельности находится в сфере действия резолюции Совета Безопасности ООН 2397 (2017), предусматривающей репатриацию граждан КНДР, получающих доход за рубежом. Следовательно, для работодателей в данной сфере сохраняется правовая неопределенность, связанная с соотношением норм двустороннего договора, резолюций Совета Безопасности ООН и национального законодательства.

Практика привлечения граждан визовых государств выявила и иные проблемы. Во-первых, длительность и многоэтапность процедуры: работодатель должен заранее, в году, предшествующем привлечению, заявить потребность, что затрудняет оперативное реагирование на кадровый дефицит. Во-вторых, работодатель несет финансовые риски в случае неприбытия работника, поэтому все большее число работодателей обращается к механизмам квотирования специалистов из Южной и Юго-Восточной Азии, снимающим такие риски [9]. В-третьих, языковой и культурный барьер: граждане государств дальнего зарубежья, в отличие от граждан бывших союзных республик, как правило, не владеют русским языком, что требует от работодателя и региона, дополнительных мер по адаптации, в том числе в жилищной политике, социальной инфраструктуре и межкультурной коммуникации [9]. В-четвертых, противоречие между ростом потребности экономики в иностранной рабочей силе и положениями Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы, в которой миграция не рассматривается в качестве источника восполнения дефицита на рынке труда [5].

Перспективным направлением является механизм организованного набора иностранных граждан, упомянутый в Концепции. МВД России подготовлен проект, предусматривающий проведение с 1 января 2027 года по 31 декабря 2029 года эксперимента по организованному набору во всех субъектах Российской Федерации, за исключением г. Москвы и Московской области, с формированием реестров работодателей и иностранных работников. Работник, привлеченный в таком порядке, не сможет работать у другого работодателя, за пределами определенного региона или по профессии, не указанной в реестре [8].

Подводя итог вышесказанному, можно выделить следующие особенности привлечения к трудовой деятельности граждан государств дальнего зарубежья: визовый порядок въезда и разрешительный порядок трудовой деятельности; квотирование, определяемое Правительством Российской Федерации ежегодно; активная роль работо-

дателя, который инициирует процедуру и несет ответственность за работника; отсутствие многостороннего международного договора о трудовой миграции, аналогичного Договору о ЕАЭС; смещение потоков из Восточной и Западной Азии в Южную Азию и Африку.

Для совершенствования правового регулирования предлагается: заключить двусторонние межправительственные соглашения об организованном наборе с государствами — основными поставщиками рабочей силы (Индия, Вьетнам, Китай), закрепив в них требования к профессиональной и языковой подготовке работников

до въезда, порядок их возвращения и гарантии их трудовых прав; предусмотреть ускоренный порядок корректировки квот в течение года по заявкам работодателей дальневосточных регионов; закрепить обязанность работодателя, привлекающего работников группами, по обеспечению их жильем и прохождению адаптационных программ; при привлечении граждан КНДР — выработать на уровне Правительства Российской Федерации разъяснения, обеспечивающие правовую определенность для работодателей с учетом международных обязательств Российской Федерации.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Сайт справочной правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 29.09.2026).
2. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой (подписан в г. Пхеньяне 19.06.2024) [Электронный ресурс] // Сайт Официального интернет-портала правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412050001> (дата обращения: 29.09.2026).
3. Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // Сайт справочной правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 29.09.2026).
4. Федеральный закон от 09.11.2024 N 374-ФЗ «О ратификации Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой» [Электронный ресурс] // Сайт справочной правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_490066/ (дата обращения: 29.09.2026).
5. Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 N 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» [Электронный ресурс] // Сайт информационно-правового портала «ГАРАНТ.РУ». — URL: <https://base.garant.ru/412850335> (дата обращения: 29.09.2026).
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.11.2025 N 1920 (об определении потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе в распределении по приоритетным профессионально-квалификационным группам, на 2026 год) [Электронный ресурс] // Сайт Правительства Российской Федерации. — URL: <http://government.ru/docs/all/162226/> (дата обращения: 29.09.2026).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.12.2025 N 1995 «Об установлении на 2026 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности» [Электронный ресурс] // Сайт Официального интернет-портала правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512120034> (дата обращения: 29.09.2026).
8. Организованный набор иностранцев на работу: МВД планирует провести эксперимент с 1 января 2027 года // Новости для юриста. — КонсультантПлюс [Электронный ресурс] // Сайт справочной правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/30550/> (дата обращения: 29.09.2026).
9. Евтушенко А. Э. Трансформация географии и отраслевой структуры спроса на трудовых мигрантов в регионах России // KANT. — 2026. — № 2(59). — С. 215–223. — DOI: 10.24923/2222–243X.2026–59.31 [Электронный ресурс] // Сайт научной электронной библиотеки «КиберЛенинка». — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-geografii-i-otraslevoy-struktury-sprosa-na-trudovyh-migrantov-v-regionah-rossii> (дата обращения: 29.09.2026).
10. Гарибова Ф. М. Демографическое развитие Дальнего Востока России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. — 2024. — Т. 32, № 4. — С. 803–816. — DOI: 10.22363/2313–2329–2024–32–4–803–816 [Электронный ресурс] // Сайт научной электронной библиотеки «КиберЛенинка». — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskoe-razvitie-dalnego-vostoka-rossii> (дата обращения: 29.09.2026).

Особенности привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации трудовых мигрантов — граждан государств ближнего зарубежья

Холбаев Рустам Абдулхакимович, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В данной статье будут рассмотрены вопросы правового регулирования привлечения к трудовой деятельности на территории Российской Федерации граждан государств ближнего зарубежья, въезжающих в безвизовом порядке, граждан государств членов Договора о Евразийском экономическом союзе и граждан государств, осуществляющих трудовую деятельность на основании патента. Проанализированы изменения миграционного законодательства 2024–2026 годов, статистические данные МВД России, выявлены правовые коллизии и предложены пути их решения.

Ключевые слова: трудовой мигрант, ближнее зарубежье, патент, Евразийский экономический союз, уведомление, миграционное законодательство, юридическая коллизия.

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора [1]. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, при этом иностранные граждане пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности, наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором [1].

Под государствами ближнего зарубежья в данной статье понимаются государства, ранее входившие в состав СССР, граждане которых въезжают в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы. С точки зрения правового регулирования трудовой деятельности эти граждане делятся на две основные группы.

Первая группа граждане государств, членов Договора о Евразийском экономическом союзе (далее по тексту Договор): Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Кыргызской Республики. Вторая группа граждане иных безвизовых государств (в первую очередь Республики Узбекистан и Республики Таджикистан), которые осуществляют трудовую деятельность на основании патента.

Рассмотрим правовое положение первой группы. Сотрудничество государств членов в сфере трудовой миграции определено разделом XXVI Договора. На основании ст. 97 Договора работодатели и (или) заказчики работ (услуг) государства члена вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств, членов без учета ограничений по защите национального рынка труда. При этом трудящимся государств, членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства. Согласно пункту 5 ст. 97 Договора срок временного пребывания (проживания) трудящегося государства члена и членов семьи на территории государства трудоустройства определяется сроком действия трудового или

гражданско-правового договора, заключенного трудящимся с работодателем или заказчиком работ (услуг) [2].

Таким образом, для граждан государств, членов Договора основанием законного пребывания на территории Российской Федерации в период трудовой деятельности выступает сам заключенный договор, а не разрешительный документ. Однако, как отмечается в памятке по вопросам миграционных отношений, заключение трудового договора и продление миграционного учета на срок действия трудового договора для граждан ЕАЭС обязательно на общих основаниях [9].

Вторая группа граждан ближнего зарубежья осуществляет трудовую деятельность на основании патента. В соответствии со ст. 13.3 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее Закон о правовом положении иностранных граждан) работодатели и заказчики работ (услуг) вправе привлекать к трудовой деятельности иностранных граждан, прибывших в порядке, не требующем получения визы, на основании патента [3].

Порядок легализации такого мигранта можно представить в виде последовательных этапов. При въезде иностранный гражданин обязан указать в миграционной карте цель визита «работа», в противном случае патент не может быть получен. Постановка на миграционный учет по месту пребывания по общему правилу осуществляется не позднее 7 дней со дня прибытия (для граждан государств ЕАЭС 30 дней, для граждан Республики Таджикистан 15 дней). С заявлением о выдаче патента иностранный гражданин обязан обратиться в течение 30 дней со дня въезда, за нарушение данного срока предусмотрен штраф от 10 000 до 15 000 рублей. К заявлению прилагаются документы о постановке на учет, медицинский полис, справка об отсутствии инфекционных заболеваний и сертификат о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации. Патент выдается на срок от одного до двенадцати месяцев и действует только в том субъекте Российской Федерации, в котором он выдан, при условии внесения авансового платежа по налогу на доходы физических лиц [9].

Отдельно необходимо обратить внимание на срок пребывания иностранного гражданина, не оформившего патент и не имеющего иных оснований для пребывания: он ограничен 90 сутками суммарно в течение каждого периода в 180 суток, после чего иностранный гражданин обязан выехать из Российской Федерации [9].

Общим для обеих групп является институт уведомления. Согласно ст. 13 Закона о правовом положении иностранных граждан работодатель или заказчик работ (услуг) обязан уведомить территориальный орган МВД России о заключении и прекращении (расторжении) с иностранным гражданином трудового или гражданско-правового договора в срок, не превышающий трех рабочих дней с даты заключения (прекращения) договора. Для иностранного гражданина, работающего по патенту, установлена собственная обязанность представить копию договора в двухмесячный срок со дня выдачи патента, иначе патент аннулируется [9].

С 2024 года миграционное законодательство претерпело значительные изменения. С 5 февраля 2025 года введен режим высылки и реестр контролируемых лиц, в который включаются иностранные граждане, незаконно находящиеся на территории Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации от 30 декабря 2024 года иностранным гражданам, находящимся в России незаконно, было предписано самостоятельно выехать, либо урегулировать свое правовое положение до 30 апреля 2025 года, а с 30 июня 2025 года для въезжающих из безвизовых государств, введена обязательная сдача биометрических данных в приложении «RuID» [11].

Результаты указанных изменений отражены в данных МВД России. По итогам 2025 года в реестр контролируемых лиц включены более 850 тыс. незаконных мигрантов, при этом количество уведомлений о заключении трудового или гражданско-правового договора с мигрантами, работающими на основании патента, возросло на 25,9 % (2 475 732), а с гражданами государств членов ЕАЭС на 18,9 % (981 186). Число иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность по трудовому или гражданско-правовому договору, на 1 января 2026 года составило почти 3 млн человек (+7,6 %), тогда как общее количество находящихся в России иностранцев сократилось на 8,6 % до 5,7 млн человек [7].

Таким образом, при общем сокращении численности иностранных граждан доля легально работающих мигрантов растет, что свидетельствует о выводе части трудовых отношений из теневого сектора.

Для Дальневосточного федерального округа и Сахалинской области трудовые мигранты из государств, ближнего зарубежья имеют особое значение. В 2022 году в ДФО из других стран прибыло 52,7 тыс. человек, из них 37 % из Киргизии, 18 % из Таджикистана, 13 % из Узбекистана, 10 % из Армении [10]. При этом высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации вправе устанавливать запрет на привлечение иностранных граждан, работающих на основании патентов, по отдельным

видам экономической деятельности. Такой запрет введен и в Сахалинской области, в частности в сферах розничной торговли, пассажирских перевозок, производства хлебобулочных изделий [6]. Следует отметить, что запрет распространяется только на мигрантов с патентом и не затрагивает граждан государств членов ЕАЭС, что формирует на региональном рынке труда неравные условия для двух групп граждан ближнего зарубежья.

Возвращаясь к началу статьи, обращаем внимание на приоритет международных договоров, признанных Российской Федерацией согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Договор связывает законность пребывания трудящегося государства члена со сроком действия его трудового или гражданско-правового договора. Вместе с тем Закон о правовом положении иностранных граждан признает законно находящимся лицо, имеющее вид на жительство, разрешение на временное проживание, визу и (или) миграционную карту либо иные документы, предусмотренные федеральным законом или международным договором, а ст. 25.10 Федерального закона от 15.08.1996 N 114 ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» признает незаконно находящимися лиц, не имеющих документов, подтверждающих право на пребывание [4].

На практике договор, не поданный работодателем (заказчиком) в органы внутренних дел, не отражается в информационных базах, и гражданин государства члена при проверке рассматривается как нарушитель режима пребывания по ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ, санкция которой предусматривает административное выдворение. При этом обязанность по уведомлению лежит на работодателе (заказчике), а неблагоприятные последствия несет трудящийся. Таким образом, сохраняется юридическая коллизия между нормами Договора и нормами национального законодательства, на которую автором обращалось внимание в ранее подготовленной работе.

Вторая проблема связана с договорами гражданско-правового характера, заключаемыми иностранными гражданами с физическими лицами. Административная ответственность физического лица за нарушение порядка уведомления несоразмерно мала по сравнению с ответственностью юридических лиц: по ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ штраф для граждан составляет от 2 000 до 5 000 рублей, а для юридических лиц от 400 000 до 800 000 рублей либо административное приостановление деятельности на срок от 14 до 90 суток [5]. Данная ситуация провоцирует заключение фиктивных договоров, которые используются исключительно для легализации пребывания. Об этом свидетельствует рост числа выявленных преступлений, связанных с организацией незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ): в январе–августе 2026 года их выявлено 2 925, что на 26,7 % больше, чем годом ранее [8].

Третья проблема зависимость мигрантов от посредников. Как указывается в памятке следственного управления, оформление миграционного учета через посреднические фирмы является риском: регистрация по адресу

юридического лица, не являющегося работодателем, незаконна, а поддельные документы влекут уголовную ответственность [9]. Неразвитость официальной инфраструктуры трудовой миграции приводит к тому, что роль посредников для мигрантов берут на себя теневые, часто этнически обусловленные группы [12].

Подводя итог вышесказанному, можно выделить следующие особенности привлечения к трудовой деятельности граждан государств ближнего зарубежья: наличие двух правовых режимов (договорного для граждан ЕАЭС и патентного для остальных безвизовых государств); ключевую роль уведомления работодателя (заказчика) о заключении договора; ужесточение контроля с 2025 года (реестр контролируемых лиц, режим высылки, биометрия); возможность региональных ограничений для патентных мигрантов.

Для устранения выявленных проблем предлагается: внести изменения в ст. 5 Федерального закона от

25.07.2002 N-115 ФЗ, прямо закрепив, что срок временного пребывания трудящегося государства члена ЕАЭС определяется сроком действия трудового или гражданско-правового договора, в соответствии с п. 5 ст. 97 Договора; предусмотреть регистрацию трудовых и гражданско-правовых договоров с иностранными гражданами в электронном виде на Едином портале государственных и муниципальных услуг, чтобы договор приобретал юридическую силу для целей миграционного учета с момента регистрации; соразмерно увеличить ответственность физических лиц заказчиков за неисполнение обязанности по уведомлению; создать в регионах, в том числе в Сахалинской области, адаптационные центры на базе центров занятости «Работа России» для информирования мигрантов о порядке легализации и о трудовых возможностях региона. Это позволит обеспечить законность трудовой деятельности, снизить число фиктивных договоров и пополнить налоговую базу регионов.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Сайт справочной правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 29.09.2026).
2. «Договор о Евразийском экономическом союзе» (подписан в г. Астане 29.05.2014) [Электронный ресурс] // Сайт справочной правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 29.09.2026).
3. Федеральный закон от 25.07.2002 N 115 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // Сайт справочной правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 29.09.2026).
4. Федеральный закон от 15.08.1996 N 114 ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // Сайт справочной правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (дата обращения: 29.09.2026).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195 ФЗ (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // Сайт справочной правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 29.09.2026).
6. Указ Губернатора Сахалинской области от 14.11.2024 N 52 «Об установлении на 2025 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Сахалинской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности» [Электронный ресурс] // Сайт информационно правового портала «ГАРАНТ.РУ». URL: <https://base.garant.ru/410728884/> (дата обращения: 29.09.2026).
7. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за 2025 год (опубликована 18.03.2026) [Электронный ресурс] // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (раздел «Статистика и аналитика» «Миграционная»). URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 29.09.2026).
8. Состояние преступности в России за январь — август 2026 года / ФКУ «Главный информационно аналитический центр» МВД России. М., 2026. 64 с. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (раздел «Состояние преступности»). URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 29.09.2026).
9. Памятка по вопросам миграционных отношений / Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Сахалинской области. 2026. 30 с. [Электронный ресурс] // Сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Сахалинской области. URL: <https://sakh.sledcom.ru/> (дата обращения: 29.09.2026).
10. Гарибова Ф. М. Демографическое развитие Дальнего Востока России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32, № 4. С. 803–816. DOI: 10.22363/2313 2329 2024 32 4 803 816 [Элек-

тронный ресурс] // Сайт научной электронной библиотеки «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskoe_razvitiye_dalnego_vostoka_rossii (дата обращения: 29.09.2026).

11. Игонин Д. И. Новая концепция государственной миграционной политики России на 2026–2030 годы в дискурсе федеральных СМИ // Казанский социально гуманитарный вестник. 2026. № 2(73). С. 13–23. DOI: 10.26907/20795912.2026.2.13–23 [Электронный ресурс] // Сайт научной электронной библиотеки «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novaya_kontseptsiya_gosudarstvennoy_migratsionnoy_politiki_rossii_na_2026_2030_gody_v_diskurse_federalnyh_smi (дата обращения: 29.09.2026).
12. Ивахнюк И. В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г. / научная редакция И. Н. Тимофеев, Е. С. Алексеенкова; Российский совет по международным делам. М., 2017. 82 с. [Электронный ресурс] // Сайт Центра стратегических разработок. URL: https://www.csr.ru/uploads/2017/09/Migration_Strategy_RU_web_1.pdf (дата обращения: 29.09.2026).

Проблемы и риски для экономики Российской Федерации, связанные с трудовыми отношениями с мигрантами из государств ближнего и дальнего зарубежья

Холбаев Рустам Абдулхакимович, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В данной статье будут рассмотрены проблемы и риски, которые возникают для экономики Российской Федерации в связи с привлечением трудовых мигрантов из государств, ближнего и дальнего зарубежья. На основе статистических данных МВД России, научных исследований и норм миграционного законодательства проанализированы риски теневой занятости, кадрового дефицита, правонарушений в сфере миграции, риски работодателей и регионального рынка труда. Предложены правовые меры по их снижению.

Ключевые слова: трудовая миграция, экономические риски, теневая занятость, рынок труда, работодатель, ответственность, миграционное законодательство.

Чтобы выявить проблемы и риски, которые трудовая миграция создает для экономики, необходимо исходить из двойственной природы данного явления. С одной стороны, иностранная рабочая сила восполняет дефицит кадров, с другой при недостаточном правовом регулировании она порождает теневую занятость, правонарушения и социальную напряженность.

Как отмечается в научной литературе, развитие миграционных правоотношений в России носило циклический характер, отражая противоречие между потребностью государства в притоке населения и рабочей силы и стремлением к контролю и ограничению мобильности в целях безопасности и фискальной дисциплины [11]. Данное противоречие сохраняется и сегодня, поэтому риски целесообразно рассматривать в нескольких группах.

Первая группа — риск кадрового дефицита. Согласно первому кадровому прогнозу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, до 2030 года потребуется дополнительное привлечение около 10,9 млн работников, из них 10,1 млн — для замещения работников, выходящих на пенсию [8]. Для Дальнего Востока проблема стоит еще острее: в 2022 году миграционная убыль в ДФО составила 38 тыс. человек, в том числе в Сахалинской области — 4,0 тыс. человек, а в миграционных потоках регион теряет прежде всего население экономически активного возраста и высококвалифицированные кадры [9].

При этом Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы не рассматривает миграцию в качестве источника восполнения дефицита на рынке труда, а приоритетом становится защита национального рынка труда и обеспечение безопасности [2]. Одновременно субъекты Российской Федерации вводят запреты на привлечение мигрантов с патентами по отдельным видам деятельности, в том числе такой запрет установлен в Сахалинской области [3]. В критических публикациях федеральных СМИ отмечается, что новый подход может усугубить дефицит кадров в строительстве, гостинично-ресторанном бизнесе и других отраслях [10]. Таким образом, возникает риск дисбаланса между декларируемыми целями государственного управления и объективной потребностью экономики.

Вторая группа — риск теневой занятости и налоговых потерь. Незаконная миграция и нерегистрируемое трудоустройство иностранных граждан наносят урон экономике — от деградации культуры трудовых отношений и размывания норм честной конкуренции до недополучения бюджетом значительных сумм налога на доходы физических лиц [12]. Работодатель, использующий неоформленного мигранта, получает преимущество перед добросовестным конкурентом, так как не платит налоги и страховые взносы и не несет расходов на оформление, что деформирует рынок.

О масштабе проблемы свидетельствуют данные МВД России. В 2025 году общее количество пресеченных правонарушений в сфере миграции превысило 1 млн. (1 071,8 тыс., +8,5 %), сумма взысканных штрафов достигла 5,7 млрд. рублей (+66,7 %), в реестр контролируемых лиц включены более 850 тыс. незаконных мигрантов, число внеплановых проверок работодателей выросло на 11,3 % (до 14 232), а выявленных у них нарушений — на 13,3 % (до 41 677) [6]. Вместе с тем рост числа уведомлений о заключении договоров с мигрантами, работающими по патенту (+25,9 %), и с гражданами государств ЕАЭС (+18,9 %) показывает, что усиление контроля постепенно выводит трудовые отношения из тени [6].

Третья группа — риски, связанные с правонарушениями и преступностью в сфере миграции. Доля преступлений, совершенных иностранными гражданами, от общего массива предварительно расследованных преступлений составила 4,3 % в 2024 году и 5,1 % за январь–сентябрь 2025 года [4]. В январе–августе 2026 года иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 18,2 тыс. преступлений, что на 38,8 % меньше, чем годом ранее, из них 80,5 % — гражданами государств-участников СНГ. Однако количество выявленных фактов организации незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ) выросло на 26,7 % (2 925), фиктивной регистрации граждан и иностранцев в жилых помещениях — на 17,2 % (2 509), а фиктивная постановка на учет по месту пребывания остается массовой (17 942 преступления) [7]. Эти данные показывают, что основной экономический риск связан не столько с преступностью самих мигрантов, сколько с существованием нелегального рынка услуг по их «легализации», в котором участвуют российские граждане и организации.

Четвертая группа — риски работодателя. Незаконное привлечение иностранного гражданина к трудовой деятельности влечет по ч. 1 ст. 18.15 КоАП РФ штраф на юридических лиц от 250 000 до 800 000 рублей либо административное приостановление деятельности на срок от 14 до 90 суток; не уведомление органов внутренних дел о заключении или прекращении договора по ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ — штраф от 400 000 до 800 000 рублей либо приостановление деятельности [1]. Штраф назначается за каждого иностранного работника, поэтому для малого и среднего бизнеса одна проверка может повлечь прекращение деятельности. Кроме того, работодатель обязан учитывать региональные запреты, допустимую долю иностранных работников, установленную Постановлением Правительства Российской Федерации от 05.12.2025 N 1995, и сведения реестра контролируемых лиц. При привлечении граждан визовых государств добавляются финансовые риски неприбытия работника, расходы на визы, перелет и адаптацию [8].

Пятая группа — риски для качества рабочей силы и структуры рынка труда. Иностранная рабочая сила в основном занимает «непрестижные» ниши, не требующие высокой квалификации: почти 80 % потребности рабо-

тодателей в работниках из визовых стран приходится на строительство и обрабатывающие производства, а сферы, требующие высокой квалификации, остаются для них практически закрыты [8]. Одновременно Дальний Восток теряет население с высоким образовательным уровнем, которое замещается мигрантами с более низким образовательным уровнем и квалификацией [9]. Это порождает неквалифицированную занятость и сдерживает внедрение технологий, так как дешевый труд делает модернизацию для работодателя не выгодной.

Шестая группа — риски для социальной инфраструктуры региона. Работодатели все чаще привлекают мигрантов бригадами (в среднем 69 человек на одного работодателя в 2025 году), что требует от регионов иных подходов в жилищной политике, социальной инфраструктуре и межкультурной коммуникации [8]. При отсутствии таких мер возрастает риск формирования анклавов, противодействие которым прямо названо в числе приоритетов новой Концепции [10].

Следует отметить, что риски, связанные с мигрантами из ближнего и дальнего зарубежья, различаются. Для граждан ближнего зарубежья характерны риски массовой нерегистрируемой занятости, фиктивного миграционного учета и фиктивных договоров, а также юридической коллизии между нормами Договора о ЕАЭС и национального законодательства. Для граждан дальнего зарубежья — риски, связанные с длительностью процедуры квотирования, затратами работодателя, языковым барьером и зависимостью от внешнеполитических условий, в том числе от международных ограничений в отношении отдельных государств.

Таким образом, правовое регулирование трудовой миграции оказывает прямое влияние на экономику: слишком мягкое регулирование ведет к росту теневой занятости и потерям бюджета, а слишком жесткое и непоследовательное — к кадровому дефициту и уходу мигрантов в тень. Как указывает И. В. Ивахнюк, резкие повороты миграционной политики и постоянное реформирование законодательства являются результатом импульсивных реакций на обострившиеся проблемы [12].

Подводя итог вышесказанному, для снижения экономических рисков предлагается: обеспечить регистрацию трудовых и гражданско-правовых договоров с иностранными гражданами в электронном виде на Едином портале государственных и муниципальных услуг с автоматической передачей сведений в налоговые органы, что сделает трудовые отношения прозрачными и позволит отслеживать уплату налогов; ввести для работодателей, добросовестно исполняющих требования законодательства, упрощенный порядок взаимодействия с органами внутренних дел («белый список»), а для нарушителей — повышенное внимание контролирующих органов; при установлении региональных запретов и допустимой доли иностранных работников учитывать региональный кадровый баланс, особенно в дальневосточных субъектах с миграционной убылью населения; усилить ответственность

за организацию незаконной миграции и фиктивный миграционный учет, в том числе для посредников; создать в регионах адаптационные центры для мигрантов, финансируемые в том числе за счет работодателей, привлека-

ющих работников группами. Реализация указанных мер позволит сохранить положительный эффект от привлечения трудовых мигрантов для экономики и снизить связанные с ним риски.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // Сайт справочной правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 29.09.2026).
2. Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 N 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» [Электронный ресурс] // Сайт информационно-правового портала «ГАРАНТ.РУ». — URL: <https://base.garant.ru/412850335> (дата обращения: 29.09.2026).
3. Указ Губернатора Сахалинской области от 14.11.2024 N 52 «Об установлении на 2025 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Сахалинской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности» [Электронный ресурс] // Сайт информационно-правового портала «ГАРАНТ.РУ». — URL: <https://base.garant.ru/410728884/> (дата обращения: 29.09.2026).
4. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь — декабрь 2024 года (опубликована 21.03.2025) [Электронный ресурс] // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. — URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223> (дата обращения: 29.09.2026).
5. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь — сентябрь 2025 года (опубликована 30.10.2025) [Электронный ресурс] // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (раздел «Статистика и аналитика» — «Миграционная»). — URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 29.09.2026).
6. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за 2025 год (опубликована 18.03.2026) [Электронный ресурс] // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (раздел «Статистика и аналитика» — «Миграционная»). — URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 29.09.2026).
7. Состояние преступности в России за январь — август 2026 года / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. — М., 2026. — 64 с. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (раздел «Состояние преступности»). — URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 29.09.2026).
8. Евтушенко А. Э. Трансформация географии и отраслевой структуры спроса на трудовых мигрантов в регионах России // KANT. — 2026. — № 2(59). — С. 215–223. — DOI: 10.24923/2222–243X.2026–59.31 [Электронный ресурс] // Сайт научной электронной библиотеки «КиберЛенинка». — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-geografii-i-otraslevoy-struktury-sprosa-na-trudovyh-migrantov-v-regionah-rossii> (дата обращения: 29.09.2026).
9. Гарибова Ф. М. Демографическое развитие Дальнего Востока России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. — 2024. — Т. 32, № 4. — С. 803–816. — DOI: 10.22363/2313–2329–2024–32–4–803–816 [Электронный ресурс] // Сайт научной электронной библиотеки «КиберЛенинка». — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskoe-razvitie-dalnego-vostoka-rossii> (дата обращения: 29.09.2026).
10. Игонин Д. И. Новая концепция государственной миграционной политики России на 2026–2030 годы в дискурсе федеральных СМИ // Казанский социально-гуманитарный вестник. — 2026. — № 2(73). — С. 13–23. — DOI: 10.26907/2079–5912.2026.2.13–23 [Электронный ресурс] // Сайт научной электронной библиотеки «КиберЛенинка». — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-kontseptsiya-gosudarstvennoy-migratsionnoy-politiki-rossii-na-2026-2030-gody-v-diskurse-federalnyh-smi> (дата обращения: 29.09.2026).
11. Новомлинская А. С., Кондракова И. А. История развития миграционных правоотношений в России // Международный научный журнал «Вестник науки». — 2026. — № 3(96). — Т. 5. — С. 173–181 [Электронный ресурс] // Сайт научной электронной библиотеки «КиберЛенинка». — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-migratsionnyh-pravootnosheniy-v-rossii> (дата обращения: 29.09.2026).
12. Ивахнюк И. В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г. / научная редакция И. Н. Тимофеев, Е. С. Алексеенкова; Российский совет по международным делам. — М., 2017. — 82 с. [Электронный ресурс] // Сайт Центра стратегических разработок. — URL: <https://www.csr.ru/uploads/2017/09/Migration-Strategy-RU-web-1.pdf> (дата обращения: 29.09.2026).

Проблемы определения правовой природы договора аренды в современной цивилистике

Черкесова Камила Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются ключевые проблемы определения правовой природы договора аренды в рамках современной цивилистической науки. Нерешённость вопроса о правовой квалификации арендных отношений затрудняет правоприменение и порождает противоречивое толкование норм гражданского законодательства, что требует научного осмысления.

Ключевые слова: договор аренды, правовая природа договора аренды, цивилистика, вещные права, обязательственные отношения, арендные правоотношения.

Problems of determining the legal nature of a lease agreement in modern civil law

Cherkesova Kamila Sergeevna, master's student
Moscow University of Finance and Law

This article examines key issues in defining the legal nature of a lease agreement within the framework of modern civil law scholarship. The unresolved issue of the legal classification of lease relations complicates law enforcement and gives rise to contradictory interpretations of civil law provisions, which requires scholarly analysis.

Keywords: lease agreement, legal nature of the lease agreement, civil law, property rights, contractual relations, lease legal relations.

Осознание сущности исследуемого объекта предполагает уточнение точного значения ключевого понятия «гражданско-правовой договор», выступающего фундаментом для построения многообразных форм договорных правоотношений в рамках гражданской сферы хозяйствования. Терминологический аппарат включает многозначную дефиницию «договора», активно используемую в правовой доктрине последние столетия применительно к регламентируемым юридическими актами экономическим взаимодействиям субъектов. Основопологающие компоненты структуры договорных отношений присущи большинству отраслей национального законодательства, вместе с тем в области частного права институт договора занимает доминирующее положение вследствие специфики нормативного регулирования взаимосвязей автономных субъектов, самостоятельно согласующих условия установления соответствующих правоотношений посредством заключения добровольного соглашения.

Правоустанавливающая возможность фиксации договорённостей выступает основополагающей чертой механизма гражданско-правового регулирования, реализующей принципы диспозитивности, равенства и самостоятельности контрагентов. Нормативное закрепление легальной интерпретации понятия «договор» осуществляется на уровне законодательных актов, непосредственно — статьей 420 второй части Гражданского кодекса Российской Федерации («Общие положения о договоре») [1].

Контентная составляющая любого договора традиционно дифференцируется на три группы обязательных условий: существенные, обычные и факультативные. Со-

блюдение принципа «свободы договора» и наличие субъективного усмотрения сторон определяют формирование обширного спектра юридических конструкций и правовых моделей, задействованных в практике реализации гражданско-правовых отношений, среди которых выделяют предварительный договор, публичный договор, соглашение о расторжении договора, рамочные конструкции и другие нестандартизированные модели соглашений. Вместе с тем отдельные виды договоров характеризуются наличием жёстких предписаний, регулирующих содержание документа, форму изложения условий и соблюдение специальных процедур, предусмотренных действующими нормативно-правовыми актами, например требования государственной регистрации некоторых видов имущественных сделок [2].

Наиболее распространёнными видами гражданско-правовых обязательств являются обязательства купли-продажи и предоставления объектов собственности третьим лицам во временное пользование, что позволяет удовлетворять потребности физических лиц и организаций путём временного пользования чужим имуществом на основе возмездных договорных оснований. Характеристика традиционного института имущественного найма исторически обусловлена эволюционным развитием институтов континентально-европейского права и опытом римской юридической науки [3].

Термин «договор аренды» не использовался изначально в российском гражданском праве, тогда как советское законодательство содержало категорию «договор имущественного найма» (в Гражданских кодексах РСФСР 1922 [4] и 1964 годов [5]). Лишь в конце 1980-х годов в со-

ветском правотворчестве появился термин «аренда», введенный Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об аренде и арендных отношениях в СССР».

Итак, правовая регуляция осуществляется посредством актуальных норм обширного массива действующего российского позитивного права, среди которых особое значение принадлежит систематизированному источнику частного права — Гражданскому кодексу Российской Федерации (ГК РФ), выступающему основным источником правовой базы, определяющим универсальные принципы регулирования взаимоотношений субъектов гражданских сделок относительно различного типа обязательств по передаче имущества в возмездное временное владение и использование. Динамичное развитие института аренды, обусловленное интенсификацией предпринимательской деятельности, порождает возникновение новых типов арендных соглашений, ранее не предусмотренных кодексом, что вызывает объективную потребность детализированного юридического урегулирования возникающих общественных отношений [6].

Отечественная юридическая практика демонстрирует вектор развития системы нормативных правовых актов (НПА), ориентированный на формирование ряда специализированных законодательных актов различных уровней иерархии, направленных на решение частных вопросов арендных взаимодействий и связанных с ними аспектов экономического оборота. Такие источники включают международные соглашения, федеральные законы, ведомственные инструкции и иные форматы регуляторов, принимаемых компетентными органами власти. Дополнительная функция интерпретационного порядка возлагается на судебную практику Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ, формирующую дополнительные правила поведения участников рынка путем рассмотрения конкретных дел и формирования соответствующих прецедентов.

Конструктивное построение главы 34 ГК РФ является характерным образцом общей структуры данного источника права, воспроизводящей общую схему структурирования аналогичных разделов документа, охватывающих различные типы контрактов. Первый подраздел содержит базовые предписания общего характера, такие как форма контракта, условия его заключения, распределение полномочий и ответственности сторон. Специализированные нормы сосредоточены в последующих подразделах данной главы, отражающих конкретные аспекты функционирования отдельных видов арендных договоров, дифференцированных по признакам объекта аренды, субъекта отношений и целям эксплуатации предмета договора.

При отсутствии четких определений некоторых специфических категорий предметов арендных отношений в тексте самого Гражданского кодекса соответствующие квалифицирующие признаки устанавливаются иными федеральными законами. Примером служит формулировка понятия «недвижимое имущество», представленная в специальном акте технического регулирования

№ 384-ФЗ от 30 декабря 2009 года «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» [7].

Ключевое определение договора аренды содержится непосредственно в статье 606 ГК РФ, обозначающей природу такого соглашения как механизм временного владения и пользования имуществом за определенную плату. С точки зрения юридической силы этот источник имеет прямое действие, обеспечивая первичную основу арендных правоотношений [8]. Однако специфика конкретных видов арендных сделок требует индивидуального подхода, детализирующего особенности регулирования каждой отдельной разновидности договора. Это обстоятельство находит отражение в положениях действующего гражданского законодательства, допускающего применение дополнительных нормативных актов для совершенствования регулирования индивидуальных особенностей арендных операций.

Современное состояние правового регулирования арендной деятельности определяется положениями главы 34 Гражданского кодекса Российской Федерации [9], действующей с момента принятия последней редакции Кодекса в декабре 1996 года и подвергавшейся многочисленным изменениям вплоть до настоящего периода [10]. Нормы данной главы устанавливают общий порядок заключения, исполнения и расторжения арендных соглашений (статьи 606–625 §1 гл. 34), специальные нормы предусматриваются в последующих параграфах указанной главы в зависимости от вида переданного в аренду имущества.

Арендное право предусматривает стандартную двустороннюю сделку, создающую обязанности и наделяющую правомочиями собственника (арендодателя) и получателя услуг (арендатора) [11]. К числу ключевых признаков данного института относится специфика субъектного состава, безвозмездность (возмездность) отношения, временной характер владения объектом и целевой характер его эксплуатации.

Положениями ст. 606 ГК РФ устанавливается понятие договора аренды как обязательственной конструкции, определяемой передачей индивидуально определенного объекта недвижимости или движимого имущества одним лицом другому во временное владение и (или) пользование за вознаграждение. Существенным признаком указанного контракта является предмет договора — индивидуально идентифицируемое имущество, предназначенное для целевого временного распоряжения иным лицом помимо собственника.

Принимая во внимание юридические позиции специалистов, среди которых выделяются взгляды В. В. Витрянского и А. А. Иванова, стоит отметить традиционное разделение терминов «наём» и «аренда»: первый применяется преимущественно к отношениям по передаче жилых помещений, второй — к использованию нежилых объектов или предметов производства [12].

Следовательно, исходя из норм статей 606 и далее ГК РФ, договор аренды представляет собой классический

пример гражданско-правового договора, выраженного письменным актом, оформляющим передачу конкретного недвижимого либо движимого имущества от собственника третьему лицу на ограниченный срок и за заранее оговорённую ценовую политику.

Отдельные группы объектов аренды имеют особый статус, устанавливаемый специализированными актами федерального законодательства. Например, аренда земельных участков и иных природных ресурсов регулируется комплексом нормативных документов, включая отраслевое законодательство, специально адаптированное для решения уникальных проблемных ситуаций, присущих таким объектам аренды [13]. Особое внимание уделяется земельным участкам с особым статусом, находящимся в пределах зон с особыми условиями использования, что влечет за собой дополнительные ограничения и обязательства для пользователей земли. Регулирование таких случаев включает установление особых требований к застройке, использованию и охране территорий, учитывая интересы экологии и общественной безопасности.

Кроме того, федеральный уровень обеспечивает защиту государственных интересов в сфере регулирования специальной категории объектов, передаваемых в аренду, включая недвижимость государственного фонда, культурные памятники и иные активы стратегического значения. Законодательство Российской Федерации устанавливает запретительные меры и особые процедуры согласования, препятствующие необоснованной приватизации стратегических активов и гарантирующие соблюдение национальных интересов государства.

Таким образом, действующее российское право характеризуется наличием комплексной системы нормативных актов, обеспечивающих гибкость и адекватность регулирования многообразия отношений аренды, включая общотраслевой базовый документ — Гражданский кодекс РФ, дополняемый отраслевыми и специальными законами, позволяющими эффективно регулировать возникающие проблемы частной сферы взаимодействия субъектов рынка в рамках арендных отношений.

Можно резюмировать, что настоящая статья была посвящена исследованию специфики гражданско-правового договора аренды, являющегося двусторонним обязательством между сторонами, направленным на передачу определённого имущественного объекта в распоряжение другой стороне на платной основе. Особенности отдельных видов договоров аренды обусловлены природой и спецификой соответствующих объектов недвижимости либо движимого имущества, выступающих предметом сделки.

Договор аренды представляет собой соглашение, порождающее юридически значимые последствия после достижения согласия относительно всех существенных условий. Стороны данного типа договора именуются соответственно арендодателем и арендатором. Арендодатель обязуется передать имущество, пригодное для

временного владения и/или пользования, которое характеризуется признаками непотребляемости и допустимости свободного обращения. В свою очередь, арендатор принимает обязательство уплачивать установленную договором денежную сумму — арендную плату — за предоставленное ему имущество.

Итак, договор аренды, подобно прочим обязательствам гражданского оборота, является двусторонней конструкцией, наделяющей участников правоотношения взаимными правами и обязанностями. Специалисты-правоведы выделяют признак синаллагматичности данного соглашения, который предполагает возникновение взаимосвязанных обязательств контрагентов, обладающих антагонистическим характером в пределах конкретных правовых отношений. Отличительной чертой рассматриваемого договора является синхронность формирования соответствующих прав и обязанностей сторон.

Специфической особенностью договора аренды выступает институт субаренды, допускающий передачу арендованного имущества третьим лицам посредством заключения дополнительного соглашения либо осуществление цессии прав требования по договору аренды путём переуступки права пользования другому субъекту гражданских правоотношений. Право субаренды предоставляется арендодателем арендатору в качестве факультативного полномочия, обусловленного наличием согласия собственника на совершение данной операции и имеющего производный характер относительно основного обязательства.

Особенность договора аренды заключается в установлении срока его действия, закреплённом нормами ст. 610 Гражданского кодекса Российской Федерации, что означает ограничение временного интервала владения и пользования объектом аренды. Этот юридический факт обеспечивает отличие аренды от иных имущественных договоров, предусматривающих переход права собственности на имущество (купли-продажи, мены, дарения, займа).

Действующее законодательство устанавливает обязательное включение существенного условия о предмете договора аренды, которое должно содержать характеристики, позволяющие идентифицировать объект найма (статья 607 пункт 3 Гражданского кодекса РФ). Объектами аренды являются вещи, обладающие индивидуально-определёнными признаками и сохраняющие свои потребительские свойства после эксплуатации. Допускается естественный физический износ имущества в процессе использования, тогда как передача в аренду предметов, истощающих своё существование вследствие потребления, запрещена законом ввиду противоречия принципу возвратности [13; 14; 15; 16; 17].

Кроме того, отдельные категории объектов, ограниченные в обороте в силу закона (статья 129 Гражданского кодекса РФ), не подлежат передаче в аренду в силу прямого запрета норм действующего российского законодательства.

Судебная практика и наблюдения свидетельствуют о значительном количестве диспутов, сопряжённых с договором имущественного найма (аренды). В последние годы прослеживается постепенная эволюция судебной практики, выражающаяся в трансформации подходов интерпретации арендных отношений — от доминировавшего ранее парадигмы абсолютной защиты субъективных прав собственности (вещно-правовая концепция) к относительной защите обязательствственно-имущественных требований участников гражданских правоотношений (обязательственная модель).

Актуализация данного направления обусловлена увеличением количества споров и расширением предметной области судебно-арбитражной деятельности, связанной с применением норм гражданского законодательства в сфере договорных отношений аренды среди физических лиц и организаций.

Основным источником правового регулирования являются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющие основные принципы и институты арендной конструкции. Экономическое развитие страны, интенсификация рынка недвижимого имущества, увели-

чение многообразия специализированных объектов недвижимости и повышение частоты заключения договоров аренды обуславливают потребность детального юридического обеспечения указанных процессов, вплоть до детализации условий отдельных видов договоров аренды, формально не предусмотренных Гражданским кодексом РФ.

Резюмируя, следует отметить, что правовую основу формирования института арендных отношений образуют как базовые положения Кодекса, так и множественность нормативных актов различной юридической силы — специальные федеральные законы, указы Президента, постановления Правительства РФ, инструкции и приказы министерств и ведомств. Особую роль играют официальные позиции высшей судебной инстанции Российской Федерации — Пленума Верховного Суда РФ, который посредством разъяснений уточняет практику применения закона и формирует ориентиры судопроизводства. Массив решений нижестоящих судов различных инстанций служит дополнительным фактором совершенствования теоретического осмысления правовых конструкций и реализации правоприменительных процедур в рассматриваемой области.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 г. N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Лаптева А. М. Инвестиционное право: учебник для вузов — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2025. — 480 с.
3. Кириллова Е. В. Понятие договора аренды в российском гражданском праве // Молодой ученый. 2025. № 5 (556). — С. 252-254.
4. Постановление ВЦИК 31.10.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» // Известия ВЦИК, 12.11.1922, N 256: Нормативный акт утратил силу.
5. Закон РСФСР от 11.06.1964 (ред. от 26.11.2001) «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР, 18.06.1964, N 24, ст. 406. Нормативный акт утратил силу.
6. Сацкевич Т.К. О понятии и сущности прав человека в контексте взаимосвязи права объективного и субъективного/Т.К. Сацкевич // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2007. -№ 3. -С. 91-93.
7. Федеральный закон «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» от 30.12.2009 г. № 384-ФЗ (ред. от 23.12.2023) // Собрание законодательства РФ, 2010, № 1, ст. 5.
8. Гражданское право. Особенная часть: учебник /коллектив авторов, под ред. М.В. Карпычева, О.Б. Сиземовой, А.М. Хужина. — М.: Проспект, 2023. — 848 с.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 г. N 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
10. Вершинина К.Д. Стороны договора аренды: права и обязанности // National Science. — 2022. — № 3. — С.23-29.
11. Сацкевич Т.К. Права человека и принцип разделения государственной власти в РФ: теоретические вопросы взаимосвязи: дис. ... канд. юрид. наук. -М., 2008. — С. 97-98.
12. Учебник гражданского права. Том 2 / Под общей ред. А.П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — 2-е изд. — М.: Проспект, 2025. — 844 с.
13. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4147.
14. Кодекс внутреннего водного транспорта РФ от 07.03.2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ, 12.03.2001, N 11, ст. 1001
15. Водный кодекс РФ от 03.06.2006 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.06.2006, № 23, ст. 2381
16. Лесной кодекс РФ от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 11.12.2006, № 50, ст. 5278
17. Закон РФ «О недрах» от 21.02.1992 г. № 2395-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ, 16.04.1992, № 16, ст. 834

Возмещение государством вреда, причиненного нарушением права на участие в гражданском деле

Чернова Анастасия Тимофеевна, студент

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Исследуются условия возмещения государством вреда при рассмотрении гражданского дела без надлежащего извещения участника либо без привлечения лица, о правах которого принято решение. Разграничиваются отмена решения и возникновение деликтного обязательства. Обосновывается специальное основание ответственности независимо от вины судьи при подтверждении нарушения в процедуре пересмотра и установлении причиненного им вреда. Определяются доказательственное значение акта пересмотра и пределы возмещения.

Ключевые слова: судебная ошибка, ответственность государства, участие в деле, судебное извещение, причинная связь, возмещение вреда.

Отмена решения, принятого с нарушением права на участие в гражданском деле, не устраняет автоматически имущественных потерь. Статьи 46 и 53 Конституции Российской Федерации гарантируют судебную защиту и возмещение государством вреда; статьи 120 и 123 закрепляют независимость судей и состязательность судопроизводства [1]. Цель формально-юридического анализа — обосновать согласованное с этими гарантиями основание компенсации за рассмотрение дела без надлежащего извещения участника либо за разрешение вопроса о правах лица, не привлеченного к делу.

Правомочия участника закреплены статьей 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ). По части 3 статьи 113 извещение должно оставлять достаточное время для подготовки и явки; при отсутствии сведений об извещении неявившегося участника рассмотрение откладывается согласно части 2 статьи 167 [2]. Добровольная неявка извещенного лица не равнозначна лишению права на участие. Для лица, не привлеченного к делу, необходимо установить разрешение вопроса именно о его правах или обязанностях [3, п. 4].

Пунктами 2 и 4 части 4 статьи 330 ГПК РФ оба нарушения отнесены к безусловным основаниям отмены решения [2]. Доказывать, что участие обязательно изменило бы исход спора, для отмены не требуется. Денежное возмещение, однако, предполагает самостоятельное установление вреда и причинной связи. Определением апелляционного суда о переходе к рассмотрению дела по правилам первой инстанции решение еще не отменяется [3, п. 48]. Поэтому предлагаемое основание ответственности связывается с вступившим в силу постановлением об отмене, а не с промежуточным актом.

Пункт 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) для возмещения вреда при осуществлении правосудия требует установления вины судьи вступившим в силу приговором [4]. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П это условие соотносено с актами, разрешающими гражданское дело по существу. Для иных незаконных действий суда допускается установление вины другим судебным решением; презумпция вины по пункту 2 статьи

1064 ГК РФ не применяется [5, п. 5 мотивировочной части]. Следовательно, отмена акта сама по себе не подтверждает виновность судьи, а отсутствие приговора не исключает возмещения во всех случаях.

Необходимо различать последствия решения по существу, самостоятельного процессуального нарушения судьи и ненадлежащего исполнения обязанностей работником аппарата. В Определении Верховного Суда РФ от 24 июня 2025 г. № 59-КГ25-1-К9 несвоевременное направление сотрудником аппарата сведений об отмене ограничения на выезд разграничено с осуществлением правосудия. Применение специального условия статьи 1070 признано ошибочным; дело направлено на новое апелляционное рассмотрение [6, с. 7–10]. Эта позиция не устанавливает безвиновную ответственность за решение без участия заинтересованного лица: квалифицироваться должно конкретное действие, причинившее вред.

Предлагаемое исключение из принципа виновной ответственности обосновывается самостоятельным значением возможности защищать свою позицию до разрешения вопроса о правах. Установление факта лишения этой возможности не требует оценки допустимости выданного судьей толкования материального закона. Законодательное закрепление безвиновной ответственности допускается конституционным толкованием [5, п. 2 мотивировочной части], но не освобождает от установления вреда и причинной связи. Процессуальный характер основания отмены также не позволяет считать любые потери причиненными вне разрешения дела по существу.

Состав имущественного вреда определяется статьей 15 ГК РФ [7]. Если после пересмотра существование долга подтверждено, его уплата не становится вредом вследствие отмены первоначального решения. Дополнительные расходы и упущенная выгода требуют объяснения того, как лишение возможности своевременно участвовать в деле вызвало соответствующую потерю. Сопоставляются фактические последствия и положение лица при соблюдении процедуры, без повторного разрешения первоначального спора. Невозможность точного расчета не оправдывает отказа, если размер убытков устанавливается с разумной степенью достоверности [8, п. 12].

Возмещение согласуется с поворотом исполнения по статье 443 ГПК РФ и распределением судебных расходов по главе 7 Кодекса [2]. Возвращенные суммы и компенсированные издержки повторно не взыскиваются. Сохранившиеся дополнительные потери обосновываются отдельно. Невозврат средств другой стороной нельзя автоматически возложить на казну: необходима причинная связь с исследуемым нарушением. Компенсационный иск также не служит пересмотру вступившего в силу постановления о судебных расходах.

Предлагается дополнить статью 1070 ГК РФ следующим положением: «Вред, причиненный гражданину или юридическому лицу вследствие рассмотрения гражданского дела в отсутствие этого лица, участвующего в деле и не извещенного надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, либо вследствие принятия решения о его правах или обязанностях без привлечения его к участию в деле, возмещается за счет казны Российской Федерации независимо от вины судьи, если решение отменено вступившим в законную силу судебным постановлением по соответствующему основанию и установлена причинная связь между указанным нарушением и вредом. При определении размера возмещения учитывается устранение тех же последствий иными способами защиты».

Дополнение требует согласованного процессуального регулирования. Часть 2 статьи 61 ГПК РФ связывает преюдициальность с участием тех же лиц либо со специальными случаями, установленными Кодексом [2]. Государство могло не участвовать в первоначальном споре. Поэтому предлагается прямо закрепить, что акт пересмотра подтверждает вид нарушения и потерпевшее лицо,

но не предпрещает наличие, размер и причинную обусловленность вреда. Представитель государства вправе оспаривать эти обстоятельства; при нескольких основаниях отмены выделяются последствия именно лишения права на участие.

Материалы первоначального дела и исполнения решения могут истребоваться при содействии суда по статье 57 ГПК РФ. Значимые обстоятельства и обязанности по доказыванию определяются по части 2 статьи 56 Кодекса [2]. Такое содействие облегчает доступ к доказательствам, сохраняя необходимость обосновать состав невозмещенных потерь.

Для компенсации морального вреда гражданину независимо от вины предлагается дополнить статью 1100 ГК РФ соответствующим случаем. Характер страданий и их связь с нарушением оцениваются по статьям 1099–1101; заболевание не предполагается автоматически вследствие отмены решения [4]. Для юридического лица предусматривается возмещение имущественного вреда. При этом сохраняется условие регресса к судье по пункту 3 статьи 1081 ГК РФ — установление его вины вступившим в силу приговором. Расширение обязанности казны не должно автоматически переноситься на судью.

Таким образом, предлагаемое основание соединяет отмену решения за нарушение права на участие с доказанными невозмещенным вредом и причинной связью. Специальное доказательственное значение акта пересмотра позволяет не повторять первоначальный спор, а учет иных способов восстановления исключает повторное возмещение. Независимость судьи обеспечивается разграничением обязанности государства и условий регресса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. — 2020. — 4 июля. — № 144.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 16 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://www.vsrif.ru/files/30132/> (дата обращения: 10.10.2026).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
5. По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 г. № 1П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 7. — Ст. 700.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2025 г. № 59КГ251К9 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2476764 (дата обращения: 10.10.2026).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
8. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://www.vsrif.ru/files/14913/> (дата обращения: 09.10.2026).

Минимальный размер и индивидуализация компенсации морального вреда за незаконное лишение свободы

Чернова Анастасия Тимофеевна, студент

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Исследуется соотношение минимальной компенсации морального вреда за незаконное лишение свободы и индивидуальной оценки его последствий. Разграничиваются основание выплаты и определение ее размера. Предлагается дополнить статью 1101 ГК РФ правилом о минимальной сумме за сутки изоляции с индексацией и возможностью увеличения компенсации. Устанавливаются пределы расчета при частичной реабилитации и условия согласования минимума с диспозитивностью гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: моральный вред, незаконное лишение свободы, реабилитация, минимальная компенсация, индивидуализация, судебное усмотрение.

Гарантии достоинства личности, свободы и возмещения государством вреда закреплены статьями 21, 22 и 53 Конституции Российской Федерации [1]. При незаконном лишении свободы их реализация требует совместить равную защиту нарушенного блага с оценкой индивидуальных страданий. На основе формально-юридического и сравнительно-правового анализа предлагается минимум компенсации за незаконное задержание, содержание под стражей и отбывание лишения свободы. Домашний арест и подписка о невыезде требуют самостоятельных расчетных правил и в предлагаемую модель не включаются.

Статья 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) предусматривает компенсацию физических и нравственных страданий [2]. Пункт 1 статьи 1070 и статья 1100 ГК РФ закрепляют независимость компенсации за незаконное осуждение и заключение под стражу от вины должностных лиц [3]. Пунктом 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 этот подход распространен и на незаконное задержание подозреваемого [4]. Статьей 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) урегулировано право на реабилитацию, а частью 2 статьи 136 денежная компенсация морального вреда отнесена к гражданскому судопроизводству [5].

Установление основания выплаты предшествует расчету ее размера. В Определении Верховного Суда РФ от 9 июня 2025 г. № 16-КГ25–5-К4 по делу А. В. Шлыкова отменены постановления о компенсации за содержание под стражей после переквалификации обвинения. Незаконность изоляции не была подтверждена надлежащим процессуальным документом; изменение квалификации само по себе не устраняло действие меры пресечения [6, с. 11–14]. Вместе с тем отсутствие полной реабилитации не исключает возмещения за самостоятельную незаконную меру принуждения [4, п. 39].

Статьей 1101 ГК РФ предусмотрена индивидуальная оценка характера страданий и обстоятельств причинения вреда с учетом разумности и справедливости [3]. Продолжительность и условия содержания под стражей названы также в пункте 21 Постановления Пленума Верховного

Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 [7]. Пункты 25 и 30 Постановления № 33 требуют мотивировать сумму и исключают чрезвычайно малую компенсацию, если она не заявлена самим истцом [4]. Однако числовая нижняя граница выплаты за сутки законом не установлена.

Индивидуализация необходима и при значительной выплате. В Определении Верховного Суда РФ от 10 февраля 2025 г. № 48-КГ24–26-К7 по делу А. Т. Букиной формальное перечисление обстоятельств признано недостаточным для обоснования миллиона рублей: не оценено, в частности, отсутствие ограничивающих передвижение мер [8, с. 13–15]. Дело не устанавливает денежного ориентира за сутки изоляции, но подтверждает необходимость объяснять связь последствий преследования с суммой компенсации.

Германским Законом о возмещении вреда, причиненного мерами уголовного преследования, предусмотрено 75 евро за каждый начавшийся день лишения свободы [9, параграф 7, абз. 3]. Это фиксированная ставка. Для российского регулирования предлагается нижняя граница с возможностью увеличения выплаты, без переноса иностранной суммы. Подтвержденный компенсиремый период должен определять исходную защиту свободы независимо от дохода и социального положения; особые последствия — обосновывать превышение минимума.

Статью 1101 ГК РФ предлагается дополнить положением: «При наличии предусмотренных законом оснований компенсации морального вреда, причиненного незаконным задержанием в качестве подозреваемого, незаконным содержанием под стражей либо отбыванием наказания в виде лишения свободы вследствие незаконного осуждения, размер компенсации определяется исходя из установленной федеральным законом минимальной суммы за каждые сутки такого лишения свободы. Неполные сутки учитываются как полные. Минимальная сумма подлежит ежегодной индексации. С учетом обстоятельств, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи, компенсация может быть увеличена».

Рублевая ставка требует финансово-экономического обоснования и не выводится из отдельных судебных решений. Предлагается ежегодное увеличение с учетом роста

потребительских цен и применение ставки на день вынесения решения. Дату индексации и действие нового права во времени необходимо прямо определить законом.

В расчет включается только период, охваченный установленным правом на возмещение. Фактическое время изоляции суммируется без повторного учета совпадающих периодов; оставшаяся часть суток округляется до полных суток. Продления одного непрерывного содержания не образуют самостоятельных расчетных периодов. При частичной реабилитации исключение отдельного обвинения не означает незаконности всей изоляции: требуется проверить, сохранялось ли самостоятельное законное основание содержания. Деление выплаты пропорционально числу исключенных обвинений необоснованно. Компенсация вреда от незаконного обвинения как такового сохраняет самостоятельное значение [5, ст. 133; 7, п. 3].

При увеличении компенсации оцениваются возраст, здоровье, условия содержания, семейные и профессиональные последствия с объяснением вызванных ими дополнительных страданий. Отсутствие заболевания само по себе не исключает компенсацию [4, п. 14]; заявленное заболевание требует подтверждения связи с незаконным воздействием. В решении должны раздельно раскрываться основание выплаты, компенсируемый период, ставка и мотивы увеличения либо отклонения соответствующих доводов. Минимум входит в единую компен-

сацию, а не прибавляется повторно к сумме, уже учитывающей те же страдания.

Минимум необходимо согласовать с пределами иска. По части 3 статьи 196 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации выход за требования истца допускается в предусмотренных федеральным законом случаях [10]. Предлагается разъяснять право увеличить требование по статье 39 Кодекса. Если истец сохраняет меньшую сумму, она ограничивает присуждение; иное решение потребует прямого законодательного исключения из принципа диспозитивности.

Компенсация морального вреда не зависит от возмещения имущественного вреда в силу пункта 3 статьи 1099 ГК РФ [3]. Утраченный заработок и расходы на защиту в суточную ставку не включаются. Извинения и сообщение о реабилитации по статье 136 УПК РФ не заменяют денежную компенсацию [5]. Следовательно, минимум не может служить общим пределом всех восстановительных требований.

Предлагаемая модель сочетает расчет нижней границы по продолжительности незаконной изоляции с мотивированной индивидуализацией выплаты. Она требует самостоятельной проверки основания ответственности и причинной связи, определения ставки и согласования с пределами иска. До законодательного изменения компенсация определяется по действующим статьям 151 и 1101 ГК РФ без обязательного суточного минимума.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. — 2020. — 4 июля. — № 144.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
4. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/31761/> (дата обращения: 05.10.2026).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2025 г. № 16КГ255К4 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2472580 (дата обращения: 05.10.2026).
7. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 (ред. от 9 декабря 2025 г.) // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8277/> (дата обращения: 06.10.2026).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2025 г. № 48КГ2426К7 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2447612 (дата обращения: 06.10.2026).
9. Gesetz über die Entschädigung für Strafverfolgungsmaßnahmen (StrEG) vom 8. März 1971 (BGBl. I S. 157), zuletzt geändert durch Art. 1 des Gesetzes vom 30. September 2020 (BGBl. I S. 2049). — URL: https://www.gesetze-im-internet.de/streg/_7.html (дата обращения: 06.10.2026).
10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

Свидетельские показания как средство доказывания в гражданском процессе

Чечель Кристина Васильевна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье анализируется подход судов общей юрисдикции к свидетельским показаниям и их оценке в трудовых спорах.

Ключевые слова: свидетельские показания, трудовой спор, доказательства.

Свидетельские показания являются одним из средств доказывания в гражданском процессе, которые должны способствовать установлению истины и защите нарушенных прав. Однако на практике очень часто встречается то, что свидетельские показания искажают фактические обстоятельства дела.

Актуальность исследования обусловлена поиском эффективных способов повышения достоверности свидетельских показаний по трудовым спорам с целью минимизации фактов злоупотребления со стороны работодателя при привлечении свидетелей-работников для сокрытия фактов нарушения трудовых прав.

В этих условиях исследование практики применения свидетельских показаний представляется не только теоретически значимым, но и практически востребованным для развития гражданского процессуального права.

Согласно статье 69 ГПК РФ «Свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела. Не являются доказательствами сведения, сообщенные свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности» [4].

Гражданское процессуальное законодательство России не содержит понятия показания свидетеля. Однако ученые дают разъяснения о том, что такое показания свидетеля. В. В. Молчанов отмечает, что понятие «показания свидетеля» может быть определено как устное сообщение юридически незаинтересованным лицом сведений об отношениях к делу обстоятельствах, о которых оно осведомлено лично или из известных источников, полученных судом в установленном законом порядке [6].

Свидетельские показания должны отражать только фактические обстоятельства по делу, которые согласно статье 67 ГПК РФ суд должен оценивать по критериям их относимости, допустимости, достоверности, а также взаимосвязь с другими доказательствами.

Кроме того, статьей 70 ГПК РФ предусмотрено, что свидетель должен давать правдивые показания, а также что свидетель несет ответственность, предусмотренную УК РФ за дачу заведомо ложных показаний.

В гражданском судопроизводстве существует ряд актуальных проблем, которые требуют внимания и поиска путей решения.

Одной из актуальных проблем является недостоверность свидетельских показаний и заинтересованность свидетеля в рассмотрении дела.

Современная научная литература выделяет несколько взглядов на заинтересованность свидетелей при рассмотрении дела. Так О. А. Рузакова отмечает, что свидетели не выступают субъектами материально-правовых отношений и в отличие от лиц, участвующих в деле, не имеют юридической заинтересованности в его исходе [10], А. Н. Кузбагаров, наоборот, утверждает о возможности заинтересованности свидетеля в гражданском процессе [9], В. В. Молчанов указывает, что нередко в качестве свидетелей выступают лица, связанные со стороной дела, например, родственники, знакомые, коллеги, то есть лица, не являющиеся полностью посторонними, таким образом, заинтересованность свидетеля является обязательной при рассмотрении гражданского дела [5].

Проблема заинтересованности свидетелей часто встречается при рассмотрении трудовых споров вне зависимости от того, что рассматривается незаконное увольнение или компенсация морального вреда при получении травмы. Так как именно в этой отрасли в судебные заседания вызываются работники предприятий, которые не готовы давать показания против своего работодателя ввиду заинтересованности в продолжении трудовой деятельности.

Зачастую именно работники, вызванные в качестве свидетелей в суд, являются лицами, нарушившими права истца в связи с выполнением поручений работодателя.

Кроме того, предупреждение свидетеля судом об уголовной ответственности рассматривается формально, так как зачастую практика об уголовной ответственности свидетелей за дачу ложных показаний единична и не всегда известна свидетелям.

В российском судопроизводстве сложилось два подхода к оценке свидетельских показаний работников. Первый заключается в том, что если свидетель (работник) предупрежден об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, оснований для недоверия к свидетелям нет. А также если показания свидетелей соответствуют другим письменным доказательствам, представленным в материалы дела. Так, например, в Апелляционном определении Свердловского областного суда от 12.09.2023 года по делу № 33–13380/2023 указано, что работодатель представил показания свидетелей-коллег, которые подтвердили факт отсутствия истца (работника) на рабочем месте. Кроме того, эти показания соответствуют актам об отсутствии на рабочем месте истца. Дополнительно указано, что «показания свидетелей, состоящих в трудовых отношениях с работодателем, не могут быть отвергнуты исключительно на основании их зависимости от работодателя». [3].

Второй подход к оценке свидетельских показаний (работников) заключается в возможной заинтересованности свидетелей в исходе рассматриваемого дела.

Так, например, в определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.09.2023 по делу N 88–18219/2023 указано, что «к показаниям свидетеля, которая в суде утверждала, что при заключении трудового договора между сторонами давление на истца не оказывалось, апелляционная инстанция отнеслась критично, поскольку она является работником ответчика и напрямую подчиняется директору школы, соответственно, косвенно заинтересована в исходе дела в силу профессиональных обязанностей и занимаемой должности. Кроме того, указанный свидетель не являлся очевидцем разговора с истцом, который состоялся накануне подписания трудового договора» [8].

Аналогичная позиция отражена в определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2023 по делу № 8Г-2705/2023 (88–6163/2023) [7], Апелляционном определении Свердловского областного суда от 16.05.2023 по делу N 33–8017/2023 [1], Апелляционном определении Челябинского областного суда от 14.03.2022 № 11–1063/2022 [2].

Кроме того, когда свидетель (работник) дает показания в пользу своего работодателя, имеется взаимосвязь с другими (письменными) доказательствами, которые представлены предприятием. Следовательно, сторона целенаправленно может вводить суд в заблуждение с целью достижения результата и сокрытия факта нарушения прав работников.

Можно сделать вывод, что судебная практика постепенно формирует критический подход к показаниям свидетелей, которые формально не заинтересованы в исходе дела ввиду того, что не являются родственниками или не имеют неприязненного отношения к стороне. Однако фактически имеют косвенную заинтересованность в результате дела в виде служебной или иной зависимости свидетеля от стороны, а также отсутствия у него статуса непосредственного очевидца события.

Указанная проблема требует при рассмотрении дел по трудовым спорам предъявление повышенных стандартов доказывания к работодателям, а именно возложение бремени доказывания факта не привлечения к работе за пределами нормальной продолжительности (сверхурочно, в ночное время и т.д.), законности увольнения и дисциплинарного взыскания.

Литература:

1. Апелляционном определении Свердловского областного суда от 16.05.2023 по делу N 33–8017/2023 [Электронный ресурс] // Консультант: Информационно-правовой портал [сайт] URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.09.2026).
2. Апелляционном определении Челябинского областного суда от 14.03.2022 № 11–1063/2022 [Электронный ресурс] // Консультант: Информационно-правовой портал [сайт] URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.09.2026).
3. Апелляционное определение Свердловского областного суда 12.09.2023 года по делу № 33–13380/2023 [Электронный ресурс] // Свердловский областной суд [сайт] URL: https://obsud.svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv (дата обращения: 05.09.2026).
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) [Электронный ресурс] // Консультант: Информационно-правовой портал [сайт] URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.09.2026).
5. Молчанов В. В. Об ответственности в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. N 10. С. 28–31. Консультант: Информационно-правовой портал [сайт] URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.09.2026).
6. Молчанов В. В. Развитие учения о свидетелях и свидетельских показаниях в гражданском процессе: автореф. Дис д-ра юр. наук. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/razvitie-ucheniya-o-svidetelyakh-i-svidetelskikhpokazaniyakhv-grazhdanskomprotssesse> (Дата обращения: 05.09.2026)
7. Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2023 по делу № 8Г-2705/2023 (88–6163/2023) [Электронный ресурс — Судебные решения. — Режим доступа: <https://судебныерешения.рф/74021336> (дата обращения: 09.09.2026).
8. Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.09.2023 по делу N 88–18219/2023 [Электронный ресурс — Судебные решения. — Режим доступа: <https://судебныерешения.рф/74021336> (дата обращения: 09.09.2026).
9. Попова А. И., Лукина А. С. Показания свидетеля как средство доказывания в гражданском судопроизводстве // Вестник науки. 2026. № 1 (94). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokazaniya-svidetelya-kak-sredstvo-dokazyvaniya-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 09.09.2026).
10. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / А. В. Аргунов, В. В. Аргунов, А. В. Демкина и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012. 636 с. [Электронный ресурс] // Консультант: Информационно-правовой портал [сайт] URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.09.2026).

Типичные проблемы выявления мелкого взяточничества в сфере управления транспортными средствами

Чиркова Виктория Владимировна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье автор рассматривает особенности выявления такого преступления, как мелкое взяточничество в наиболее популярной сфере – сфере дорожного движения. Актуальность данной темы характеризуется тем, что управление транспортными средствами осуществляется не только профессиональными водителями, но и большим количеством иных граждан. Также автор предлагает пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: мелкое взяточничество, должностное лицо, уголовная ответственность, правонарушение, преступление.

Одним из ключевых направлений политики государства является как укрепление законности, так и борьба с преступностью коррупционной направленности. Мелкое взяточничество плотно вошло в систему правоотношений граждан нашей страны, и взятки в некоторых случаях воспринимаются не как совершение преступления, а как форма социального договора, при котором одна сторона получает желаемый результат, а вторая сторона получает незаконное вознаграждение.

Статья 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ) предусматривает уголовную ответственность за мелкое взяточничество, т. е. получение взятки, дачу взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей. В целях обеспечения единообразного применения судами законодательства об ответственности, в том числе за мелкое взяточничество, разъяснения дает постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [3].

Рассмотрим проблемы наиболее распространенных случаев мелкого взяточничества и пути их решения.

Мелкое взяточничество, на наш взгляд, наиболее характерно для отношений, связанных с осуществлением государственных или муниципальных служащих своих незначительных административных функций. Наиболее распространенными на практике являются факты предложения взятки водителями инспекторам дорожных служб, работодателям государственной инспекции труда и иным должностным лицам, которые разово, хаотично взаимодействуют с физическими лицами, и их связь является неочевидной. Таким образом, основной проблемой мелкого взяточничества является высокая латентность выявления преступлений, поскольку зачастую единичные факты выявления таких преступлений не соотносятся с действительностью.

Анализ практики свидетельствует о том, что, как правило, осуждают взяткодателя за покушение на её дачу, то есть должностное лицо, которому предложили взятку, самостоятельно сообщают об этом, таким образом выявление преступлений в абсолютном большинстве происходит на основании информации сотрудников полиции.

При этом анализ количества подобных преступлений в ежегодном разрезе свидетельствует о формальности работы оперативных служб, так как количество преступлений постоянно соразмерно аналогичным периодам прошлых лет.

При установлении ответственности взяткодателя необходимо в обязательном порядке убедиться в понимании им противоправности предложения дачи взятки, поскольку преступление является умышленным. Так, при предложении водителем сотрудникам ГИБДД платить штраф на месте не образуется состав преступления, поскольку водитель и инспектор могут не понять существо предложения, поэтому инспектор обязан предупредить водителя о том, что предложение и передача ему денежных средств будет образовывать состав преступления, предусмотренного ст. 291.2 УК РФ. И только в случае, если лицо все равно продолжило преступные действия, то в этот момент образуется состав преступления, и он является оконченным.

На практике такие преступления связаны с привлечением лиц к административным правонарушениям, ответственность за которые варьируется от штрафа до лишения определенных прав, к примеру, за выезд на трамвайные пути встречного направления сотрудники ГИБДД могут привлечь водителя к административной ответственности по ч.4 ст.12.15 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) к административному штрафу в размере 7500 рублей или лишить права управления транспортным средством на срок от 4 до 6 месяцев. В случае, если водителю право управления транспортными средствами является необходимым, влияя на его заработок, водитель может предложить инспектору назначить ему наказание в виде административного штрафа, а в случае отказа инспектора — водитель может предложить ему взятку. Указанные обстоятельства фиксируются как нагрудными видеорегистраторами, так и установленными в служебном автомобиле видеорегистраторами.

В целях проверки инспекторов ГИБДД сотрудники собственной безопасности полиции проводят рейды, проезжая по местам патрулирования сотрудников ГАИ: в случае остановки их сотрудниками полиции и предло-

жения дачи взятки фиксируется, однако данная практика является недостаточной, и пресечение таких факторов требует более глубоких действий. Считаем, что наиболее эффективным являлся полный финансовый анализ служащего и членов его семьи налоговым органом, а также оперативными службами, прорабатывающими информацию об имущественном положении семьи служащего и его дружеских связях. Однако провести такие проверки в отношении всех лиц будет затруднительно ввиду большого числа служащих в Российской Федерации, поэтому необходимо организовать планы проверок, а также развивать оперативные службы, в том числе с использованием видов оперативно-розыскных мероприятий, пере-

численных в Федеральном Законе от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2], а именно: снятие информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации. Также полагаем, что для очень большого объема обработки получаемой информации необходимо применять специальные закрытые российские системы с искусственным интеллектом. Возможное использование искусственного интеллекта для анализа голосовых записей, сообщений и документов на предмет указаний на коррупционную деятельность, поспособствует получению достаточных данных для быстрого выявления уголовного дела о мелком взяточничестве.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 12.10.2026.
2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // «Российская газета» от 18 августа 1995 г. N 160, Собрание законодательства Российской Федерации от 14 августа 1995 г. N 33 ст. 3349.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // «Российская газета» от 17 июля 2013 г. N 154, в Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, сентябрь 2013 г., N 9.

Правовой статус территориальных органов МЧС России: элементы, проблемы и направления совершенствования

Чубатая Надежда Викторовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье раскрывается содержание правового статуса территориальных органов МЧС России, выделяются его основные элементы (компетенция, подчинённость, функции, ответственность), анализируются нормативные источники, определяющие статус, а также обозначаются актуальные проблемы правоприменительной практики и предлагаются направления совершенствования законодательства. Материал ориентирован на студентов, исследователей и специалистов в области административного и чрезвычайного права.

Ключевые слова: МЧС России, территориальный орган, правовой статус, компетенция, полномочия, чрезвычайные ситуации.

Территориальные органы МЧС России (Главные управления МЧС по субъектам Российской Федерации) выступают ключевым звеном системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Именно на региональном уровне реализуются основные задачи ведомства: надзор за пожарной безопасностью, защита населения и территорий от ЧС, гражданская оборона. При этом правовой статус этих органов определяет не только их полномочия и обязанности, но и эффективность взаимодействия с иными органами власти, организациями и гражданами.

Актуальность темы обусловлена необходимостью чёткого разграничения компетенции между федеральным

центром и субъектами, а также потребностью в устранении правовых пробелов, которые затрудняют реализацию задач МЧС на местах. Цель статьи — раскрыть содержание правового статуса территориальных органов МЧС, выделить его структурные элементы, обозначить проблемные зоны и предложить возможные пути их устранения.

Правовое положение территориальных органов МЧС определяется совокупностью нормативных актов:

Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» — закрепляет общие принципы защиты населения, полномочия органов власти

в сфере ЧС, включая обязанности по мониторингу, оповещению и реагированию.

Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» — устанавливает задачи и полномочия органов пожарного надзора, включая проведение проверок и выдачу предписаний.

Указ Президента РФ от 11.07.2004 № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» — утверждает Положение о МЧС, в котором закреплены структура, задачи и функции ведомства, а также порядок формирования территориальных органов.

Приказы МЧС России, определяющие административные регламенты, порядок проведения надзорных мероприятий, организацию деятельности подразделений и др.

На практике это означает, что территориальный орган действует в рамках делегированных полномочий, реализуя федеральные задачи на уровне субъекта.

Правовой статус можно представить как систему взаимосвязанных элементов:

Компетенция — совокупность задач и функций, закреплённых нормативными актами. К ним относятся: надзор в области пожарной безопасности, контроль за соблюдением требований в области защиты от ЧС, организация гражданской обороны, проведение профилактических мероприятий, участие в ликвидации последствий аварий и катастроф.

Подчинённость и организационная структура — территориальный орган подчиняется центральному аппарату МЧС России и одновременно взаимодействует с высшим должностным лицом субъекта и органами исполнительной власти региона. Это создаёт «двойную связь»: вертикаль управления и горизонталь координации.

Функции и полномочия — включают право на проведение проверок, выдачу предписаний, составление протоколов об административных правонарушениях, участие в комиссиях по ЧС, организацию учений и тренировок, сбор и анализ данных о рисках.

Ответственность — орган несёт ответственность за исполнение возложенных задач, соблюдение законности при осуществлении контрольных функций, а также за своевременное реагирование на угрозы.

Ресурсное и информационное обеспечение — статус предполагает наличие материально-технической базы, штатных подразделений, доступа к информационным системам (включая межведомственный обмен данными).

Несмотря на развитую нормативную базу, в деятельности территориальных органов возникают сложности:

1. Дублирование функций и пересечение компетенций с другими надзорными органами (например, в вопросах промышленной безопасности и пожарного надзора). Это приводит к избыточным проверкам и противоречивым предписаниям.

2. Недостаточная оперативность взаимодействия с региональными властями и муниципалитетами. Формальные процедуры согласования замедляют принятие решений в условиях ЧС.

3. Ограниченность ресурсов (кадровых, технических, финансовых), особенно в отдалённых и малонаселённых районах, что снижает эффективность профилактики и реагирования.

4. Правовая неопределённость отдельных полномочий, например, в части применения мер принуждения, сроков исполнения предписаний и порядка обжалования решений.

Эти проблемы напрямую влияют на способность территориального органа своевременно и эффективно выполнять свои задачи.

Для повышения эффективности правового статуса территориальных органов МЧС целесообразно:

1. Чётко разграничить компетенции между надзорными органами, исключив дублирование и установив единые критерии проверок и предписаний.

2. Упростить межведомственное взаимодействие за счёт цифровых платформ, обеспечивающих оперативный обмен информацией и совместное принятие решений.

3. Усилить ресурсную базу территориальных подразделений, в том числе через целевые программы развития инфраструктуры и подготовки кадров.

4. Уточнить отдельные нормы в законодательстве, касающиеся порядка реализации полномочий, сроков и процедур, чтобы минимизировать правовые риски и повысить прозрачность деятельности.

Правовой статус территориальных органов МЧС России — это комплексная категория, включающая компетенцию, подчинённость, полномочия и ответственность. Он обеспечивает реализацию важнейших государственных задач в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и пожарной безопасности. Вместе с тем на практике реализация статуса сталкивается с рядом проблем, связанных с пересечением компетенций, ресурсными ограничениями и недостаточной оперативностью взаимодействия. Совершенствование нормативной базы и организационных механизмов позволит повысить эффективность деятельности территориальных органов и укрепить систему безопасности в целом.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 25.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
2. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (ред. от 25.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

3. Указ Президента РФ от 11.07.2004 № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» (ред. от 05.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 28. Ст. 2882.
4. Антипов С. А. Административно-правовое регулирование государственного пожарного надзора, осуществляемого МЧС России, в отношении объектов защиты с массовым пребыванием людей: дис. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2022. — 218 с.
5. Корнейчук Ю. Ю., Костров А. В. Организационно-правовые аспекты развития спасательных сил // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. — 2025. — № 4. — С. 72–144.
6. Немченко С. Б., Степаненко Т. И. Обзор правовых стимулов и ограничений в законодательстве России о гражданской обороне // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2024. — № 1. — С. 27–33.
7. Симонова В. С. Современное состояние нормативной правовой базы ГО и РСЧС и направления её развития // Технологии гражданской безопасности. — 2023. — № 2. — С. 20–27.
8. Правовой статус Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в современной России // Государственная служба. — 2016. — № 6. — С. 48–56.
9. Актуальные проблемы современного законодательства, регулирующего вопросы управления территориальными подразделениями МЧС России // Вестник Воронежского института МВД России. — 2021. — № 3. — С. 34–41.
10. Правовое регулирование осуществления государственного пожарного надзора в условиях реформирования контрольно-надзорной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2023. — № 2. — С. 45–56.

Эволюция и современное состояние правового статуса МЧС России в системе органов исполнительной власти

Чубатая Надежда Викторовна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Статья посвящена анализу правового статуса Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) как элемента системы исполнительной власти. Прослеживается эволюция статуса ведомства с момента создания в 1994 году до современных реорганизаций, выделяются ключевые этапы изменения компетенции, организационной структуры и места в системе государственного управления.

Раскрываются особенности современного правового положения МЧС, включая его полномочия в области гражданской обороны, пожарной безопасности, защиты населения от чрезвычайных ситуаций, а также новые функции в сфере цифровой трансформации.

Обозначаются проблемные аспекты и перспективы развития законодательства.

Ключевые слова: МЧС России, правовой статус, исполнительная власть, гражданская оборона, чрезвычайные ситуации, пожарная безопасность, реорганизация, компетенция.

МЧС России — одно из немногих федеральных ведомств, чей правовой статус претерпел за тридцать лет существования несколько существенных трансформаций. Созданное в 1994 году как преемник Штаба ГО СССР, министерство прошло путь от органа, ориентированного преимущественно на ликвидацию последствий аварий и катастроф, до многопрофильной структуры, отвечающей за предупреждение, мониторинг, реагирование и восстановление после ЧС, а также за пожарную безопасность, защиту населения и гражданскую оборону.

Актуальность исследования правового статуса МЧС обусловлена тем, что каждое изменение организационной модели ведомства напрямую отражается на эффективности защиты населения и территорий. Понимание ло-

гики эволюции позволяет не только оценить текущее состояние нормативного регулирования, но и спрогнозировать дальнейшие направления реформирования.

Цель статьи — проследить этапы изменения правового статуса МЧС России, раскрыть содержание его современного положения и выделить ключевые проблемы и перспективы развития.

Этапы эволюции правового статуса

Первый этап (1990–1994 гг.): формирование. В декабре 1990 года был создан Российский корпус спасателей на правах Государственного комитета РСФСР, который в 1991 году был преобразован в Государственный комитет

РСФСР по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям при Президенте РСФСР. Указом Президента от 10 января 1994 года № 66 был образован Государственный комитет РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (ГКЧС России). На этом этапе правовой статус органа определялся преимущественно подзаконными актами и носил переходный характер.

Второй этап (1994–2004 гг.): становление министерства. Указом Президента от 10 января 1994 года было создано Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). В этот период были приняты базовые федеральные законы — № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», которые юридически закрепили основные направления деятельности министерства. Произошло включение в состав МЧС Государственной противопожарной службы МВД России (2001 год), что существенно расширило компетенцию ведомства.

Третий этап (2004–2020 гг.): институциональное оформление. Указом Президента от 11 июля 2004 года № 868 было утверждено Положение о МЧС России, которое действует (с изменениями) до настоящего времени. В этот период статус министерства приобрёл устойчивую структуру: были закреплены его задачи, функции, полномочия и порядок взаимодействия с иными органами. Министерство стало ключевым элементом Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС). Были приняты Федеральные законы от 22.08.1995 № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» и от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне», которые дополнили нормативную основу деятельности ведомства.

Четвёртый этап (2020 г. — настоящее время): реорганизация и цифровизация. Указом Президента от 21 октября 2020 года № 516 была проведена реорганизация структуры МЧС: из состава министерства выделены отдельные службы (Государственная инспекция по маломерным судам передана в ведение МЧС, часть функций по надзору на водных объектах уточнена). Одновременно начали активно развиваться цифровые платформы мониторинга и оповещения, что потребовало обновления нормативной базы и расширения полномочий ведомства в сфере информационных технологий.

Современный правовой статус МЧС России

В настоящее время правовой статус МЧС России определяется комплексом нормативных актов, среди которых ключевыми являются:

Указ Президента РФ от 11.07.2004 № 868 (Положение о МЧС);

Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (защита от ЧС);

Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ (пожарная безопасность);

Федеральный закон от 12.02.1998 № 28-ФЗ (гражданская оборона);

Федеральный закон от 22.08.1995 № 151-ФЗ (аварийно-спасательные службы и статус спасателей);

Федеральный закон от 23.08.1995 № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей».

МЧС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, а также по надзору и контролю в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от ЧС, пожарной безопасности и обеспечения безопасности людей на водных объектах.

Организационное место. МЧС входит в структуру федеральных министерств и подчиняется непосредственно Президенту Российской Федерации (по вопросам, отнесённым к его полномочиям). Это придаёт министерству особый статус — выше, чем у большинства отраслевых ведомств, и отражает приоритетность задач защиты населения.

Основные полномочия. В соответствии с Положением о МЧС министерство:

Разрабатывает и утверждает нормативные правовые акты в установленной сфере.

Осуществляет надзор и контроль за соблюдением требований пожарной безопасности, требований в области гражданской обороны и защиты от ЧС.

Организует и координирует деятельность РСЧС, включая мониторинг, прогнозирование и ликвидацию последствий ЧС.

Руководит гражданской обороной Российской Федерации.

Осуществляет управление Государственной противопожарной службой, спасательными воинскими формированиями и иными подразделениями, входящими в состав МЧС.

Организует подготовку и аттестацию аварийно-спасательных служб и спасателей.

Реализует международное сотрудничество в области предупреждения и ликвидации ЧС.

Структурные элементы. В состав МЧС входят: центральный аппарат, территориальные органы (Главные управления по субъектам РФ), Государственная противопожарная служба, спасательные воинские формирования, Государственная инспекция по маломерным судам, аварийно-спасательные и поисково-спасательные формирования, образовательные и научно-исследовательские учреждения. Каждый элемент имеет собственный под-статус, производный от статуса министерства в целом.

Анализ нормативной базы и правоприменительной практики позволяет выделить ряд проблем в правовом статусе МЧС:

1. Избыточность и обновляемость подзаконных актов. Положение о МЧС 2004 года, несмотря на многочисленные изменения, не всегда успевает за реальной трансформацией функций ведомства. Часть полномочий реализуется

на основании временных приказов и регламентов, что снижает стабильность правового регулирования.

2. Пересечение компетенций с другими ведомствами. В сфере промышленной безопасности, охраны окружающей среды, санитарно-эпидемиологического надзора полномочия МЧС пересекаются с компетенцией Ростехнадзора, Росприроднадзора и Роспотребнадзора. Это порождает дублирование проверок и противоречивые требования к хозяйствующим субъектам.

3. Соотношение федерального и регионального уровней. Территориальные органы МЧС подчиняются федеральному центру, но их деятельность финансируется и организуется с учётом региональной специфики. Это создаёт напряжение между вертикалью управления и горизонтальной координацией с органами власти субъекта.

4. Статус сотрудников. Правовой статус сотрудников МЧС (особенно федеральной противопожарной службы) регулируется специальным законодательством, однако вопросы социального обеспечения, пенсионных гарантий и условий службы остаются предметом дискуссий и требуют дополнительного регулирования.

5. Цифровая трансформация. Развитие систем мониторинга, искусственного интеллекта и автоматизированных платформ оповещения опережает нормативную базу. Не определены в полной мере правовые режимы обработки данных, ответственность за решения, принимаемые алгоритмами, и порядок использования цифровых инструментов в надзорной деятельности.

Для устранения выявленных проблем и развития правового статуса МЧС представляется целесообразным:

Актуализировать Положение о МЧС, отразив в нём все фактически реализуемые функции, включая цифровое направление, а также чётко разграничив полномочия со смежными ведомствами.

Развить законодательство о статусе сотрудников, устранив противоречия между специальным законодательством о службе и общими нормами трудового права, а также укрепив социальные гарантии.

Закрепить правовые основы цифровой трансформации в сфере защиты от ЧС, включая регламентацию использования искусственного интеллекта для прогнозирования и мониторинга, а также порядок межведомственного обмена данными.

Оптимизировать надзорную деятельность, продолжив внедрение риск-ориентированного подхода и сократив избыточные проверки за счёт автоматизированных средств контроля.

Правовой статус МЧС России сформировался в результате длительной эволюции, отражающей изменение роли государства в обеспечении безопасности населения. От органа, ориентированного на ликвидацию последствий аварий, министерство трансформировалось в многопрофильную структуру, отвечающую за весь цикл управления рисками — от предупреждения до восстановления. Современный статус МЧС обладает устойчивой нормативной основой, однако требует дальнейшего совершенствования в условиях цифровой трансформации и усложнения характера угроз. Систематизация и актуализация нормативной базы позволит обеспечить соответствие правового статуса ведомства реальным задачам защиты населения и территорий.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 25.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
2. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (ред. от 25.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.
3. Федеральный закон от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 799.
4. Указ Президента РФ от 11.07.2004 № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» (ред. от 05.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 28. Ст. 2882.

Возможная трансформация состава суда под влиянием цифровизации в приказном производстве. Допустимость замены судьи искусственным интеллектом

Шалаганова Виктория Андреевна, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

Вопрос о внедрении искусственного интеллекта в судебную систему России активно обсуждается на протяжении последних лет. В 2025 году Совет судей

Российской Федерации создал рабочую группу по формулированию концептуальных подходов к использованию ИИ в судах, которую возглавил председатель Совета

судей России Виктор Момотов. Одним из наиболее перспективных направлений было названо приказное производство.

Несмотря на простоту и внешнюю «бесспорность» требований приказного производства, в литературе зачастую даже в отношении данного вида судопроизводства высказывается мнение о недопустимости полноценной замены судьи искусственным интеллектом.

Мы не разделяем данную категоричную позицию, поэтому наша работа посвящена исследованию пределов допустимости использования искусственного интеллекта (ИИ) при вынесении судебных приказов. Особое внимание в нашей работе мы хотели бы уделить вопросу о том, может ли ИИ рассматриваться как элемент состава суда или его «замена», и как это соотносится с конституционным принципом законного состава суда (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ).

Поскольку процессуальная форма приказного производства рассчитана на бездействие должника, не представляющего возражения относительно исполнения судебного приказа в установленный законом срок, для обеспечения необходимого уровня защиты прав должника и взыскателя необходима реализация должной гарантии получения судебных извещений в короткий срок. При обеспечении надлежащего извещения участников приказного производства можно будет предусмотреть исключительно автоматизированную выдачу судебных приказов, поскольку существующая цель приказного производства будет достигаться с меньшими организационными затратами.

Именно эти особенности делают приказное производство наиболее «безопасной» сферой для эксперимента с ИИ-технологиями и позволяют рассматривать его как модельную среду для апробации автоматизированных механизмов вынесения судебных актов.

Потенциал автоматизации приказного производства уже был продемонстрирован экспериментами, которые проводились в судах Белгородской области в 2021 году и Амурской области в 2023 году. Благодаря этим экспериментам значительно сократилось время, которое тратится на подготовку судебного приказа и заполнение электронной карточки дела. Успешный опыт был признан масштабируемым на всю страну. После начались серьёзные обсуждения возможности предусмотреть в процессуальных кодексах механизм автоматического формирования судебного приказа при подаче заявления в суды в электронной форме.

Вопрос о допустимости замены судьи искусственным интеллектом требует анализа через призму конституционного принципа законного состава суда, закреплённого в ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации. Законный состав суда — это не только персональный состав судей, но и установленная законом модель судебного разбирательства, включающая количественные, качественные и организационные характеристики судебного органа. Внедрение ИИ в приказное производство затрагивает,

прежде всего, качественную характеристику состава суда (меняется природа «судьи») и организационную (структурную) характеристику (меняется внутренняя структура принятия решения). В связи с этим возникает вопрос: может ли ИИ быть частью состава суда в широком смысле или заменять судью?

Официальная позиция Совета судей РФ по данному вопросу является сдержанной и осторожной. Их мнение сводится к тому, что программа не подменяет человека, а только помогает ему.

Искусственный интеллект способен заменить человека лишь по делам, в которых роль судьи является в большей степени технической, например, по делам об индексации присужденных денежных средств. При этом создание системы ИИ преследует цель сделать правосудие доступным, а не заменить судей. Искусственный интеллект рассматривается как инструмент для снижения нагрузки, минимизации ошибок, распознавания текста и краткого изложения сути показаний и позиций сторон.

Однако, как уже было отмечено ранее, в научной литературе продолжается диспут по поводу возможности допущения программ искусственного интеллекта к отправлению правосудия. Аргументы против замены судьи ИИ основываются на следующих положениях:

Во-первых, принцип непосредственности исследования доказательств. Судья воспринимает доказательства и формирует свое мнение на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, которое производится в судебном заседании (ч. 1 ст. 67 ГПК РФ). Судья должен лично выслушать стороны конфликта, свидетелей, экспертов, увидеть их психоэмоциональное поведение и определить достоверность информации.

Во-вторых, отсутствие у ИИ сознания. Создать нейроны, похожие на биологические, чрезвычайно сложно; в отсутствие понятия «сознание» невозможно создать искусственное сознание. Сознание судьи при принятии решения искусственный интеллект не заменит никогда.

В-третьих, проблема правовой ответственности. Решение суда может быть выполнено в форме электронного документа, но подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью соответствующего судьи. Искусственный интеллект не может нести юридическую ответственность за вынесенное решение.

Учитывая изложенное, наиболее приемлемой представляется модель, при которой искусственный интеллект выступает в роли ассистента (помощника) судьи, а не заменяет его. Создание искусственной интеллектуальной системы для приказного производства возможно, но не с целью принятия этой системой решений, а для дачи рекомендаций, советов с использованием базы больших данных и анализа судебной практики по данной категории дел. Решение о принятии или возврате заявления о выдаче судебного приказа и вынесении судебного приказа должен принимать судья, а не искусственная интеллектуальная система.

В действующем гражданско-процессуальном законодательстве состав суда в приказном производстве определяется как единоличный. Эта модель соответствует количественной характеристике состава суда. При внедрении ИИ в приказное производство предлагается сохранить количественную характеристику (судья-человек остается единственным субъектом, принимающим решение), но трансформировать организационную структуру, добавив элемент ИИ-ассистента, который выполняет технические функции по проверке формальных условий и подготовке проекта приказа.

Таким образом, состав суда в приказном производстве при использовании ИИ-ассистента может быть определен как установленная законом совокупность характеристик судебного органа, рассматривающего дело в при-

казном порядке, включающая его количественный состав (единоличный судья), качественный состав (профессиональный судья) и организационную структуру (взаимодействие судьи и искусственной интеллектуальной системы, выполняющей технические функции по проверке формальных условий и подготовке проекта судебного приказа, при сохранении окончательного решения за судьей).

Таким образом, подводя итог нашей работы, стоит отметить, что дальнейшее совершенствование законодательства в этой сфере должно быть направлено на обеспечение баланса между процессуальной экономией (снижение нагрузки на судей) и сохранением конституционных гарантий права на законный состав суда и справедливое правосудие.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532; 2026. — № 27. — Ст. 4198.
2. Калиновская Д. С. Приказное производство в судах общей юрисдикции // Администратор суда. 2021. № 4. С. 9; Фокин Е. А. О перспективах перераспределения судебной компетенции по делам приказного производства // Журнал российского права. 2023. № 7;
3. Курочкин С. А. Эффективность гражданского судопроизводства. М.: Статут, 2020.

Правовой статус государственного обвинителя как участника уголовного судопроизводства по делам о террористических актах

Шкуринская Полина Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Грачева Ольга Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Автор исследует правовой статус государственного обвинителя по делам о террористических актах, ограничивая его от прокурорского надзора и процессуального руководства расследованием. С учетом решений Верховного Суда РФ 2026 года автор предлагает закрепить гарантии самостоятельности обвинителя в УПК РФ, уточнить ведомственное регулирование и судебные разъяснения по делам данной категории.

Ключевые слова: государственный обвинитель, прокурор, поддержание государственного обвинения, террористический акт, процессуальная самостоятельность, прокурорский надзор.

Приговор по делу о террористическом акте (ст. 205 УПК РФ) [3] затрагивает доверие общества к правосудию, а обвинение в таком процессе поддерживает государственный обвинитель. Актуальность темы подтвердили решения Верховного Суда РФ 2026 года о правиле, по которому обвинитель докладывает прокурору о расхождении своей позиции с обвинительным заключением [10; 11]. Научная проблема в том, что УПК РФ дает обвинителю единые для всех дел полномочия, хотя дела о террористических актах отличаются особой подсудностью (п. 2 ч. 6 ст. 31 УПК РФ) [2] и спецификой доказывания. Цель исследования — установить особенности статуса государственного обвинителя по таким делам и наметить пути его совершенствования. Задачи — разграничить смежные

понятия, определить нормативную основу и полномочия обвинителя, выявить проблемы их реализации. Новизна работы — в анализе решений Верховного Суда РФ 2026 года применительно к делам о террористических актах и в предложениях на его основе.

Государственный обвинитель в системе прокурорской деятельности

Конституция РФ относит уголовное преследование к функциям прокуратуры (ч. 1 ст. 129) и закрепляет состязательность сторон (ч. 3 ст. 123) [1]. Прокурор по УПК РФ осуществляет уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов расследования

(ч. 1 ст. 37). Государственный обвинитель — должностное лицо прокуратуры, поддерживающее от имени государства обвинение в суде (п. 6 ст. 5) [2]. Этот статус прокурор получает лишь в суде (п. 2 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», далее — Закон о прокуратуре) [4; 13, с. 441]. Специальную основу образует Федеральный закон «О противодействии терроризму»: среди принципов он называет защиту прав человека и неотвратимость наказания (пп. 1, 4 ст. 2) [5]. Организационные правила содержит приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 (далее — приказ № 376) [6], разъяснения о квалификации — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 [8].

По делам о террористических актах обязательно предварительное следствие (ч. 2 ст. 150 УПК РФ), и процессуальное руководство им осуществляет руководитель следственного органа (ст. 39 УПК РФ). Прокурор лишь надзирает: требует устранить нарушения, утверждает обвинительное заключение или возвращает дело (пп. 3, 14, 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Задача обвинителя иная — доказать обвинение перед судом на равных с защитой (ч. 4 ст. 15 УПК РФ) [2]. Он заново оценивает собранные под чужим руководством доказательства по внутреннему убеждению (ст. 17 УПК РФ).

Полномочия обвинителя по делам о террористических актах

Обвинитель представляет доказательства, участвует в их исследовании, излагает мнение по существу обвинения и предложения о наказании (ч. 5 ст. 246 УПК РФ). Если доказательства не подтверждают обвинение, он мотивированно отказывается от обвинения или изменяет его в сторону смягчения (ч. 7, 8 ст. 246 УПК РФ) [2]. По делам о террористических актах он доказывает специальную цель — дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений [3; 8, п. 1]. Э. С. Намазов пишет: при отказе обвиняемого от показаний вменить ст. 205 УК РФ труднее, и обвинение опирается на технические данные [14, с. 197]. Он же приводит бездоказательные, по его оценке, заявления обвиняемых о недопустимых методах допроса и называет такие методы недопустимыми [14, с. 198]. Отсюда роль ч. 2 ст. 77 УПК РФ: признание вины требует подтверждения совокупностью доказательств.

УПК РФ запрещает использовать в доказывании результаты оперативно-розыскной деятельности, не отвечающие требованиям к доказательствам (ст. 89). Свидетеля в целях безопасности можно допросить без оглашения подлинных данных о личности (ч. 5 ст. 278), а разбирательство сделать закрытым (п. 4 ч. 2 ст. 241) [2]. Защита вправе ходатайствовать о раскрытии подлинных сведений о свидетеле (ч. 6 ст. 278 УПК РФ), поэтому обвинителю следует заранее проверить, не основано ли обвинение лишь на засекреченных показаниях и оперативных материалах.

В прениях обвинитель вправе ссылаться лишь на доказательства, исследованные в суде и не признанные недопустимыми (ч. 4 ст. 292 УПК РФ) [2]. С органами расследования обвинитель взаимодействует через надзирающего прокурора (п. 3.12 приказа № 376) [6]. Приказ также требует обеспечивать участие прокуроров в разбирательстве дел, за расследованием которых они надзирали, заблаговременно назначать обвинителей и создавать группы по сложным делам (пп. 1.1, 1.4). Прямых средств влияния на следователя у обвинителя нет: при выявлении оснований для более тяжкой квалификации он может лишь ходатайствовать о возвращении дела прокурору (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). При необходимости охраны прав граждан, общественных и государственных интересов обвинитель предъявляет или поддерживает гражданский иск (ч. 6 ст. 246 УПК РФ) [2].

Проблемы реализации полномочий и пути совершенствования

Главная проблема — процессуальная самостоятельность обвинителя. Часть 7 ст. 246 УПК РФ связывает отказ от обвинения с убеждением обвинителя [2], а прокуратура построена на подчинении нижестоящих прокуроров вышестоящим (п. 1 ст. 4 Закона о прокуратуре) [4]. По п. 3.3 приказа № 376 обвинитель докладывает о расхождении своей позиции с обвинительным заключением прокурору, поручившему поддерживать обвинение. Утвердивший заключение прокурор при принципиальном несогласии вправе сам поддержать обвинение или поручить это другим [6]. Верховный Суд РФ признал правило законным: обвинитель руководствуется не личным мнением, а позицией прокуратуры в целом, и самостоятельности не лишается [10; 11]. Со ссылкой на постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П [7] суд вывел право вышестоящего прокурора исправлять решения нижестоящего из публичного характера обвинения [11]. С этим можно согласиться при условии: расхождение разрешается заменой обвинителя, а не указанием поддерживать обвинение, которое он считает недоказанным. Однако ч. 4 ст. 246 УПК РФ допускает замену лишь при невозможности дальнейшего участия прокурора. В. А. Ефанова предупреждала, что обязательное согласование позиции поставит обвинителя в полную зависимость от утвердившего обвинение прокурора [13, с. 443–444]. Такую гарантию дает лишь приказ (пп. 1.6, 3.3) [6], и ее стоит закрепить в ст. 246 УПК РФ. По делам о террористических актах это особенно важно: санкция ч. 3 ст. 205 УК РФ включает пожизненное лишение свободы [3].

Вторая проблема — организационная. Приказ № 376 прямо не выделяет дела террористической направленности, хотя именно по ним особенно остро стоят проблемы защиты свидетелей, в том числе допроса под псевдонимом [12, с. 75–76]. Н. В. Ткачева отмечает: закон не уточняет оснований замены обвинителя, а новый обвинитель не получает полного представления о ходе процесса [15, с. 131]. Предлагаем назначать обвинителя по

таким делам не позднее утверждения обвинительного заключения из прокуроров, надзиравших за следствием или специализирующихся на делах этой категории. Такой срок конкретнее требования назначать обвинителя «заблаговременно» (п. 1.4 приказа № 376). Участие прокурора в расследовании не препятствует его участию в суде (ч. 2 ст. 66 УПК РФ) и не мешает оценивать доказательства по внутреннему убеждению. В. А. Ефанова сомневалась, что раннюю подготовку обвинителя можно обеспечить без увеличения штата [13, с. 442], но предложение касается одной категории дел, а не всех.

Третья проблема — баланс безопасности и прав обвиняемого. Закон «О противодействии терроризму» ставит защиту прав человека и неотвратимость наказания в один ряд [5], а обвинитель не вправе ни отказываться от доказанного обвинения, ни поддерживать недоказанное [10; 11]. Постановление Пленума № 1 почти не касается процессуальных вопросов, а о специальной цели дает лишь общие

критерии (абз. 2–3 п. 1) [8]. Его стоит дополнить разъяснениями о проверке показаний засекреченных свидетелей, допустимости оперативных материалов (общие правила о них дает лишь п. 9 постановления Пленума «О судебном приговоре» [9]) и доказывании специальной цели.

Заключение

Статус государственного обвинителя — процессуальное положение прокурора в суде, отличное и от надзора, и от руководства расследованием. Его особенности по делам о террористических актах вытекают из предмета доказывания, состава доказательств и подсудности, но в законе не отражены. Автор предлагает закрепить в ст. 246 УПК РФ замену обвинителя при его разногласии с вышестоящим прокурором. Приказ № 376 стоит дополнить правилами о назначении обвинителей, постановление Пленума № 1 — процессуальными разъяснениями.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2020. — 4 июля.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СЗ РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
5. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 25.05.2026) // СЗ РФ. — 2006. — № 11. — Ст. 1146.
6. Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» (ред. от 16.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // Российская газета. — 2012. — 17 февр.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» (ред. от 09.12.2025). — URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8528/> (дата обращения: 09.10.2026).
10. Решение Верховного Суда РФ от 05.03.2026 № АКПИ26–10. — URL: https://www.vsrflk/practice/stor_pdf/2526150 (дата обращения: 09.10.2026).
11. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 09.06.2026 № АПЛ26–94. — URL: https://www.vsrflk/practice/stor_pdf/2548272 (дата обращения: 09.10.2026).
12. Ахмедов А. Г. Вопросы применения мер безопасности к участникам уголовного процесса по делам о преступлениях террористического характера // Научный портал МВД России. — 2016. — № 1. — С. 74–78.
13. Ефанова В. А. Прокурор как субъект государственного обвинения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2012. — № 1. — С. 437–444.
14. Намазов Э. С. Поджоги военкоматов и административных зданий, совершенные на территории Российской Федерации: уголовно-правовая квалификация террористических актов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2024. — № 4 (43). — С. 191–200.
15. Ткачева Н. В. Государственный обвинитель как участник производства в суде первой инстанции // Журнал юридических исследований. — 2022. — Т. 7, № 2. — С. 126–134.

Административные процедуры как средство противодействия коррупции в системе органов публичной власти: проблемы теории и практики

Якупова Асия Мирасовна, студент
Челябинский государственный университет

В настоящей работе рассматриваются административные процедуры сквозь призму их антикоррупционного потенциала. На базе анализа нормативных правовых актов, материалов правоприменительной деятельности и эмпирических данных, полученных в органах местного самоуправления, автором выявлены типичные коррупционные факторы, содержащиеся в административных регламентах, а также системные недостатки правового регулирования и практической реализации процедурных норм. Предложены пути оптимизации процедурной регламентации. Обосновывается необходимость применения комплексных мер, включающих формализацию процедур, внедрение цифровых решений и развитие институтов общественного контроля.

Ключевые слова: административные процедуры, антикоррупционная политика, органы публичной власти, муниципальный уровень управления, административные регламенты, коррупционные факторы, антикоррупционная экспертиза, дискреционные полномочия.

Введение

Противодействие коррупционным проявлениям в деятельности государственных и муниципальных органов традиционно относится к числу приоритетных направлений государственной политики. По обоснованному мнению, исследователей, коррупция представляет собой системную угрозу, охватывающую практически все сферы публичного управления. В числе отраслей, наиболее подверженных коррупционным рискам, традиционно выделяются бюджетно-финансовая сфера, градостроительная деятельность, земельно-имущественные отношения, а также процедуры размещения государственных и муниципальных заказов.

Вместе с тем исследователи обращают внимание на то, что превентивные антикоррупционные меры зачастую носят бессистемный характер и демонстрируют низкую практическую отдачу. Указанные обстоятельства актуализируют задачу критической оценки эффективности административно-правового инструментария противодействия коррупции и выработки новых подходов к его применению.

На муниципальном уровне рассматриваемая проблема приобретает особую значимость, что обусловлено непосредственным характером взаимодействия должностных лиц с населением, а также наличием значительного объема дискреционных полномочий, создающих благоприятные условия для злоупотреблений. Именно административные процедуры в доктринальных источниках рассматриваются в качестве ключевого средства минимизации указанных рисков, однако практический потенциал данного инструментария требует дополнительного изучения.

Цель настоящей работы состоит в определении антикоррупционного потенциала административных процедур и выработке предложений по их совершенствованию применительно к деятельности органов публичной власти.

1. Теоретические аспекты исследования

1.1. Понятие и сущность административных процедур

Действующее российское законодательство не содержит легальной дефиниции понятия «административная процедура». В юридической доктрине под указанным термином принято понимать нормативно установленную последовательность взаимосвязанных действий органов публичной власти и их должностных лиц, направленных на реализацию прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций, предоставление государственных и муниципальных услуг, а также принятие управленческих решений.

В научной доктрине обоснованно отмечается, что административные процедуры имеют бинарную природу: будучи формой юридически значимой деятельности публичных органов, они одновременно служат инструментом легитимации решений и механизмом защиты прав граждан от необоснованного вмешательства со стороны должностных лиц. При этом антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, предполагающая выявление и устранение коррупционных факторов, представляет собой неотъемлемый элемент системы противодействия коррупции.

Эффективность служебных ограничений и требований, адресованных государственным и муниципальным служащим, напрямую обусловлена степенью проработанности и детализации процедурных правил, в контексте которых они применяются.

1.2. Коррупция в механизме функционирования публичной власти

Коррупционные отношения в системе органов публичной власти характеризуются сложной социально-правовой природой и обладают значительным деструктивным потенциалом. Как показывают современные исследования, коррупционные риски в деятельности публичных должностных лиц зачастую порождаются нечеткостью правовых

норм, избыточным усмотрением при принятии решений и недостаточной формализацией процедурных правил.

В условиях муниципального уровня управления повышенный коррупционный риск сопряжен с процедурами:

- выдачи разрешительной документации (в частности, в сфере строительства и землепользования);
- рассмотрения обращений физических и юридических лиц;
- осуществления закупочных процедур;
- проведения конкурсных и аттестационных мероприятий в отношении муниципальных служащих.

1.3. Антикоррупционный потенциал административных процедур

Антикоррупционный потенциал административных процедур раскрывается через следующие механизмы: во-первых, минимизация дискреционных полномочий должностных лиц; во-вторых, обеспечение открытости и предсказуемости управленческих решений; в-третьих, создание системы юридической ответственности за нарушения процедур; в-четвертых, унификация правоприменительной практики.

Вместе с тем, как показывает анализ правоприменительной практики, перечисленные теоретические механизмы не всегда работают с должной эффективностью, что объясняется как дефектами нормативного регулирования, так и особенностями сложившейся правоприменительной практики.

2. Практический анализ: опыт органов местного самоуправления

2.1. Методологическая основа и эмпирическая база

Эмпирической основой исследования послужили материалы, собранные в ходе прохождения учебной и производственной практики в органах местного самоуправления. В рамках исследования подвергнуты анализу:

- уставы муниципальных образований (в части закрепления процедурных норм);
- административные регламенты предоставления муниципальных услуг;
- обращения граждан и организаций за 2023–2025 гг.;
- акты прокурорского реагирования;
- заключения по результатам антикоррупционной экспертизы проектов муниципальных правовых актов;
- судебные акты по спорам об оспаривании решений и действий органов местного самоуправления;
- результаты анкетирования граждан, обращавшихся в органы местного самоуправления;
- итоги неформальных интервью с муниципальными служащими.

В работе применялись такие методы, как формально-юридический анализ, статистическая обработка данных, анкетирование, интервьюирование, сравнительно-правовой метод.

2.2. Системные коррупциогенные факторы

Анализ административных регламентов предоставления муниципальных услуг позволил выявить следующие типичные коррупциогенные факторы (в соответствии с Методикой, утв. Постановлением Правительства РФ № 960):

1. Избыточные требования к заявителям. В отдельных регламентах закреплены положения, обязывающие представлять документы, прямо не предусмотренные федеральным законодательством, что создает почву для злоупотреблений.

2. Необоснованно завышенные сроки. Установленные сроки рассмотрения заявлений не имеют объективного обоснования, что позволяет должностным лицам манипулировать временными рамками.

3. Неопределенные основания для отказа. Формулировки условий, при наступлении которых заявителю может быть отказано в предоставлении услуги, допускают неоднозначное толкование.

4. Отсутствие детализированной процедуры досудебного обжалования. Во многих регламентах не содержится исчерпывающей информации о порядке и сроках обжалования действий должностных лиц.

5. Бланкетные нормы. Отдельные регламенты содержат отсылки к иным правовым актам без конкретизации порядка действий, что снижает их регулятивный потенциал.

6. Отсутствие единых критериев оценки результативности. Неопределенность показателей эффективности административных процедур порождает дополнительные коррупционные риски.

2.3. Правоприменительные аспекты

Анализ обращений граждан и организаций в органы местного самоуправления свидетельствует о наличии значительного числа жалоб на нарушение процедурных сроков и установленного порядка рассмотрения. Акты прокурорского реагирования подтверждают системный характер указанных нарушений, причем значительная их часть связана именно с нарушениями административных процедур при принятии муниципальных правовых актов.

Результаты антикоррупционной экспертизы показывают, что на стадии муниципального правотворчества сохраняется высокий уровень коррупционных рисков: существенная доля проектов муниципальных правовых актов направляется на доработку в связи с выявленными коррупциогенными факторами.

Судебная практика по делам об оспаривании решений и действий (бездействия) органов местного самоуправления позволяет выделить следующие типичные основания для удовлетворения требований заявителей:

- нарушение регламентированного порядка рассмотрения обращений;
- несоблюдение сроков принятия решений;

- отсутствие надлежащего уведомления заявителей;
- принятие решений с превышением предоставленных полномочий;
- немотивированный отказ в предоставлении муниципальной услуги.

Социологический срез исследования (анкетирование граждан) показал, что значительная часть опрошенных оценивает процедуру получения услуги как неоправданно длительную; каждый четвертый респондент сталкивался с требованием представить документы, не предусмотренные регламентом; каждый десятый прямо указал на необходимость неформальных договоренностей для ускорения решения вопроса.

Интервью с муниципальными служащими позволили установить, что наиболее коррупциогенными признаются сферы выдачи разрешений (в строительстве и земельных отношениях), а также закупочной деятельности. Оценки эффективности внутреннего контроля за соблюдением процедур колеблются от «формального» до «в достаточной степени эффективного».

3. Направления совершенствования

3.1. Системные недостатки правового регулирования

Проведенное исследование позволяет выделить следующие системные проблемы регламентации административных процедур на муниципальном уровне:

1. Отсутствие единого кодифицированного акта. Разрозненность правового регулирования, отсутствие Административно-процедурного кодекса, способного унифицировать процедурные правила для всех органов публичной власти, приводит к фрагментарности и противоречивости правового массива.

2. Динамичность и противоречивость подзаконного регулирования. Частая корректировка подзаконных нормативных правовых актов порождает правовую неопределенность, затрудняет правоприменение и усиливает коррупционные риски.

3. Формальный характер процедур. Нередки случаи, когда процедуры формально соблюдаются, однако их реальное содержание не соответствует антикоррупционным целям, а сами процедуры превращаются в инструмент легитимации заранее predetermined решений.

4. Бюрократизация как следствие борьбы с коррупцией. Увеличение числа контрольных стадий и согласований в рамках антикоррупционных мероприятий приводит к разрастанию бюрократического аппарата, что, в свою очередь, увеличивает издержки граждан и бизнеса и создает новые точки коррупционного давления.

5. Противоречие между формализацией и гибкостью. Жесткая регламентация процедур, оптимальная с позиций противодействия коррупции, может оказаться неэффективной с управленческой точки зрения, лишая органы власти возможности гибко реагировать на нетипичные ситуации.

6. Ресурсная недостаточность. Отсутствие надлежащего материально-технического обеспечения для прозрачной реализации процедур, особенно в части внедрения электронных платформ и систем мониторинга.

7. Институциональное сопротивление. Внедрение прозрачных и объективных процедур подрывает основы неформальных практик и коррупционных доходов, что обуславливает скрытое или явное противодействие со стороны бюрократического аппарата.

3.2. Использование зарубежного опыта

Сравнительный анализ регламентации административных процедур в зарубежных странах позволяет выделить лучшие практики, заслуживающие внимания при формировании российской модели:

Германия — Закон об административной процедуре 1976 г., содержащий детальные правила принятия административных решений, включая процедуры уведомления сторон, сбора доказательств и мотивирования решений.

Эстония — практика электронного правительства, в рамках которой более 99 % государственных и муниципальных услуг предоставляются в электронном виде, что позволяет минимизировать человеческий фактор и сопутствующие коррупционные риски.

Сингапур — применение риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорной деятельности, высокий уровень автоматизации процедур и строгая регламентация при максимальной прозрачности.

Республика Казахстан — принятие Административного процедурно-процессуального кодекса (2020 г.), унифицировавшего процедурные правила для всех органов государственной власти.

Франция — Кодекс об отношениях между публичкой и администрацией (2015 г.), закрепляющий права граждан в отношениях с администрацией, включая право на получение мотивированного ответа и ознакомление с материалами дела.

3.3. Практические предложения

По результатам проведенного исследования могут быть предложены следующие меры по совершенствованию административных процедур:

1. Кодификация процедурных норм. Разработка и принятие Административно-процедурного кодекса Российской Федерации, который бы унифицировал процедурные правила и устранил существующие пробелы и коллизии.

2. Аудит административных регламентов. Проведение систематического пересмотра действующих регламентов с целью устранения коррупциогенных факторов — исключение избыточных требований, конкретизация оснований для отказа, упразднение бланкетных норм, внедрение четких процедур досудебного обжалования.

3. Оптимизация сроков. Сокращение сроков рассмотрения отдельных категорий обращений (в пределах, допускаемых действующим законодательством).

4. Повышение информационной открытости. Обеспечение систематического размещения на официальных сайтах органов власти актуальных версий административных регламентов и доступной информации о порядке досудебного обжалования.

5. Усиление внутреннего контроля. Внедрение систем электронного мониторинга и автоматизированного контроля за соблюдением процедурных сроков.

6. Развитие кадрового потенциала. Организация систематических обучающих мероприятий для государственных и муниципальных служащих по вопросам антикоррупционного поведения, типичных нарушениях процедур и ответственности за их совершение.

7. Риск-ориентированный подход. Применение риск-ориентированного подхода при проведении антикоррупционной экспертизы с акцентом на наиболее коррупциогенные сферы.

8. Цифровая трансформация. Активное внедрение информационных технологий, развитие электронных платформ предоставления услуг и автоматизированных систем мониторинга.

9. Общественное участие. Расширение возможностей общественного контроля за соблюдением процедур, создание механизмов обратной связи и оценки качества процедур гражданами.

10. Гармонизация правового массива. Приведение муниципальных правовых актов в соответствие с федеральным законодательством, устранение противоречий и пробелов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.08.2026).
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.08.2026).
3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4179. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.08.2026).
4. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 19. — Ст. 2060. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.08.2026).
5. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 10. — Ст. 1152. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.08.2026).
6. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.08.2026).

Первое. Административные процедуры представляют собой действенный инструмент противодействия коррупции в системе органов публичной власти, однако степень их эффективности непосредственно зависит от качества нормативной регламентации и эффективности правоприменительной практики.

Второе. Анализ административных регламентов органов местного самоуправления выявил наличие значительного числа коррупциогенных факторов (избыточные требования, завышенные сроки, неопределенные основания для отказа, отсутствие процедур обжалования), требующих системного устранения.

Третье. Между теоретической моделью и практической реализацией административных процедур существует существенный разрыв: попытки усиления формализации нередко приводят к росту бюрократизма, а борьба с коррупцией сталкивается с институциональным сопротивлением.

Четвертое. Ключевая задача состоит в преодолении указанного разрыва путем формирования сбалансированных, транспарентных и подконтрольных гражданскому обществу процедурных механизмов.

Пятое. Необходимо применение комплексного подхода, объединяющего формализацию процедур, цифровизацию административных процессов и развитие общественного контроля.

Шестое. Перспективным направлением является внедрение риск-ориентированного подхода к антикоррупционной экспертизе, создание автоматизированных систем мониторинга соблюдения процедур, использование технологий искусственного интеллекта для выявления коррупциогенных факторов.

Реализация предложенных мер позволит не только снизить коррупционные риски в системе органов публичной власти, но и повысить уровень доверия граждан к институтам власти, что является необходимым условием устойчивого развития российской государственности.

7. Постановление Правительства РФ от 23.07.2019 № 960 «Об утверждении методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 30. — Ст. 4342. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.08.2026).
8. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: учебник для вузов. — 3-е изд., пересмотр. и доп. — М.: Норма, 2020. — 816 с.
9. Бахтина М. С. Административно-правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: монография. — М.: Проспект, 2025. — 176 с.
10. Пантелеев В. Ю. Административная реформа как условие реализации антикоррупционной политики // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. — 2025. — Вып. 18, № 2. — С. 123–135.
11. Снарк Д. А. Служебные ограничения и их роль в обеспечении антикоррупционной направленности административно-правового статуса государственных гражданских служащих Российской Федерации // Молодой ученый. — 2025. — № 47 (598). — С. 289–291. — URL: <https://moluch.ru/archive/598/> (дата обращения: 19.08.2026).
12. Старилов Ю. Н. Административная процедура и административный процесс: соотношение понятий // Административное право и процесс. — 2024. — № 3. — С. 12–18.
13. Ноздрачев А. Ф. Система административных процедур в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Журнал российского права. — 2024. — № 5. — С. 45–58.
14. Сатаров Г. А. Методология антикоррупционной политики: институциональный анализ. — М.: Фонд ИНДЕМ, 2023. — 312 с.
15. Головщинский К. И. Экономический анализ коррупционности административных процедур // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2024. — № 2. — С. 78–95.

Пересмотр вступивших в законную силу судебных решений мировых судей. Актуальность и целесообразность изменений, внесенных в главу 47.1 УПК РФ в части обжалования судебных актов мировых судей

Якупова Елена Сергеевна, студент магистратуры
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье автор анализирует и исследует процедуру обжалования вступивших в законную силу судебных решений мировых судей после внесенных изменений в главу 47.1 УПК РФ с 10 мая 2026 года.

Ключевые слова: суд кассационной инстанции, судебные решения, мировой судья, пересмотр вступивших в законную силу судебных решений.

История становления и развития института кассации в российском уголовном процессе на протяжении более чем полутора веков содержит в себе ряд изменений, которые происходили в государственном строе, правовой системе и судебной системе России. С октября 2019 года по май 2026 года пересмотр вступивших в законную силу судебных решений мировых судей в соответствии со ст. 401.3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее — УПК РФ) осуществляли суды кассационной инстанции, которых на территории Российской Федерации девять, при этом обжалование осуществлялось в порядке выборочной и сплошной кассации.

Участники уголовного процесса в порядке сплошной кассации были правомочны направить кассационную жалобу, представление непосредственно через мировой участок, рассматривавший данное уголовное дело по первой инстанции и постановивший приговор в течение 6 месяцев после вступления итогового судебного

решения в законную силу, а для лиц, содержащихся под стражей — с момента вручения судебных решений с отметкой о вступлении приговора в законную силу. При поступлении кассационной жалобы, представления мировой участок обязан выполнить ряд требований по подготовке материалов уголовного дела, такие как, например, разослать жалобу, представление сторонам, разъяснить порядок подачи на них возражений, выяснить у осужденного позицию относительно его участия в судебном заседании суда кассационной инстанции и участия защитника. По итогам проведения всех подготовительных действий, мировой судья направляет уголовное дело вместе с поступившими кассационными жалобами, представлениями (в подшитом виде) в соответствующий суд кассационной инстанции.

В порядке выборочной кассации кассационные жалобы, представления подавались непосредственно заявителем в суды кассационной инстанции. В данном случае

суд кассационной инстанции, изучая жалобу, представление, мог запросить материалы уголовного дела из мирового участка и далее вынести одно из двух решений: отказать в передаче кассационной жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции либо передать кассационную жалобу, представление вместе с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

В апреле 2026 года система пересмотра вступивших в законную силу судебных решений мировых судей претерпела существенные изменения. В соответствии с Федеральным законом от 09.04.2026 N 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2] Верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области и суд автономного округа являются «вышестоящими судебными инстанциями по отношению к районным судам и мировым судьям, действующим на территории соответствующего субъекта Российской Федерации» и отныне они рассматривают дела не только в качестве суда первой и апелляционной инстанции, но и кассационной инстанции» [3].

Согласно пояснительной записке к проекту ФКЗ, необходимость в реформировании инстанционного устройства обусловлена тем, что именно суды уровня субъектов России «несут обязанность по штатному комплектованию мировой юстиции на подведомственной им территории» и осуществляют иные организационные полномочия в отношении мировых судей [4]. При этом, по мнению самих авторов законопроекта, указанные суды «лишены процессуального контроля» за законностью решений мировых судей и «не имеют возможности изучать и обобщать их судебную практику», что нарушает логику инстанционного устройства и негативно сказывается на развитии судебной системы [5].

Так, целесообразность внесения изменений в кассационный порядок пересмотра решений мировых судей действительно имеет под собой ряд предпосылок и оснований. Так, целью возрождения мировой юстиции являлось приближение и, следовательно, ускорение процедуры и создание необходимых условий для использования каждым заинтересованным права на судебную защиту. Вступившие в законную силу решения мировых судей могут пересматриваться только в девяти кассационных судах, что создает трудности для доступа к правосудию участников процесса, которые не имеют возможности приехать в суды и принять участие в судебном заседании. Принцип доступности правосудия, несмотря на отсутствие законодательного закрепления, действи-

тельно является общепризнанным в процессуальных науках [6, с. 55]. Особенно важно обеспечить реализацию данного принципа в рамках мировой юстиции, учитывая, что за один только 2024 год кассационные суды рассмотрели по жалобам и представлениям на решения мировых судей 2430 дел в отношении 2484 лиц в порядке уголовного судопроизводства.

В продолжение темы о целесообразности внесения изменений в кассационный порядок пересмотра решений мировых судей стоит отметить также и про территориальную удаленность судов кассационной инстанции от участников процесса, проживающих на территории судебного участка, в ряде случаев неизбежно влечет за собой дополнительные расходы на отправку почтовой корреспонденции, поскольку в своем регионе участник процесса мог бы прийти в суд и получить необходимые судебные решения лично на руки.

Далее — явка в судебное заседание участников процесса, которая сопряжена с транспортными расходами и может быть, с расходами на проживание, что может повлечь дополнительные расходы из средств федерального бюджета в рамках возмещения процессуальных издержек.

Также стоит отметить, что мировые судьи рассматривают дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы (ч. 1 ст. 31 УПК РФ), указанные преступления относятся к преступлениям небольшой тяжести (ч. 2 ст. 15 УК РФ), срок давности привлечения к уголовной ответственности за указанные преступления в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ составляет два года. Принимая во внимание сроки рассмотрения таких дел в судах первой и апелляционной инстанции, а затем — в кассационной инстанции, велик риск, что при рассмотрении дела в суде кассационной инстанции, с учетом расположения кассационных судов, сроки, предусмотренные ст. 78 УК РФ, истекут, и в случае отмены судебных решений судов первой и апелляционной инстанции, виновное лицо может остаться безнаказанным. Кроме того, при рассмотрении таких дел в порядке выборочной кассации, сроки рассмотрения дел в кассационных судах может быть еще увеличен, поскольку судья может запросить уголовное дело, которое будет направлено Почтой России и занимать достаточно продолжительное время.

Таким образом, анализируемая реформа института кассационного обжалования судебных решений мировых судей действительно имеет место быть и обусловлена комплексными целями, направленными на совершенствование системы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Федеральный закон от 09.04.2026 N 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 13.04.2026, N 15, ст. 1845.

3. О внесении изменений в статьи 19.1 и 20 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 9 апреля 2026 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 15. Ст. 1842.
4. Подписаны законы о коррекции «сплошной» кассации [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/podpisany-zakony-o-korreksii-splshnoy-kassatsii/> (дата обращения: 14.10.2026).
5. Пояснительная записка к законопроекту «О внесении изменений в статьи 19–1 и 20 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1136722-8> (дата обращения: 14.10.2026).
6. Крисько В. С. К вопросу о реализации принципа доступности правосудия и создания единого информационного пространства судебной системы // Администратор суда. 2019. № 1. С. 54–56.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 42 (645) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 28.10.2026. Дата выхода в свет: 04.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.